

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

**ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА
НА ИСТОРИЧЕСКОМ ПЕРЕЛОМЕ**

Москва — 1991

Хорев

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт славяноведения и балканистики

Институт научной информации по общественным наукам

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА

НА ИСТОРИЧЕСКОМ ПЕРЕЛОМЕ

(Очерки революционных преобразований 1989-1990 гг.)

Ответственный редактор

доктор философских наук, профессор

Ю.С.Новопашин

МОСКВА

1991

Сборник подготовлен в секторе
современной истории (70-90-е годы) ИСБ АН СССР

Редактор-составитель
кандидат философских наук
В.Д.Кузнечевский

Научно-техническую работу
по подготовке текста провели
к.и.н. О.Н.Майорова, Т.П.Морозова

ISBN 5-201-00713-9

© Институт славяноведения
и балканистики АН СССР,
1991

У "РАЗВИТОГО КОРЫТА"
ИЛИ О ПРИЧИНАХ КРАХА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО
ЭКСПЕРИМЕНТА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЕ

Послевоенный исторический процесс в странах Центральной и Восточной Европы, включая и международный аспект его развития, процесс, который в нашем обычном словоупотреблении именовался строительством социалистического общества, резко изменил в конце 1989 г. и продолжает менять свои количественные и качественные характеристики, т.е. неумолимо сжимается, сокращается, подобно бальзаковской "загретой коже". То, что четыре с половиной десятилетия преподносилось в качестве "мерной поступи"¹ неодолимых сил революционного прогресса человечества, поступи объективно обусловленной и необратимой, вдруг как бы в одночасье обратилось вспять, вызвав немалое замешательство идеологического актива КПСС, других компартий, которое коснулось и практических работников, и ученых-обществоведов, и пропагандистско-лекторских кадров.

Тут встает много вопросов, и о некоторых из них уже шла речь на страницах советской и зарубежной печати. Но, разумеется, углубленное и всестороннее исследование этих непростых вопросов - задача на перспективу. Стремясь внести в ее решение посильный вклад, автор данной статьи хотел бы поделиться с читателями своими размышлениями под углом зрения единственного, обобщенного, так сказать, вопроса: почему для стоявших у власти в течение четырех с лишним десятилетий коммунистических и рабочих партий восточноевропейских стран все закончилось таким сокрушительным крахом? Думается, это было предопределено причинами двойного свойства - доктринальными и практико-политическими.

I. Учение о диктатуре пролетариата себя не оправдало

Исследуя доктринальные причины, ниточку надо тянуть от марксистско-ленинского учения о диктатуре пролетариата, которая, как правильно заметил член-корреспондент АН СССР А.А.Искандеров, "себя не оправдала, потому что именно она была связана с насилием"². Это сказано применительно прежде всего к ситуации в СССР, к оценке неутешительных итогов более чем 70-летнего большевистского эксперимента по созданию социализма. Но данные слова легко экстраполировать и на более широкую плоскость, ибо учение о диктатуре пролетариата нигде себя не оправдало, нигде рабочий класс не смог установить собственной власти, будучи поднятым в СССР и других так называемых странах социализма железным катком диктатуры своих "слуг", то бишь партийно-государственного руководства. Везде и во всех случаях диктатура этого руководства, "монополия правящей коммунистической партии веде к тоталитаризму, обращивается новым жестоким подавлением личности и тех же трудящихся масс"³. Подавлением, которое везде и во всех случаях обеспечивалось государственной охранно-карательной системой, находившейся в состоянии непрекращающейся, чаще прикрытой, а нередко и открытой, войны с народными массами. В этом — источник перманентной нестабильности псевдосоциалистических обществ, приведшей в конце концов к острейшему политическому конфликту "низов" и "верхов" в регионе Центральной и Восточной Европы.

Говоря о несостоятельности ключевого для марксистско-ленинской доктрины тезиса о диктатуре пролетариата, я бы сделал акцент на второй части двуфамильного определения этой доктрины. Почему? Да потому, что именно В.И.Ленин, воспринявший марксовы идеи о единственно последовательном революционном классе пролетариате и его диктатуре после победоносной социалистической революции, поставил учение об этой диктатуре в центр своей концепции строи-

тельства нового общества и так его абсолютизировал, что оно уже тогда приобрело явно антидемократический, авторитарный характер. Мне, конечно, могут возразить, что-де Ленин был революционером до мозга костей, а революции - вещи в высшей степени авторитарные. Я на это ответил бы так: можно себе представить потребу дня революции, когда чрезвычайные обстоятельства обуславливают чрезвычайные, далеко не демократические по сути своей методы борьбы; но есть ведь и научное понимание вопроса, когда неуместно и нелогично потребу дня возводить в общее правило. Ленин же тем не менее возводил, как мне кажется, в общетеоретическое правило свои призывы к "безусловной централизации и строжайшей дисциплине пролетариата"⁴, свое понимание диктатуры этого самого пролетариата как "железной, беспощадной, твердой власти рабочих, которая ни перед чем не останавливается и которая говорит: кто не с нами - тот против нас"⁵.

И здесь тоже предвижу возражение коллег-обществоведов, что есть, мол, и другие определения диктатуры пролетариата, этой стержневой категории ленинизма. Не спорю, есть. Но наиболее существенное из них я усматриваю именно в цитированном выше. В своей как раз претендовавшей на теоретическое обобщение статье "К истории вопроса о диктатуре" Ленин подчеркнул, что без признания диктатуры пролетариата "нельзя быть революционером на деле"⁶. И далее, расшифровывая, как он понимает это свое "быть революционером на деле", большевистский вождь говорит об обеспечении революционной власти, которая бы "не признавала никакой другой власти и никакого закона, никакой нормы, от кого бы то ни было исходящей"⁷. Чуть ниже он опять возвращается к концептуальной стороне вопроса: "Научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть"⁸.

Явно антидемократический, авторитарный характер при-

обрело под рукой Ленина учение о диктатуре пролетариата и потому, что именно он дал такую трактовку "механизма пролетарской государственной власти"⁹, когда венчает весь этот механизм обязательно компартия, которая "господствует и должна господствовать над громадным государственным аппаратом"¹⁰.

Понятно, что правящая РКП(б) стремилась через членов партии, находившихся на государственной службе, проводить партийную линию, нацеливать весь механизм власти на осуществление своих программных целей. Но вот употребленные в обобщающем плане слова "господствует и должна господствовать" приобретали уже - независимо от субъективных намерений автора этих слов - совершенно определенный оттенок, могли быть истолкованы и были истолкованы в качестве теоретического обоснования коммунистического единовластия. Того именно обоснования, которое чуть позже, в 1923 г. было отлито ближайшими соратниками отсутствовавшего по болезни вождя в чеккиную формулировку постановления XII съезда РКП(б), согласно которой диктатура пролетариата "не может быть обеспечена иначе, как в форме диктатуры его передового авангарда, т.е. Компартии"¹¹.

Правда, сам Ленин в одной из своих важнейших теоретических работ "Детская болезнь "левизны" в коммунизме" высказался о механизме реализации власти в условиях перехода к социализму в более академической форме. "Диктатуру, - писал он, - осуществляет организованный в Советы пролетариат, которым руководит коммунистическая партия большевиков"¹². Но что значит: руководит? Как, с помощью каких методов? Это ведь можно делать с помощью демократических методов, а можно и с помощью диктаторских. Ближайшие соратники "устранили" эту излишнюю академичность в высказывании вождя, т.е. заменили общее понятие партийного руководства более конкретным, не допускающим никаких кривотолков понятием партийной диктатуры.

Об антидемократической абсолютизации Лениным марксо-

ва учения о диктатуре пролетариата как новой форме государственности свидетельствует его стойкий негативизм в отношении опыта буржуазного парламентаризма, становления и развития в западных странах правового государства. На парламент большевистский вождь смотрел отнюдь не с точки зрения заимствования демократических методов его функционирования, а исключительно как на "насквозь прогнившее капиталистическое учреждение, в котором обманывают рабочих и трудящихся"¹³. Он был убежден, что "не парламент, а только рабочие Советы могут быть орудием достижения целей пролетариата, и, конечно, те, кто не понял этого до сих пор, суть злейшие реакционеры, будь то самый ученый человек, самый опытный политик, самый искренний социалист, самый начитанный марксист, самый честный гражданин и семьянин"¹⁴.

Кстати, недооценка принципов политической демократии, совершенно очевидные проявления нигилизма в отношении богатого опыта парламентаризма Западной Европы и Северной Америки были характерны и для всех других большевистских лидеров. Н.И.Бухарин, например, называл буржуазно-парламентарный строй "паршивеньким" и подчеркивал, что большевики провозглашают "смертельную войну буржуазно-парламентарной республике"¹⁵. Л.Д.Троцкий именовал парламентарно-демократический механизм осуществления власти не иначе, как "парламентским шарлатанством"¹⁶, провозглашал, что "нам не нужны более обветшалые декорации парламентаризма, его светотени, его оптический обман"¹⁷, громкогласно обещал, что "пролетарская диктатура сметет навозную кучу буржуазной демократии и очистит путь для коммунистического строя"¹⁸.

Можно отметить, что именно Троцкий пустил в оборот на XIII съезде РКП(б) презрительное определение западноевропейской демократии как "маргариновой демократии, которая является, с одной стороны, идеологией меньшевизма, а с другой – последним прикрытием империализма"¹⁹. Именно ему принадлежат следующие, ставшие общим местом боль-

шевистской идеологии, слова: "Пережившая себя демократия не разрешает ни одного вопроса, не смягчает ни одного противоречия, не залечивает ни одной раны, не предотвращает восстаний ни слева, ни справа, — она бессильна, ничтожна, лжива и служит только для того, чтобы сбивать с толку отсталые слои народа, особенно мелкой буржуазии"²⁰.

Наконец, еще одной немаловажной чертой популистского авторитаризма большевистских лидеров был их неприкрытый, временами даже нарочитый антиинтеллектуализм. Листая тома ленинских сочинений, нельзя не обратить внимание, что слово "интеллигент" упоминается в них, по большей части, в отрицательном контексте. "Интеллигент" — символ слоняйства, хныканья, неустойчивости и ренегатства. Ему противостоит твердокаменный и всегда правый рабочий-гегемон, который выступал для руководителей РКП(б), весьма далеких, как правило, по своему социальному положению от пролетарских масс, чем-то вроде робеспьеровского "высшего существа". Утверждая культ этого существа, Ленин и заявлял: "Опирайтесь на интеллигенцию мы не будем никогда, а будем опираться только на авангард пролетариата, ведущего за собой всех пролетариев и всю деревенскую бедноту. Другой опоры у партии коммунистов быть не может"²¹.

Несколько оправившись от ранения его правозсеровской террористкой, В.И. Ленин в разговоре с навестившим главу Советского государства А.М. Горьким сделал весьма примечательное обобщение, подчеркнув, что он "получил пулю от интеллигенции" (которую, дескать, так рьяно и напрасно защищал его гость в цикле своих антибольшевистских статей "Несвоевременные мысли"). Не менее определенно высказался на этот счет и Л.Д. Троцкий, по словам которого вся буржуазная интеллигентская "печать дико выла", проклиная разгон Учредительного собрания и другие решительные шаги новой власти, а "Горький, основательно забывший свою песню о соколе, продолжал пророчествовать в "Новой жизни" о близком светопреставлении"²².

Таким образом, еще при жизни Ленина были обозначены

антидемократические контуры большевистского понимания строительства нового общества при помощи основного орудия этого строительства – диктатуры пролетариата, суть которой усматривалась в революционно-насильственных, репрессивных мерах²³ и которая, как гласили партийные скрижали, не может быть обеспечена иначе, чем в форме диктатуры передового авангарда пролетариата, т.е. компартии. Но; разумеется, о законченной (и закостеневшей) государственно-партократической концепции построения социализма, названной с легкой руки Г.Е.Зиновьева марксистско-ленинской, можно говорить больше применительно к послеленинскому периоду существования российской компартии, имея в виду популяризацию этой концепции также в коминтерновских кругах и включая такой организационно-политический и идеологический процесс, как большевизация всех входивших в III Интернационал компартий, т.е. причисывание всех их под одну советскую гребенку.

Бог именно эту превращенную в каноническую концепцию построения социализма, которая была взята на вооружение прошедшим коминтерновскую выучку руководством всех правящих компартий стран Центральной и Восточной Европы, следует считать главной доктринальной причиной направления послеваннских процессов в этих странах по антидемократическому и потому туниковому в конечном счете пути развития.

Я не разделяю взглядов о деформациях нового строя, в которых повинны отдельные руководители (или какие-то периоды "сталинизма", "волюнтаризма", "застоя") и выправление которых за счет реализации лозунгов "больше социализма", "больше демократии" позволит, дескать, придать этому строю "второе дыхание", "обновить" его, сделать "гуманным и демократическим" и т.д. Та доктрина социализма, которой руководствовались в своих практических делах правящие компартии стран Центральной и Восточной Европы, с самого начала несла на себе печать жесткой централизации экономики и всей общественной жизни, бесконтрольного все-

властия парткратии, пренебрежения интересами народных масс и подавления инакомыслия, т.е. печать антидемократизма и тотального полицейского надзора со стороны управляющих структур за всеми сферами жизнедеятельности управляемых. Конституи, что строили, то и построили, и дело не в деформациях. Так и было задумано. Попытки воплотить эту "задумку" в жизнь обеспечили не освобождение труда, а породили тоталитарно-коммунистического государственного монстра, не поддавшегося реформированию и превратившегося в преграду на пути общественного прогресса. Иначе говоря, везде и во всех случаях возглавляемая коммунистами государственная власть, которая когда-то мыслилась Лениным как главное орудие построения социализма, как "единственно верный друг и помощник трудящихся и крестьянства"²⁴, на деле оказалась лишь новой командно-репрессивной машиной их эксплуатации и угнетения.

Разнообразные пропагандистские мифы об отсутствии в СССР и других социалистических странах эксплуатации и угнетения, о "превосходстве" государственного строя реального социализма, о присущих этому социализму низких налогов с населения и т.п. всегда были неотъемлемой составной частью механизма сохранения коммунистической партократией своей безраздельной "руководящей и направляющей роли". Но теперь и этой точки опоры она лишилась, ибо не только в сегодняшних странах Центральной и Восточной Европы, но и в Советском Союзе люди отдают себе полный отчет о незавидном своем положении. И в этом смысле справедливо содержащееся в программном заявлении XXV съезда КПСС утверждение о том, что "разрушаются мифы, затемнявшие сознание и мешавшие разглядеть путь вперед"²⁵.

Но вот что касается практических выводов из подобной совершенно правильной констатации, то они прямо противоположны тем, которых можно было бы ожидать, исходя из необходимости решения задачи радикальной внутрипартийной перестройки и демократизации. Как и раньше, сто-

ящий у власти в СССР партийный аппарат преследует прежде всего свои узкогрупповые цели и не хочет поэтому считаться с тенденцией неизбежной политизации народа, пытается всячески дискриминировать неподконтрольные ему демократические процессы, понимая, что широкое их развитие несет неотвратимую гибель нынешним партократическим структурам. Кстати, одной из немаловажных причин общественно-политического конфликта ноября-декабря 1989 г. в странах Центральной и Восточной Европы, приведшего к революционной развязке, как раз и была близорукая, сугубо эгоистическая политика коммунистического руководства, противопоставившего интересы управляющей номенклатуры всех степеней и рангов интересам управляемых народных масс.

2. Устои партократического социализма рухнули

Итак, подчеркну еще раз: коммунистические и рабочие партии стран Центральной и Восточной Европы, как, впрочем, и КПСС, — и это не некие политические недоумки, которые вроде бы не ведали подчас, что творили; их руководство вполне сознательно взяло на вооружение большевистский вариант марксизма, вполне сознательно осуществляло этот антидемократический вариант социалистического общества, любовно пестовало и бдительно оберегало его тоталитарные "устои".

В чем же заключаются эти самые устои партократического или, как теперь говорят, командно-административного социализма, т.е. того "реального социализма", который пока что только и осуществлен на практике под мудрым руководством, как тоже еще совсем недавно говорили, коммунистических и рабочих партий? В политической сфере они заключаются во всевластии партийного и государственного аппарата, т.е. того номенклатурного социального слоя (класса), который буквально спаян с охранно-репрессивной системой КГБ - МВД, обеспечивающей упомянутое всевластие этого, по знаменательным словам Троцкого, "нового комму-

нистического ордена самураев²⁶ или, по не менее известным словам Сталина, "своего рода ордена меченосцев внутри государства Советского"²⁷.

В экономической сфере устои партократического социализма состоят в господствующих позициях государственной собственности, настойчиво выдаваемой официальной пропагандой за общенародную, но являющейся на самом деле собственностью не управляемых народных масс, а лишь их управляющих, организованных во всевозможные бюрократические конторы и ведомства.

В идеологической сфере эти пресловутые устои партократического социализма всегда усматривались в господстве (или перманентной борьбе за таковое) марксизма-ленинизма над умами и душами партийных "мирян" и беспартийных, причем в единственно дозволенной свктантско-догматической большевистской форме.

Так вот все эти "незыблемые" устои в странах Центральной и Восточной Европы рушатся или уже рухнули. В политической сфере налицо слом старой (партократической) государственной машины "реального социализма", выразившийся прежде всего в том, что общество, пришедшее в самостоятельное политическое движение, отказало в доверии коммунистам, которые завели названные страны в трясину глубокого и всестороннего кризиса. Коммунисты или полностью уже отстранены от власти, или их решительно потеснили у государственного кормила. Ряд компартий вообще прекратил свое существование. А там, где они остались под той или иной новой вывеской, их влияние на структуры управления перекрыто демокмунизацией (деполитизацией) армии, полиции, прокуратуры, других государственных учреждений, перекрыто за счет ликвидации вездесущей охранно-репрессивной системы госбезопасности, ненавистной народным массам и выступавшей главным гарантом властной силы так называемых директивных инстанций, всех этих райкомов, горкомов, обкомов, ЦК и их политисполкомов, президиумов и политбюро (которое, к слову сказать, даже не упомянуто в Конституции СССР, но которое

было, да во многом еще и остается влиятельнее почти любого из официальных советских конституционных органов управления).

Происходит постепенный (не такой взрывной, как в политической сфере) слом старой экономической системы, для которой были характерны преобладающие, если не всеохватывающие, позиции государственной собственности. Утверждаются в народнохозяйственной жизни другие социально-экономические уклады, в том числе за счет монополизации и приватизации, ограничиваются роль бюрократического плана и влияние государственных инстанций на производство, растет значение рыночных регуляторов распределения и т.д.

Налицо также слом старой тотально-коммунистической идеологической системы. Официальное марксистско-ленинское учение, обосновывавшее всевластие коммунистов, их бесспорное руководящее положение во всех структурах управления, решительно потеснено в общественном сознании, сильно дискредитировано репрессивно-административным опытом партийных и государственных органов, в том числе "богатейшим" соответствующим опытом российских большевиков и не менее "достойным" опытом их наследницы - КПСС (травля диссидентов, судебные и внесудебные расправы над ними, психушки, выбрасывание за кордон, лишение гражданства и т.п.). Происходит настоящая антибольшевистская "революция в умах", принимающая нередко антисоветский и тотально-антикоммунистический характер. Все большее место в сознании восточноевропейского населения занимают социал-демократические и либерально-конституционные взгляды, противопоставляемые некоторым принципиальным для ленинизма позициям.

С ленинизмом коммунистические и рабочие партии стран Центральной и Восточной Европы связывали все четыре десятилетия нахождения у власти свои интеллектуальные и идейные традиции, пытаясь отстаивать и те позиции этого учения, которые себя не оправдали, неприменимы сегодня на практике. Трудно, например, совместить с парламентской демократией, к опыту которой обращается сейчас и наша

страна, и восточноевропейские страны, ленинское понимание "советской или пролетарской демократии, родившейся в России", которая "означает разрыв с буржуазным демократизмом и возникновение нового, всемирно-исторического типа демократии, а именно: пролетарского демократизма или диктатуры пролетариата"²⁸. Последняя, как подчеркивал Ленин, связана с сознанием "исторической условности и ограниченности парламентаризма, его связи с капитализмом и только с капитализмом, его (парламентаризма) прогрессивности по отношению к средневековью и реакционности по отношению к Советской власти"²⁹. То есть по отношению к той власти, которая, как было записано в большевистской партийной Программе, "уничтожает, отрицает отрицательные стороны парламентаризма, особенно разделение законодательной и исполнительной властей..."³⁰.

Руководители большевиков все как один стояли на этой позиции. "Мы должны помнить, - говорилось в Политическом отчете ЦК XII съезду РКП(б), с которым выступил Г.Е.Зиновьев, - что без их (губкомов. - Ю.Н.) действительно руководящей роли проводить подлинную диктатуру невозможно, чуточку отстранить губкомы - это значит расстрелять все. Разделение труда - да, разделение власти - нет. Вот наша формула"³¹. Н.Осинскому (В.В.Оболенскому) этого показалось мало. "И бы сказал даже следующее против Зиновьева, - заявил он в дискуссии по Политическому отчету, - что и эта формула неверна. Формула правильная, - и это, может быть, неожиданно для тех, кто подготовлен конондой т. Зиновьева, - с моей точки зрения такова: вся власть партии"³². Подчеркивая в своем выступлении, что РКП(б) есть главный стратег социалистического строительства и именно она "руководит маневрами" и что поэтому партия "не должна впускать в свои ряды тех, кто способен этот маневр превратить в капитуляцию", Д.Б.Каменев подытожил свое рассуждение следующими словами: "И вот почему мы говорим, что тот, кто говорит против партии, кто требует разделения функций советского аппарата и партии, хочет навязать такое же разделение властей, ка-

кое есть и в других государствах"³³.

Иными словами, лидеры и теоретики большевистской партии считали, что буржуазный парламентаризм, его демократические механизмы разделения властей, политических сдержек и противовесов и т. п. лишь маскируют всевластие капитала, затемняют сознание участников формирующейся политической армии социалистической революции. Отсюда их негативистское отношение к социал-демократии, которая, как говорил Троцкий на IV конгрессе Коминтерна, "спасла капитализм, т. е. отсрочила на годы час его гибели"³⁴, и которая, по словам Бухарина, "является единственной опорой буржуазного трона"³⁵; отсюда третирование принципов демократической организации политико-государственной и всей общественной жизни как "заповедей" буржуазного общества, нацеленных на продление его "затянувшейся агонии"³⁶.

В своей брошюре "Между империализмом и революцией. Основные вопросы революции на частном примере Грузии" В. Д. Троцкий с некой непостижимой прямолинейностью излагал негативистскую оценку принципов или, как он их именовал, заповедей политической демократии. "Коммунистический Интернационал, - писал он, - учит рабочих презирать буржуазное общественное мнение и прежде всего презирать тех "социалистов", которые ползают на брюхе перед заповедями буржуазии. Дело идет не о показном презрении, не о лирических тирадах и проклятиях, - поэты самой буржуазии не раз щекотали ей нервы своими вызовами, особенно по вопросам религии, семьи и брака, - дело идет о глубокой внутренней свободе пролетарского авангарда от духовных силков и петель буржуазии, о новом революционном общественном мнении, которое позволило бы пролетариату не на словах, а на деле, не тирадами, а, где нужно, сапогами попирать заповеди буржуазии, осуществляя свободно поставленную себе революционную цель, которая есть в то же время объективное требование истории"³⁷.

Думается, это высказывание не нуждается в коммента-

риях. Можно только подчеркнуть, что с практико-политической точки зрения призывы, и отнюдь не одного Троцкого, к глубокой внутренней свободе пролетарского коммунистического авангарда сыграли поистине демоническую роль, явились идейно-теоретическим обоснованием массового "красного террора" времен гражданской войны³⁸ и последующей чудовишной охранно-репрессивной "деятельности" большевистского режима, действительно попиравшего демократические принципы и нормы общественной жизни коваными сапогами "доблестных органов" ЧК - ОГПУ - НКВД - КГБ.

А с теоретико-методологической точки зрения призывы к глубокой внутренней свободе пролетарского коммунистического авангарда от морально-этических "заповедей" предшествующего буржуазного общества, от накопленного им опыта демократического развития, призывы во имя революционной целесообразности попирали, где нужно, этот опыт сапогами "непримиримых" борцов с капиталом отражали ставший с тех пор традиционным для большевистской партии, всего III Интернационала и послевоенного коммунистического движения взгляд на демократию как форму классового господства. Идеологи мирового коммунизма, прежде всего советские, жаждали найти такие демократические механизмы, которые не продолжали бы прежние, а опровергали, доказывая их несостоятельность. При этом, как правило, вместе с частнособственнической водой старого общества выплескивался, так сказать, и ребенок - общечеловеческое содержание демократии. Такое содержание чаще всего вообще отрицалось, подводилось под уничижительные категории "абстрактного гуманизма", "беззубого буржуазного пацифизма", оппортунистического "классового соглашательства" и т.п. "Нам нужны вожди, - говорилось в Манифесте II конгресса Коммунистического Интернационала, - у которых нет другого отношения к буржуазному обществу, кроме смертельной ненависти; которые организуют пролетариат во имя непримиримой борьбы, которые готовы вести в бой армию восставших, которые не остановятся на полпути, что бы ни

случилось, и не побоялся прибегнуть к мерам беспощадной расправы со всеми теми, кто попытается их насильственно остановить"³⁹.

Это по сути своей левацко-экстремистское декларирование принципа абсолютной непримиримости пролетарских революционеров к буржуазному обществу и относительности всяких контактов, всякого сотрудничества с ним на десятилетия стало немаловажной частью коминтерновской теории и практики, а в послевоенных условиях превратилось в культивирование образа внутреннего и внешнего классового врага, с которым, как заявлял в 1950 г. член Президиума ЦК КПЧ, министр национальной безопасности Чехословакии Ладислав Копршива, "нельзя дискутировать, его нельзя убеждать. Его нужно уничтожать"⁴⁰.

В общем, идеологический багаж большевизма коминтерновских и послевоенных времен – это весьма своеобразная и, прямо скажем, малопривлекательная для теперешнего времени штука. Никакого нового, да тем более всемирно-исторического типа демократии у коммунистов СССР и восточноевропейских стран не получилось, а вышла обыкновенная парткратическая диктатура – не везде, конечно, одинаковой свирепости, но везде все же диктатура. И если Ленин пытался представить пролетарскую демократию и диктатуру пролетариата взаимозаменяемыми понятиями, то время со всей очевидностью показало несоединимость этих понятий. Или демократическое правление в любой форме – буржуазной, мелкобуржуазной, пролетарской; или диктаторское, чье бы оно в этом случае ни было – буржуазии, пролетариата, коммунистов, фашистов, черта в ступе.

Трудно совместить ленинизм с философией нового мирового порядка, в котором общечеловеческие, а не классовые ценности находятся на первом плане. Ленин же на все смотрел "с точки зрения классовой борьбы и социализма"⁴¹, и поскольку классовая борьба продолжается, подчеркивал он, "наша задача подчинить все интересы этой борьбе"⁴². То есть лидер большевиков отдавал безусловное предпочтение

революционной целесообразности в деле "полного освобождения труда от ига капитала"⁴³, а не таким общедемократическим идеям, как, по его словам, "народовластие, всеобщее, равное, прямое избирательное право, Учредительное собрание, свобода печати и прочее"⁴⁵, которые Ленин склонен был подчас в полемическом запале вообще отождествлять с контрреволюционными, "колчаковскими идеями"⁴⁶.

Наша политическая литература и многие обществоведы, освещая проблематику нового мышления с присущим ему приématом гуманно-демократических, общечеловеческих ценностей, пытаются найти концептуальные истоки всего этого в ленинизме, совместить его с учением о демократии. С этой целью вытащили на свет божий ленинскую мысль, высказанную еще в конце XIX века в черновом проекте программы РСДРП, что "с точки зрения основных идей марксизма, интересы общественного развития выше интересов пролетариата"⁴⁷. То есть в данном случае была высказана мысль о приоритете для рабочего движения не его классовых интересов, а общечеловеческих интересов развития общества в целом. Ни тогда, ни позднее, уже в XX веке, в условиях революционных катаклизмов, особенно жесточайшей братоубийственной гражданской войны, эта мысль не была востребована ни самим Лениным, ни его соратниками и последователями. Не была востребована потому, что совершенно не согласовывалась с той идейно-теоретической традицией зрелого ленинизма, которую можно было бы назвать классовым ультраинтернационализмом и которая утвердилась в умах большевистских "верхов" и определенной части ломенизированных народных "низов", а позднее трансформировалась в догматический тезис о непререкаемом верховенстве классового начала над общечеловеческим для любой компартии, любой социалистической страны, о безусловном приоритете общих интересов коммунистического движения, мировой системы социализма над национально-государственными, обязательном подчинении последних высшему интернациональному долгу.

Этих примеров, думается, достаточно, чтобы понять простую истину. Ленинизм как социально-классовая теория организации в первых десятилетиях XX века революционной борьбы рабочего класса и его союзников с целью победы социалистической революции и установления новой государственной власти в форме диктатуры пролетариата содержит в себе по преимуществу такие обобщения и практико-политические установки, которые, если и имели значение, то только для своего времени. События же в странах Центральной и Восточной Европы явно кладут предел одной эпохе в развитии социалистической идеи в ее большевистско-ленинской интерпретации и малопродуктивным попыткам претворения этой идеи в жизнь и начинают иную эпоху, осмысление концептуальных и практико-политических контуров которой еще впереди.

Но уже и сейчас кое-что вполне очевидно. Отнюдь не выходя пока за рамки традиционного, так сказать, марксистско-ленинского подхода и употребляя, в частности, такую неотъемлемую категорию соответствующей аргументации, как основополагающие устои нашего партokratического социализма во всех основных сферах жизнедеятельности общества, можно сделать вывод, что, если рушатся эти самые "устои", значит рушится покоящееся на них, как на трех китах, государственное устройство. Другими словами, все мы являемся современниками народных, демократических революций против государственного тоталитаризма. Тоталитарные структуры были установлены, поддерживались и идейно освящались правящими коммунистическими и рабочими партиями, прежде всего их руководством, с помощью всех мыслимых и немыслимых средств, среди которых лжи и насилия принадлежало, несомненно, главное место. Таким образом, это антикоммунистические народные революции, ибо они направлены против коммунистического тоталитаризма.

3. Сектантско-догматический поворот 1947-1949 гг.

Если говорить о практико-политических причинах, приведших к историческому поражению восточноевропейского "реального социализма", то следует прежде всего назвать

сектантско-догматический поворот 1947-1949 гг. Чтобы понять, что это был за поворот, от чего и к чему, надо обратиться к последнему этапу войны с гитлеровской Германией и ее сателлитами. Этот этап характеризовался практически во всех странах Центральной и Восточной Европы ростом левых тенденций и укреплением позиций народных и отечественных фронтов, в рамках которых осуществлялись широкие преобразования, в большинстве случаев перекрывавшие нерешенные буржуазно-демократические задачи. Складывавшаяся в то время в этих странах власть "была своеобразной коалицией, конструктивным компромиссом между представителями трех общественных классов - пролетариата, крестьянства и мелкой буржуазии"⁴⁸. То есть выраставшая из этой коалиции народно-демократическая модель продвижения к социализму имела более широкий общественный базис и уже поэтому в известном смысле выступала в качестве альтернативы большевистской модели. И какое-то время руководство БКП(б) вынуждено было это терпеть, оглядываясь на Заграницу. Ведь еще не высохли чернила на послевоенных соглашениях с союзниками по антинацистской борьбе, согласно которым СССР обязался уважать волю народов восточноевропейских стран, т.е. не чинить препятствий ни организации в них свободных выборов, ни действиям демократически избранных властей.

Но это продолжалось недолго. Уже в 1946 г. в обстановке ухудшения отношений с бывшими западными союзниками, которое стало нарастать отнюдь не только по вине последних, советское руководство посчитало свои руки развязанными, и вмешательство по различным каналам в восточноевропейские дела существенно усилилось. К началу следующего, 1947 г. окончательно созрела в головах кремлевской партюкратии мысль о необходимости решительного поворота в странах Центральной и Восточной Европы к обеспечению такого же точно коммунистического единовластия, какое уже без малого три десятилетия культивировалось в СССР под марксистско-ленинской вывеской диктатуры пролетариата.

То есть в противоположность коалиционной народно-демократической политике, проводившейся в этих странах, была предочтена (без права выбора) совершенно другая политика, острее своим направленная против всех партнеров коммунистов по антифашистской, освободительной борьбе. Продуман был, конечно, вопрос и о механизме реализации этой политики, именовавшейся тогда политикой "углубления" в регионе революционного процесса и "перехода в кратчайшие исторические сроки к диктатуре пролетариата". Предполагалось, в частности, использовать и "особые отделы" при советских военных частях, находившихся на территории восточноевропейских стран, и советских советников с их оперативным аппаратом при министерствах в этих странах внутренних дел и госбезопасности, и многое другое. Для координации соответствующих усилий и общего руководства процессом "исторического поворота" московские власти решили вернуться ко второму, так сказать, изданию Коминтерна, упраздненного в 1943 г., т.е. учредить Информационное бюро коммунистических партий. Оно было создано на первом организационном совещании представителей Центральных Комитетов, проходившем в польском курортном городке Шклярская Поремба в сентябре 1947 года. Просуществовало Информбюро вместе со своим печатным органом, газетой "За прочный мир, за народную демократию!" до апреля 1956 года.

Сведения об Информбюро приходится в СССР собирать буквально по крохам, ибо архивы этой организации, хранящиеся в ЦК КПСС, до сих пор для исследователей недоступны. Из трех состоявшихся совещаний Информбюро два последних (в 1948 и в 1949 гг.) были связаны с советско-югославским конфликтом, который, как известно, возник по вине руководства ВКП(б) и который последнее стремилось интернационализировать, т.е. втянуть в него другие партии и народно-демократические страны и таким образом подвергнуть КПЮ и ИНРО полной изоляции, отлучению от международного коммунизма, мировой системы социализма.

Второе совещание Информбюро (июнь 1948 г.) приняло резолюцию "О положении в Коммунистической партии Югославии", в которой обстановка в этой партии характеризовалась как "позорный, чисто турецкий, террористический режим"⁴⁹. По содержанию подобная формулировка была откровенно клеветнической, а по форме - являла собой печальное отражение ругательного стиля "корифея всех наук" и его придворных идеологов, всех этих академиков константиновых, митиных, пономаревых, поспеловых, федосеевых, юдиных и пр. Кстати, с точки зрения элементарных приличий международного общения эта формулировка была из ряда вон выходящей, ибо ее авторы ни к селу, ни к городу приплели вдруг турецкий сюжет, т.е., можно считать, высказались в оскорбительном тоне о Турецкой Республике.

Вообще июньские (1948 г.) совещание Информбюро - наглядный образчик того, с какой нетерпимостью советские идеологические фундаменталисты относились к любым проявлениям самостоятельности в мыслении и действиях, насколько ревниво оберегали они свое "священное право" на руководящую роль в коммунистическом движении, тогдашнем социалистическом лагере. И с этой точки зрения югославское непослушание не могло рассматриваться иначе, как "бунт на корабле", который следовало подавить с примерной суровостью, чтобы другим неповадно было и все неукоснительно исходило "из того неоспоримого положения, что любая партия должна отчитываться перед Информбюро"⁵⁰.

Беспардонные попытки вмешательства во внутренние дела суверенного югославского государства, грубая, буквально площадная брань сталинистов по адресу руководителей КПЮ, посмеявших усомниться в непререкаемом праве на руководящие указания "гения всех времен и народов", в чем-то не согласиться с этими указаниями, - все пошло в ход после совершенно недопустимой по смыслу и тону, просто постыдной ноябрьской (1949 г.) резолюции Информбюро под названием "Югославская компартия во власти убийц и шпионов". В ней, в частности, заявлялось об ут-

верждении в ФНРЮ "антикоммунистического полицейского государственного режима фашистского типа", и в соответствии с такой оценкой Информбюро постановило, что "борьба против клики Тито - наемных шпионов и убийц является интернациональным долгом всех коммунистических и рабочих партий"⁵¹.

К слову сказать, в значительной степени именно под флагом борьбы с "кликой Тито - Ранковича" и их "пособниками" в других народно-демократических странах были связаны руководством компартий этих стран репрессии против своих вчерашних союзников, а потом и "неудобных" в собственной среде. Теперь тогдашнюю кровавую вакханалию пытаются иногда объявить некой "деформацией", "отступлением" от стратегически якобы правильного курса на поворот к диктатуре пролетариата. То есть проявляется стремление обелить ленинско-сталинскую политику абсолютной нетерпимости к политическому плюрализму, независимым от коммунистов партиям, общественным организациям, союзам и пр. Но, думается, это напрасные хлопоты. Поворот от коалиционной народной демократии к так называемой диктатуре пролетариата или бесконтрольному однопартийному единовластию - никакая не деформация, а как раз и есть подлинно коммунистическая, истинно большевистская политика. История со всей очевидностью свидетельствует, что у государственного кормила коммунисты органически не могут находиться ни с кем в коалиции, они представляют собой леваков-экстремистов не только по форме своей политики (которая-де иногда может деформироваться), но и по глубинному ее содержанию.

В этом - сердцевина большевизма, в том числе позиции Ленина. Он до конца своих дней не признавал плюрализма политических партий в условиях строительства социализма. Держать сторонников этого плюрализма, всяких там меньшевиков, эсеров и пр. в советских тюрьмах и концентрационных лагерях или отправлять (высылать) за границу для свободного обсуждения проблем политического и идеологического многообразия с Мартовым, Даном и компанией - вот ленинская позиция, отраженная, кстати, и в его ра-

ботах последнего периода жизни. Так что речь надо вести не об "отдельных деформациях", а по существу о левацко-экстремистской общекommунистической позиции, которую верой и правдой проводили в жизнь в послевоенные десятилетия руководители восточноевропейских компартий.

Была ли внутренняя опора для осуществления подобной политики? Несомненно была, прежде всего в лице численно значительно возросших после войны старых коммунистических и рабочих партий, а также тех общественных слоев, которые шли за ними. Примерно до середины – конца 50-х годов неолевашевские режимы имели реальную общественную поддержку, связанную с революционным энтузиазмом и революционным нетерпением определенной части населения. Но когда энтузиазм иссяк, тогда карательная административно-командная система коммунистической партократии выдвинулась на первый план и намертво закрепила за собой все рычаги власти.

Таким образом, самоубийственный для любой правящей партии процесс вывода ее властных механизмов из зоны какого-либо контроля и критики, процесс антагонистического по сути противопоставления интересов номенклатурного слоя парт- и госбюрократии интересам народных масс берет свое начало в 1947–1949 гг., когда произошел поворот к настойчивым попыткам обеспечения, с одной стороны, единообразия политических и экономических структур народно-демократических государств на базе левацко-экстремистской "советской модели", а с другой – руководящей роли ВКП(б) на основе безусловной поддержки компартиями мира позиции Информбюро по "югославскому делу". Это дело, кстати, стало первым из серии тяжелейших ударов со стороны властвующей номенклатуры по коммунистическому движению, сыгравших поистине роковую роль в углублении его кризиса и распада в настоящее время. Инспирированный Москвой левацко-экстремистский поворот к так называемой диктатуре пролетариата, заключавшийся в форсировании в странах Центральной и Восточной Европы двух упомянутых выше взаимосвязанных процессов, наряду запад-

ные оппоненты давно уже и весьма метко окрестили процессами "советизации" и сателлизации".

Эти процессы – следствие победы СССР над нацистской Германией и ее союзниками, причем такое следствие, судить в однозначном плане о котором весьма затруднительно. С одной стороны, Советский Союз сыграл объективно большую прогрессивную роль, и недаром народы восточноевропейских стран рукоплескали нашим воинам-освободителям. С другой же стороны, вместе со строевыми частями Красной Армии на территории Центральной и Восточной Европы оказалось немалое количество оперативных работников репрессивно-охранного бериевского ведомства в виде особых отделов НКВД и органов других спецслужб.

Завершив проверку всех наших соотечественников, возвращавшихся из фашистской неволи, из западных лагерей для перемещенных лиц, всех освобожденных советских военнопленных, большинство из которых транспортировалось прямым путем на Колыму, неутомимые наши особы прочно осели в странах региона и надзирали за их развитием вплоть до последних месяцев 1989 г., то есть пока их оттуда вежливо, но настойчиво не попросили новые власти этих стран. Такого рода антиконституционная деятельность КГБ, других спецслужб была неотъемлемым и важнейшим элементом советской системы тотального контроля за характером развития "братских" государств, системы давления и прямого вмешательства, включая военное, в это развитие тогда, когда кремлевский арсоплаг считал необходимым.

Другими словами, подобная "деятельность" советских спецслужб в странах Центральной и Восточной Европы (которая отчасти не прекратилась после известных решений правительства СССР о ликвидации в 1956 г. института наших советников во всех министерствах и ведомствах этих стран) представляла собой не мифическую, а вполне реальную "руку Москвы" и немало способствовала утверждению в регионе тоталитарно-репрессивных коммунистических режимов.

При работе по ликвидации многочисленных еще "белых пятен" в истории отношений СССР со странами Центральной и Восточной Европы внимание, как представляется, следовало бы уделять в первую очередь не тем или иным частностям, а определению исходных позиций, признанию не только прогрессивного значения действий наших народов по освобождению этих стран от фашистского господства, послевоенному восстановлению и упрочению их экономического потенциала, но и реакционной роли советского руководства в деле установления над регионом собственного политического контроля и господства, навязывания другим своих левацко-экстремистских моделей общественного устройства, внешне-политического поведения и т.д.

Стремление партюкратии СССР удерживать контроль над странами так называемого социалистического содружества фактически до середины 80-х годов - важнейшая из причин практико-политического свойства, приведших к краху в восточноевропейском регионе социализма в его "классическом понимании", по словам одного нашего партфункционера, а именно в понимании "государственного социализма"⁵².

Переживая за утрату в сопредельных государствах этого "классического социализма", единственно приемлемого для советского высшего гражданского и военного чиновничества, его представители требуют на разных партийных форумах найти ответчика "за события в Восточной Европе", в результате чего, дескать, "нашу буферную зону разрушили"⁵³, а "Советскую Армию изгоняют без боя из стран, которые наши отцы освобождали от фашизма"⁵⁴. Эти события высокопоставленные аппаратчики однозначно осуждают как "крупное отступление от социализма"⁵⁵.

Что тут можно сказать? Стенания нашего "рабоче-крестьянского" истеблишмента по партюкратическому социализму, в условиях которого одни (управляющее меньшинство) давно уже живут по потребностям, а другие (управляемое большинство) - еле сводят концы с концами, понятны, как

пояты сожаления по канувшей в Лету системе патерналистских межпартийных и межгосударственных отношений, созданных этих социализмом. Хорошо ответил плакальщикам по немчу Э.А.Шеварднадзе. "И пусть не винят перестройку, - подчеркнул он на одном из партийных пленумов, - в разрушении ее политической структуры Европы. Ее разрушила воля народов, не пожелавших больше мириться с насилием. А насилии - и об этом почему-то забывают - было совершено в конце 40-х годов, когда была сломана структура народно-демократических режимов, сложившихся после второй мировой войны. Когда из коалиционных правительств стран Центральной и Восточной Европы были выбиты демократические силы, сотрудничавшие с коммунистами во имя победы над фашизмом, свободы и демократии, и установлены режимы личной власти, названные государствами диктатуры пролетариата... Тогда, а не в 1986 г. начался подрыв веры в социализм, основанный на подавлении и насилии"⁵⁶.

Иначе говоря, насколько утвердившаяся в 1947-1949 гг. под маркой диктатуры пролетариата модель партбюрократического социализма была административно-репрессивной с самого начала, настолько же она была и тупиковой, нежизнеспособной в исторической перспективе, потому что подавление, насилии как способ государственной и всей общественной жизни никакой народ не будет терпеть бесконечно. Можно смириться с командно-карательной системой на годы войны или еще на какой-то исключительный, экстраординарный отрезок времени, но нельзя постоянно терпеть, когда тебя унижают, ломают, плюют в душу. Человеческая природа, которой ни марксизм, ни тем более ленинизм никогда всерьез не занимались, дала о себе знать за десятилетия так называемого социалистического эксперимента неодолимым стремлением "управляемых" низов к утверждению собственного достоинства, к свободе от полицейского надзора со стороны "управляющих" верхов, к реализации общечеловеческого содержания демократии.

Это - одна из важнейших причин, почему коммунистический тоталитаризм был изначально обречен, почему была обречена марксистско-ленинская доктрина государственного социализма и вся система общественных отношений, строившихся исходя из данной доктрины. Тем более, что кроме доктринальных принципов была еще унижительная, постыдная практика поощрения лишь послушных сателлитов, всякой сарказма, посредственности, а то и просто примитивных информаторов наших посольских и иных "компетентных" служб.

4. Имперская политика СССР только углубляла кризис

Вышеприведенные откровенные слова Э.А.Шеварднадзе высвечивают огромную проблему, а именно проблему о немалой доле ответственности партийно-государственного руководства СССР за тот сокрушительный крах социалистического эксперимента в странах Центральной и Восточной Европы, который произошел в ноябре - декабре 1989 года.

Сказать о том, что роль руководства КПСС и Советского правительства в восточноевропейских делах была поистине огромной, значит ничего не сказать. А чтобы наглядно проиллюстрировать этот аксиоматический тезис, надобно знать подробности, которые советская партократия до сих пор тщательно скрывает. Когда же лучи гласности пробьются и в эту деликатную сферу, то станет ясной наша настолько высокая вовлеченность во внутренние дела стран Центральной и Восточной Европы, когда не то что секретарь ЦК, премьер-министр или глава госбезопасности не могли быть назначены без соответствующего "согласования", но даже и простые министры, всякие там представители госкомитетов, а подчас и более мелкие чиновники входили в кремлевскую, так сказать, "международную номенклатуру".

Скажем, в конце 1953 г., когда решался вопрос о новом Первом секретаре ЦК БКП и когда болгарским товарищам казалась предпочтительнее всего кандидатура Антона Югова, именно вмешательство со стороны советского посла

и некоторых других высокопоставленных лиц из СССР привело на партийный трон в январе 1954 г. совсем другого человека, более для Кремля удобного и "полезного" - Тодора Живкова. То же самое можно сказать про "воцарение" на властный Олимп Эриха Хонеккера, Яноша Кадара, правительство которого вообще было сформировано вне венгерских пределов, в советском Закарпатье и обязано своим назначением сделке между Н.С.Хрущевым и Иосифом Броз Тито в бессонную ночь с 1 на 2 ноября 1956 г. на острове Брионь.

Кстати, исследование кризиса тоталитарно-репрессивного коммунистического режима в Венгрии, который начался в 1949 г. и привел осенью 1956 г. к острейшему общественно-политическому конфликту вплоть до вооруженной борьбы между противниками этого тоталитарного режима и его защитниками, - актуальная задача нашей общественной науки, прежде всего исторической. Три с половиной десятилетия прошло со времени тех драматических событий. Немало появилось за эти десятилетия разного рода научных монографий, журнальных и газетных статей, воспоминаний очевидцев, а то и активных действующих лиц разыгравшейся тогда драмы. Но только не в Советском Союзе, для читателей которого данная проблематика - все еще во многом сплошное "белое пятно". И не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадываться о причинах столь упорного нежелания советских властей допустить гласное обсуждение всего комплекса соответствующих вопросов. Причины эти заключаются в первую очередь в огромной вовлеченности тогдашнего руководства СССР, его армии и органов госбезопасности в венгерские пела, в использовании родиной тоталитарно-репрессивного партюкратического социализма против первой антитоталитарной революции в Восточной Европе не силой политических аргументов, не дипломатического искусства, а устрашающего большевистского насилия, привычной "логики танков".

А если обратиться к проблеме правления после удеше-

ния "пражской весны" Густава Гусака и всей его "команды"... Разве это не наша прямая креатура? Одним словом, труднее привести исторические примеры противоположного свойства, ибо непослушание, самостоятельность сурово карались, сектантско-догматический советский бич мог достать почти любую правящую "братскую" партию.

Например, над головами членов компартии Чехословакии, ее руководства и съездов по меньшей мере раза четыре. Первый раз тогда, когда по решению (1924 г.) Исполкома Коммунистического Интернационала проводилась большевизация всех входящих в него партий, в том числе и КПЧ. Ее превращение в партию "нового типа" по образцу РКП(б) привело к упрочению антидемократических порядков – шестого централизма, нерассуждающей дисциплины, идеологического догматизма, к изгнанию или добровольному уходу из КПЧ инвампольных, прежде всего из числа интеллигенции.

Второй раз этот бич погулял по головам и спинам "неразумных" в 1948–1953 гг. во время упоминавшегося выше коминформовского поворота к единообразию, когда Чехословакию, как и другие "братские" страны, сотрясали фальсифицированные политические процессы над "титовскими агентами" и "националистами", т.е. над сторонниками чехословацкого пути к социализму. Результатом всей этой "очистительной грозы" было дальнейшее усиление в партии сталинистских, левацко-экстремистских элементов в ущерб, конечно, творческим элементам, способным не рубить сплеча, а сначала подумать, поискать приемлемые пути реформ и компромисс.

Третий раз сектантско-догматический советский бич вновь порезвился в 1968 и последующих годах. То, что гусаковское политическое руководство было послушным исполнителем воли партийно-государственного руководства СССР, ни для кого и никогда, я думаю, не было секретом. Подмиллионы исключенных из КПЧ и подвергнутых административному ostrакизму – репрессивная акция, проводившаяся не без благословения ретивых советских партаппаратчиков.

И, наконец, четвертый раз наш непреодоленный догматизм и узколобость сыграли злую шутку с КПЧ, с ее постгусаковским руководством в годы перестройки. Если бы новые советские партийные власти, скажем, в 1986–1987 гг. решились выступить с осуждением вторжения в Чехословакию, было бы хоть какое-то время для внутрипартийных изменений и замещения обновленного руководства с населением, прежде всего с теми более чем 20-ю его процентами, которые оказались в той или иной степени затронуты репрессиями по политическим причинам. Но этого, к сожалению, не произошло. Горбачевская партократия пороха здесь не изобрела, она побоялась порвать с правящей кликой Икеша-Штепана, хотя и понимала, быть может, ее обреченность.

Когда же, будучи в Милане, М.С.Горбачев решил на пресс-конференции 2 декабря 1989 г. взять, по его словам, "на себя ответственность сказать, что в той ситуации (1968 г. - Ю.Н.) не были использованы до конца все политические методы, которыми располагало советское руководство, для того чтобы правильно отреагировать на чехословацкую ситуацию"⁵⁷, было уже слишком поздно. "Запоздавшее решение, - писала пражская "Лидове новины" (4.XII.1989), представлявшая оппозиционные коммунистам круги в Чехословакии, - привело к тому, что СССР потерял доверие, которое имели горбачевские реформы. Тем самым вызвано подозрение, что он не желает отвечать за последствия имперского решения Брежнева. Принцип невмешательства может быть безнравственным: сначала я тебе сломаю ногу, а потом скажу, что ее лечение - это твое личное дело и я в это вмешиваться не буду... Конечно, можно найти тысячу доводов, почему советское политическое руководство не могло принять раньше этого решения (Речь идет о заявлении Советского правительства от 5 декабря 1989 г., признавшего ошибочность ввода войск в Чехословакию. - Ю.Н.). Эти доводы и извинения нас сейчас не должны интересовать. Главным является тот факт, что признались в ошибочности ввода войск поздно и не нашли смелости высказать сожаления о ре-

зультатах международного преступления".

Это – нелицеприятное суждение, в чем-то даже чересчур уж жесткое. Не стоило бы, наверное, чехословацкой печати принижать значение горбачевских реформ, перестройки внешней политики СССР на принципах нового политического мышления, которые явились по существу основным международным условием успеха антитоталитарных революций в странах Центральной и Восточной Европы. Но проявлений непоследовательности, медлительности, а в последнее время и настоящих попятных шагов в проведении политики перестройки действительно хватает. И если высшее советское руководство в лице, допустим, Съезда народных депутатов или Верховного Совета СССР не нашло до сих пор смелости высказать сожаление о результатах такого акта международного разбоя, как военное вторжение в Чехословакию, то это, помимо прочего, атавизм прошлых имперских убеждений и имперского поведения.

Не так-то легко освобождаться от патерналистского, великодержавного наваждения, во власти которого были все поколения партийных и государственных руководителей СССР, а отнюдь не только Л.И.Брежнев, который, как заметил в интервью советской печати один из лидеров "пражской весны", бывший глава правительства Чехословакии Олдржих Черник, "никогда не сомневался, что это его "отеческое" право – смещать иностранных премьеров, назначать лидеров чужих партий"⁵⁸.

Конечно, имперская политика СССР только углубляла кризис коммунистической власти в странах Центральной и Восточной Европы, больно ранила национальное чувство народов этих стран, вскармливала чертополох взаимных обид и недоверия к КПСС. С удеситеренной силой действовал именно в этом направлении "последний довод" подобной политики – советские танки, будь то на улицах Берлина в 1953, Будапешта – в 1956, Праги – в 1968 году. "Безысходия, – подчеркнул в упомянутом интервью О.Черник, – так называемый "реальный социализм" терпит по-

ражение, то корни этого и в августе 1968-го. Там же отчасти и причина распада коммунистического движения в международном масштабе, и неверия в былые идеалы отцов. Все эти результаты мы на себе ощущаем и сегодня. И, знаете, немалые нынешние трудности в вашей стране – это тоже эхо, реальный и жестокий бумеранг подавления "пражской весны"⁵⁹.

Как показали, в частности, учредительный съезд Компартии Российской Федерации и XXIII съезд КПСС, далеко еще не все советские коммунисты, особенно из начальствующего состава, избавились от великодержавного наваждения, не все воспринимают отказ от "доктрины Брежнева". Напомню читателям, что сей бывший наш партийный вождь выразил суть доктрины в словах о том, что, дескать, "когда внутренние и внешние силы, враждебные социализму, пытаются повернуть развитие какой-либо социалистической страны в направлении реставрации капиталистических порядков, когда возникает угроза делу социализма в этой стране, угроза безопасности социалистического содружества в целом, – это уже становится не только проблемой народа данной страны, но и общей проблемой, заботой всех социалистических стран"⁶⁰.

Очевидно, понимая интернационализм советской политики в духе этих речений незабвенного Леонида Ильича, и задавали на обоих партийных съездах недовольные перестроечным курсом свои вопросы М.С.Горбачеву на предмет: а правильно ли мы поступили в конце 1989 г., когда не стали вмешиваться в развернувшиеся в Центральной и Восточной Европе события? Ответ был дан прямой и недвусмысленный. "Что, – спросил Горбачев своих критиков, – опять танки, опять будем учить, как жить"⁶¹.

5. Некоторые выводы

Эти размышления о причинах краха социалистического эксперимента в Центральной и Восточной Европе подводят

к неутешительному заключению о том, что история сработала не на страны, составлявшие так называемый новый мир ("мы наш, мы новый мир построим..."), а на те, которые коммунисты традиционно относили к старому миру. Жизнь показала, что именно их, капиталистический, путь был пусть жестким, но органическим, более отвечающим человеческой природе и по итогу более продуктивным, а путь социалистических стран - волюнтаристским, насильственным и потому в конечном счете везде несостоятельным, оборвавшимся, как только оборвалось насилие.

Прав мой коллега В.П.Киселев, когда пишет, что "мы имеем дело с поражением социалистической идеи в ее ортодоксальном варианте"⁶². Несостоятельной оказалась ортодоксальная доктрина, делавшая ставку на диктатуру пролетариата, без тезиса о которой нет ни марксизма, ни тем более ленинизма. Несостоятельными оказались и попытки реализации этой доктрины, связанные с тотальным культивированием коммунистами планово-командных методов управления, со ставкой на удовлетворение главным образом интересов управляющей партократии, а не народных масс, личности как таковой, ее свободы. И трудности партократического социализма, точнее, псевдосоциализма начались не вчера, не с восточноевропейских событий 1989 года. Они стали нарастать с тех самых пор, когда сначала немногим в обществе (диссиденты), а затем все большему числу его членов стало очевидно, что, несмотря на эйфорические прокламации и многочисленные обещания партийных съездов и прочих "инстанций", коммунистическое руководство ни в одной стране в принципе не в состоянии обеспечить такие демократические свободы и экономические завоевания, которые бы сделали жизнь людей "нового мира" лучше или хотя бы такой же, как в развитых государствах "старого мира".

Нельзя заниматься мифотворчеством, продолжать тешить себя иллюзиями, подобно одному из авторов "Правды", который провозглашает: "Какой бы резкой критике мы вполне справедливо не подвергали историю социалистического стро-

ительства в СССР – создание новых общественных отношений, пусть в неразвитой или искаженной форме, состоялось"⁶³. Да вот именно что не состоялось, ибо основной критерий нового качества этих отношений – резкое уменьшение в них элементов эксплуатации и угнетения. Уровень же эксплуатации наших народных масс партократической государственной машиной во много раз выше того, что позволяет себе по отношению к наемным работникам любая западная частная или государственная компания, любой отдельный предприниматель.

Указывая на будто бы очевидный для всех факт создания под руководством коммунистов новых общественных отношений, апологеты этих мифических отношений до сих пор придерживаются большевистско-ленинской позиции принципиального неприятия демократического механизма, сердцевину которого составляет многопартийность. Иначе нельзя истолковать, например, следующее, наших дней суждение типичного партийца: "Разве можно забывать, что многопартийность – это воздух, которым дышит капитал, вернее его владельцы. В любой развитой капиталистической стране наличие разных партий, союзов, клубов, религиозных и национальных формирований – это возможность для разъединения трудящихся. Нашему многонациональному народу требуется не разъединение, а консолидация всех сил на пути перестройки"⁶⁴.

Вот уж, действительно, большевики – это люди особого склада и скроены они были из особого, монолитно-тоталитарного, а отнюдь не демократического материала. И даже в нашей стране, а не только за ее пределами у все большего числа людей, особенно после кровавых событий в Прибалтике, крепнет убеждение, что нынешние политические наследники большевиков, – будь то полозковская РКП или горбачевская КПСС, – не сумеют низвергнуть этот замшелый монолит и создать на его месте организацию, уважающую права и свободу личности, общечеловеческие принципы демократии.

В странах же Центральной и Восточной Европы подобное убеждение доминирует, и население этих стран решительно отвергло марксистско-ленинскую мифологию коммунистов, как и порочную практику руководства СССР навязывать другим свои решения и образцы. Призрачная "народность" парткратических режимов рухнула там в считанные дни, как только стала очевидно, что советские танки не покинут военных городков и не придут на помощь полностью дискредитировавшей себя местной коммунистической олигархии.

И последнее. Убежден, что сильно ошибется тот, кто будет судить об этих восточноевропейских событиях с точки зрения некой дистанции: у нас, мол, многое иначе, такого никогда не будет и т.п. Одним аршином мерить всех, разумеется, нельзя. В СССР тоталитарно-репрессивный парткратический социализм существует не 40, а 70 с лишним лет. Он имеет более глубокие корни, более жизнестоек и изворотлив. Советская коммунистическая бюрократия не оставляет еще надежд доказать народным массам свою незаменимость у государственного руля, рассчитывает с помощью силы удержаться на номенклатурных командно-административных позициях. Но этим надеждам не суждено сбыться. У парткратического социализма ни у нас, ни где-либо еще нет будущего, "второго дыхания" у него не откроется. Он болен смертельно, его легкие полностью поражены тоталитарным никотином. Никакие новые инъекции "гуманности и демократизма" тут не помогут. Наши архитекторы 70-летнего строительства самого справедливого общества, безусловные сторонники самого передового марксистско-ленинского учения находятся, собственно, у того же "разбитого корыта", что и их восточноевропейские собратья. Выход из тупика, преодоление глубочайшего кризиса во всех сферах жизни - веление времени. Но на путях социалистического выбора это возможно или предпочтительнее иные рецепты - это еще вопрос, и очень большой вопрос. И чтобы разобраться в нем, надо подняться выше набивших всем оскомину заклинаний, клятв в верности социалисти-

ческому выбору, за которыми нередко скрывается только страх оторваться от привычных идеологических догм, подтвердить свое привилегированное положение.

Примечания

1. "Нам истерические порывы, - заявил В.И. Ленин в конце своей статьи "Очередные задачи Советской власти", - не нужны. Нам нужна мерная поступь железных батальонов пролетариата" (Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 208).
2. Современное видение социализма. Круглый стол. - Правда, 1990, 21 января.
3. Ципко А.С. Хороши ли наши принципы? - Новый мир, 1990, № 4, с. 174.
4. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 6.
5. Там же, т. 40, с. 295.
6. Там же, т. 41, с. 373.
7. Там же, с. 380.
8. Там же, с. 383.
9. Там же, с. 32.
10. Там же, с. 404.
11. Двенадцатый съезд РКП(б) 17-25 апреля 1923 г. Стенографический отчет. М., 1968, с. 672.
12. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 30.
13. Там же, с. 271.
14. Там же, с. 65.
15. Бухарин Н.И. На подступах к Октябрю. Статьи и речи, май-декабрь 1917 г. М., 1926, с. 184.
16. Троцкий Л. Соч., т. XII. М., 1924, с. 144.
17. Там же, т. XIII. М.-Л., 1926, с. 144.
18. Там же, с. 136.
19. Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 г. Стенографический отчет, М., 1963, с. 150.
20. Троцкий Л. Соч., т. XII, с. 12.
21. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 221.
22. Троцкий Л. Соч., т. III, ч. 2. М., 1924, с. 229.
23. "Репрессия, - поучал в 1920 г. партийную массу Л.Д. Троцкий, - для достижения хозяйственных целей есть необходимое орудие социалистической диктатуры" (Троцкий Л. Соч., т. XII, с. 143). Позднее Сталин заимствовал эту "ценную" мысль, правда, без указания первоисточника.
24. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 158.
25. К гуманному, демократическому социализму (Программное заявление XXIII съезда КПСС). - Материалы XXIII съезда КПСС. М., 1990, с. 77.
26. Троцкий Л. Соч., т. XVII, ч. 2. М.-Л., 1926, с. 325.
27. Сталин И. Соч., т. 5. М., 1954, с. 71.
28. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 307;

т. 44, с. 147.

29. Там же, т. 39, с. 163.

30. Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 г. Протоколы. М., 1959, с. 396.

31. Двенадцатый съезд РКП(б), с. 47.

32. Там же, с. 131.

33. Там же, с. 158.

34. Троцкий Л. Соч., т. XII, с. 312.

35. Двенадцатый съезд РКП(б), с. 280.

36. Троцкий Л. Соч., т. XII, с. 312.

37. Там же, с. 289.

38. "Красный террор, - писал Троцкий, - есть оружие, применяемое против обреченного на гибель класса, который не хочет погибать. Если белый террор может лишь замедлить историческое восхождение пролетариата, то красный террор ускоряет гибель буржуазии. Ускорение - выигрыш темпа - имеет в известные эпохи решающее значение. Кто признает революционное историческое значение за самим фактом существования советской системы, тот должен санкционировать и красный террор" (Троцкий Л. Соч., т. V, с. 64-65).

39. Цит. по: Девятая конференция РКП(б). Сентябрь 1920 г. Протоколы. М., 1972, с. 359. (Под этим манифестом от Советской России стоят подписи В.И.Ленина, Г.Е.Зиновьева, Н.И.Бухарина, Л.Д.Троцкого).

40. Коллрива Д. Революционная бдительность и борьба за чистоту рядов КПЧ. - За прочный мир, за народную демократию!, 1950, 24 марта.

41. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 5.

42. Там же, т. 41, с. 311.

43. Там же, т. 40, с. 42.

44. Там же, т. 41, с. 272.

45. Там же, т. 39, с. 157.

46. Там же, с. 156.

47. Там же, т. 4, с. 220.

48. Иванов А. Народная демократия: через коалиционные формы власти к социалистическим преобразованиям (Из опыта Народной Польши). - Советское славяноведение, 1989, № 2, с. 6.

49. Комюнике о совещании Информационного бюро коммунистических партий. - Правда, 1948, 29 июня.

50. Там же.

51. Совещание Информационного бюро коммунистических партий в Венгрии во второй половине ноября 1949 года. М., 1949, с. 25, с. 28.

52. Кузнецов А. Какое единство нам нужно. - Правда, 1990, 12 мая.

53. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 5-7 февраля 1990 г. М., 1990, с. 187.

54. Макашев А.М. Выступление на Российской партконференции 19 июня 1990 г. - Красная Звезда, 1990, 21 июня.

55. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, II, 14, 16 марта 1990 г. М., 1990, с. 91.

56. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 5-7 февраля 1990 г., с. 192.

57. Пресс-конференция в Милане. - Правда, 1989, 3 декабря.

58. Бумеранг "Пражской весны". - Известия, 1990, 21 августа.

59. Там же.

60. Брежнев Л.И. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 2. М., 1970, с. 329.

61. Выступление М.С.Горбачева по итогам обсуждения Политического отчета ЦК КПСС XXVIII съезду партии. - Материалы XXVIII съезда КПСС, с. 65.

62. Киселев В. От апреля до апреля. Перестройка: какие надежды она оправдала, а какие нет. - Известия, 1990, 23 апреля.

63. Марков В. Демократична ли фракционность. - Правда, 1990, 18 апреля.

64. Голубев В. Куда нас зовут. - Правда, 1990, 7 марта.

Т.В.ВОЛОКИТИНА

БОЛГАРИЯ: "НЕЖНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ" ИЛИ ПОИСКИ "НОВОЙ МОДЕЛИ СОЦИАЛИЗМА"?

Сформулированный в названии статьи вопрос заключает в себе дилемму, определявшую возможные направления развития событий в Болгарии после отстранения от власти Т.Живкова. В период, прошедший с ноября 1989 г., постепенно определились два варианта развития - революция, упраздняющая старые "коммунистические" структуры власти, управления, хозяйствования и т.п., или "новая модель" этих структур, более отвечающая запросам времени, принципам и нормам демократической жизнедеятельности болгарского общества.

По какому пути пошла страна? В силу каких причин и какого "сцепления" разного рода факторов вышеупомянутая дилемма стала приобретать определенность какую? Эти и другие вопросы являются предметом размышлений автора данной статьи.

1. О некоторых особенностях болгарского кризиса

На наших глазах стремительно меняется политический облик Центральной и Восточной Европы. В этом процессе перемен длительное время Болгария заметно отставала от своих соседей, уподобляясь, по определению одного из западных обозревателей, последнему вагону длинного поезда, двигавшегося неизведанными путями к демократии и рыночной экономике¹. Советская перестройка стала сильным стимулом для аналогичных процессов на болгарской почве. Привыкшее старательно копировать опыт СССР руководство страны и здесь осталось верным себе: перемены были декларируются "командой Живкова" по советскому образцу и подобию, то есть "сверху". Перестройка долгое время по-прежнему болгарской администрацией как "постоянное совершенствование социализма в НРБ", создание его новой модели в виде "гражданского общества социалистического типа"². При этом среди населения преобладало мнение, что перестройка не просто время от времени пробуксовывала, а упрямо стояла на месте. Трескучие фразы из передовки партийных изданий, пытавшихся убедить общество в том, что "жизнь в стране протекает под знаком глубоких и всеохватывающих качественных перемен", что "народ един и сплочен в своем устремлении к целям, к которым ведет его БКП", что последняя "заслужила большое уважение своего народа"³, повисали в воздухе, лишенные опоры в реальной действительности. Вопреки провозглашенному в соответствии с так называемой Июльской концепцией курсу обещанная демократизация затянулась, прежним оставались место и роль партийных органов в государственных и общественных структурах, власть по-прежнему концентрировалась на "верху" пирамиды, не торопясь смещаться к ее "основанию"... Директивы и силовое давление, как и ранее, являлись излюбленными методами реализации задуманного. Именно так, по команде "сверху",

внедрялась в жизнь широко разрекламированная "фирменная организация" хозяйственной сферы. Хронической болезнью болгарской действительности стал огромный разрыв между словом и делом, фактически превративший перестройку в ее имитацию. В недрах общества назревали глубокие противоречия, складывалось убеждение в необходимости коренных преобразований. Но эти процессы развивались подспудно, а на поверхности в сравнении с некоторыми другими восточноевропейскими странами Болгария продолжала оставаться наиболее "спокойной". Тем неожиданнее, как гром среди ясного неба, не только для советского читателя, но и для болгарских граждан разразились события поздней осени 1989 г. Их прологом стал пленум ЦК БКП, собравшийся 10 ноября, на котором Т.Живков, в течение 35 лет находившийся на партийном "Олимпе", был смещен с поста генерального секретаря. Отсутствие комментариев в болгарских средствах массовой информации усилило эффект неожиданности происшедшего, тем более что, как позднее подчеркивали американские обозреватели, в ноябре ничто не указывало на намерение Политбюро сместить Живкова⁴. Не случайно западная пресса и позднее, в марте 1990г., предпочитала при оценке ноябрьских событий пользоваться определением "путч", связывая его с внешним фактором, под которым вполне определенно подразумевалось "благословение" Москвы. Партийное руководство неоднократно подчеркивало, что перемена 10 ноября явилась итогом объективного процесса сопротивления режиму Живкова, развивавшегося в БКП, делом самой партии. Характерно, что поначалу болгарское общество с готовностью и энтузиазмом воспринимало эти заявления, однако по мере усиления поляризации политических сил в стране, роста антикоммунистических настроений все больше появляется желающих приписать все заслуги оппозиционным силам вне БКП⁵.

Думается, что сегодня можно с большой долей определенности говорить о том, что в БКП имелись и постепен-

но вызревали силы протеста против авторитарной власти, монополии партийного аппарата, но публичное проявление их носило эпизодический характер. К примеру, в 1987 г. в Софийском университете четверо ученых-коммунистов выступили с резкой критикой режима, что вызвало мгновенную ответную репрессивную реакцию партийного руководства. Не так давно стало известно, что осенью 1979 г. оформилось нелегальное социал-демократическое движение⁶. Можно указать и на некоторые другие факты. Однако массового диссидентского, оппозиционного коммунистическому режиму движения Болгария не знала, как не знала и "самиздатской" литературы в масштабах, позволяющих говорить о каком-то серьезном вкладе ее в пробуждение общества. По признанию "Думы", в Болгарии "не появилось даже бледной копии Высоцкого"⁷. Достаточно сказать, что самая "старая" правозащитная организация в стране – Комитет по правам человека – возникла в 1989 г. Объяснение этому следует искать в крайне невысокой политической культуре общества, не сформировавшего традиций массовой оппозиционности жесткому всеохватывающему (тоталитарному) контролю государства. Если в Польше, Венгрии, ГДР демократические и оппозиционные настроения долгие годы подпитывались антисоветизмом, то Болгария прежде не знала подобного явления в больших масштабах. Поэтому как только исчез страх перед советскими танками, многие партнеры Болгарии по "социалистическому содружеству" устремились вперед в своих преобразованиях, не особо оглядываясь на "старшего брата". В Болгарии, всегда находившейся на режиме наибольшего благоприятствования у советского руководства, испытывавшей не страх перед русским солдатом, а совсем наоборот, не появился дополнительный стимул к развитию оппозиционных настроений в рядах БКП и ее союзника БЗНС.

Характерной особенностью для страны стало то, что рупором оппозиционных настроений выступила неформальная группировка "Экогласность". Именно это независимое, не-

политизированное объединение, выдвигавшее на первый план задачи экологического характера, фокусировало в себе все недовольство общества существовавшими порядками. Ему удалось через выдвижение и освещение экологических проблем привлечь внимание болгарского общества к общей ситуации в стране. Действуя в условиях прессинга и прямого преследования со стороны официальных властей, "Экогласность" завоевала значительную популярность, особенно среди интеллигенции: даже весной 1990 г., когда в Болгарии действовали уже десятки различных партий, социологический опрос фиксировал самую высокую оценку деятельности "Экогласности" в обществе. Лидер ее – артист И. Слабаков подчеркивал, что "Экогласность" "всегда будет в оппозиции правящим партиям, и последние будут с ней считаться"¹¹.

Высоко оценивая значение "Экогласности", все же следует признать: до 10 ноября 1989 г. оппозиции как новой политической силы в стране не существовало. В тот момент ни одна группа или прослойка не заявила открыто, что готова вести борьбу за власть во имя каких-либо более совершенных общественных целей. Более того, падение Т. Живкова знаменовало определенное единство, хотя и кратковременное, между коммунистами-реформаторами и народом, национальную консолидацию на основе неприятия существующей модели социализма, отказа от сталинизма и "живковизма".

Еще одна специфическая черта болгарского кризиса – выдвижение почти сразу же на первое место национального вопроса. Последний стал весьма мощным катализатором общественных настроений, их сильным раздражителем. Характерно, что в первые месяцы кризиса национальный вопрос оказался замкнутым в чисто этнические рамки и сведен к вопросу о мусульманском населении в Болгарии, хотя включает в себя и другие не менее важные аспекты – македонский, цыганский.

Обострение национального вопроса было вызвано ре-

шением декабрьского (1989) пленума ЦК БКП о преодолении допущенных деформаций в отношении турецкоязычного и мусульманского населения Болгарии. Эти деформации резко проявились в конце 1984 г., когда в целях создания "этнического монолита болгарской нации" началась массовая кампания по ассимиляции этнических турок, вылившаяся в их насильственную "болгаризацию". Власти вынуждали турецкое население брать славянские или христианские имена, запретили публичное использование турецкого языка, совершение мусульманских обрядов и др. В мае 1989 г., в обстановке прокламировавшейся властями перестройки турецкое население провело демонстрации протеста, добиваясь изменения национальной политики. В ответ последовали репрессии против демонстрантов. Имелись жертвы. Летом 1989 г. через болгаро-турецкую границу устремился поток беженцев. Страну покинули около 30 тыс. турок (общая численность турецкого населения около 1 млн.). Отъезд нередко сопровождался весьма неприятными эксцессами. Результатом переселения турецких семей явилось заметное падение численности населения в мусульманских районах Болгарии. Один пример: в прежние годы мечеть в Хасково регулярно посещали 200 верующих, а в сентябре 1989 – всего 45. Отъезд турок вызвал значительные экономические затруднения разного порядка – от необходимости изыскать значительные суммы для погашения банковских вкладов до производства табака, поскольку среди турок много опытных табаководов.

Упомянутое решение пленума охарактеризовало прежнюю политику по национальному вопросу не просто в качестве грубой политической ошибки, но и как наиболее острую и крупную деформацию и преступление режима Живкова. В докладе члена Политбюро, секретаря ЦК БКП А. Дилова подчеркивалось полное отсутствие какой-либо документации, способной сегодня пролить свет на механизмы принятия решения о принудительной смене имен и пр. Нет возможности также назвать персонально и его авторов. Характерно, что А. Дилов отметил опасность как "болгарского шовиниз-

ма", так и "исламского фундаментализма", которые быстро развивались и опасно нарастали. Для такой оценки, несомненно, имелись серьезные основания: в связи с мусульманским вопросом болгарское общество оказалось расколотым на две части. 2 января 1990 г. начались волнения в Кырджали: против решения пленума ЦК под лозунгом "Болгария болгарам!" выступили более 10 тыс. человек. В городе был создан Комитет гражданского единства, принявший специальное заявление с осуждением действий руководства страны. "Вновь члены высшего партийного руководства, не знакомые с ходом процессов в некоторых районах страны, принимают категоричные решения, навязывают собственное мнение. Партийное руководство действует в интересах политической конъюнктуры. Невозможно исправить бывшие политические ошибки решениями, лишенными в своей основе широкой общественной поддержки", - подчеркивалось в заявлении. Участники митингов в Хасково и Софии высказывались за поиски адекватной национальной политики путем референдума.

Обострение положения в районах проживания компактных групп туркоязычного населения, сопровождавшееся стачками, блокированием шоссе и железных дорог, сделало ситуацию в стране, по оценке Политбюро ЦК БКП, взрывоопасной. Причем, на том этапе большой экстремизм демонстрировало болгарское население. Это, по-видимому, указывает на то, что констатация Т. Живковым в ноябре 1989 г. наличия в стране сильного патриотического подъема и сплочения населения в связи с мусульманским вопросом какую-то реальную почву под собой имела.

15 января 1990 г. Народное собрание приняло Декларацию по национальному вопросу. В пункте 7 специально подчеркивалось: "В стране не допускается существование политических и других общественных организаций, а также деятельность, направленные против ее территориальной целостности, единства нации или преследующие цель раздробления и обособления частей ее территории по рели-

гизному, этническому или иному принципу".

Резкое несогласие с попыткой руководства страны решить национальный вопрос без предварительной научной проработки продемонстрировали болгарские обществоведы. В феврале 1990 г. об этом заявили участники "круглого стола", одним из организаторов которого выступило Болгарское историческое общество¹². Критике подвергся и потребительский подход к исторической науке, чья принятая роль сводилась лишь к комментированию уже принятых политических решений. Решение пленума по национальному вопросу ярко подтвердило, по мнению участников "круглого стола", сложившуюся порочную практику.

Ученые считают, что сейчас вырисовываются по меньшей мере две позиции, могущие стать исходной точкой для разработки адекватной политики в национальном вопросе: 1) идея единения болгарской нации при одновременном обязательном дистанцировании от порочных методов ее реализации в прошлом; 2) альтернативная идея болгаро-турецкого дуализма.

Несмотря на оптимизм представителей болгарского политического руководства, усматривающих благоприятные перспективы решения национального вопроса в согласии и примирении наций и народностей, этот вопрос продолжает будоражить болгарское общество. Нынешняя ситуация усугубляется тем, что объединившее мусульман Движение за права и свободы (ДПС) накануне выборов в болгарский парламент в июне 1990 г. было зарегистрировано в качестве политической партии. В глазах немалой части болгарского общества ДПС предстает как противозаконная, "протурецкая и происламская" партия, созданная на этнической базе и призванная способствовать "эрозии болгарского народа" на основе ислама. В печати открыто проводятся параллели между ДПС и Народным социальным движением А.Цанкова в 30-е годы, болгарским правящим кругам считается необходимым напомнить о злобешей роли судебных немцев в разгроме чехословацкого государства и

Лидер ДПС Мехи Доган (он же - в болгарском варианте - Ахмед Доганов) склонен, по-видимому, рассматривать свою партию как некий балансир между противостоящими силами общества. В Великом Народном собрании, избранном в июне, ДПС представлено 23 голосами и стало третьей партией по числу депутатов, обогнав БЗНС. В этой связи заявление Доганова о том, что, по его мнению, "путь Болгарии к Европе пройдет через Босфор и исламский мир"¹⁴, расценено многими в стране как глубоко тревожный фактор, свидетельствующий о намерении ДПС стать "гарантом Болгарии в глазах Европы"¹⁵.

Видимо, позиции ДПС будут укрепляться по мере возвращения уехавших в Турцию болгарских граждан. Уже сейчас обратный поток беженцев довольно велик: в начале апреля число реэмигрантов превысило 120 тыс. человек. В болгарском обществе ныне переселение турок и их возвращение лаконично, хотя и извительно называют "экскурсией". В связи с ростом потока возвращенцев Совет министров 7 апреля принял постановление, согласно которому дома, купленные у отъезжавших общинными народными советами и не проданные до сих пор, должны быть проданы вернувшимся болгарским гражданам. Кроме того, предусмотрено выделение средств на строительство жилья особо нуждающимся. Очевидно, однако, что страна стоит перед очень сложными, на наш взгляд, трудно прогнозируемыми проблемами в связи с мусульманским "аспектом" национального вопроса. Угроза "исламской экспансии" в Болгарии как возможного проявления назревающего конфликта между исламом и христианством весьма тревожит болгарское общество¹⁶.

Выше уже говорилось, что национальный вопрос в Болгарии имеет несколько аспектов. Однако в восприятии и оценке их обществом проступают серьезные различия. То же можно, безусловно, отнести и к руководству страны, и к основным силам, действующим на политической сцене.

Признавая наличие "мусульманского вопроса", подавляющая часть общества категорически отвергает вопрос о национальных правах македонцев, подчеркивая при этом, что македонского национального меньшинства в Болгарии попросту не существует¹⁷. Как попытка вмешательства во внутренние дела страны было расценено обращение в феврале 1990 г. Скупщины СФРЮ к Народному собранию НРБ с выражением надежды, что новая демократическая власть вновь создаст условия "для проявления национальной и культурной самобытности македонского национального меньшинства" в Болгарии и будет учитывать "все его права в соответствии с международным правом". В настоящее время болгарская сторона упорно исходит из своей прежней позиции, носящей долгосрочный и принципиальный характер и вытекающей, как подчеркивается, из исторических и нынешних реальностей. В связи с этим Объединенная македонская организация (ОМО) "Илинден" расценивается как "антиконституционная и антиболгарская", как своего рода "пятая колонна" закордонных экстремистов из СР Македонки¹⁸. Организации "Илинден" инкриминируется намерение перевести свою деятельность на нелегальную основу, отстаивать "сепаратистские антиболгарские цели", подрывать национальное единство и территориальную целостность, добиваться отделения Пиринской Македонии от Болгарии¹⁹.

Эти обвинения расходятся с содержанием петиции, врученной представителями ОМО "Илинден" Народному собранию 12 марта 1990 г. от имени "тысяч граждан Пиринской Македонии". В петиции заявляется о праве македонцев как равноправных граждан Болгарии на национальное самоопределение, однако категорически отмечается обвинение в "антиболгарской основе" создаваемой македонской нации, а также и намерении последней выйти из состава НРБ. Требование культурно-национальной автономии македонцев в Болгарии обострило интерес общества к историческому прошлому страны. Призывы изучить и осветить "македонистские позиции" БКП после 9 сентября 1944 г.,

роль Г. Димитрова в развитии национального вопроса все активнее раздаются не только в научных кругах²⁰, но и становятся эффективным средством давления на общественность в развернувшейся массированной атаке на БСП. Компартия Болгарии годами насаждала "македонизм"^ж, говорится в газете "Свободен народ". - У нее нет сейчас сил "признать свой грех перед Болгарией"²¹.

В отношении ОМО "Илинден", так же как и ДПС, все чаще предлагается применить вышеупомянутый пункт 7 Декларации по национальному вопросу. Кое-где на местах так и поступают: по сообщению прессы, окружная прокуратура Благоевграда, например, предложила местной организации "Илинден" прекратить свою деятельность²².

Конечно, резкое обострение национального вопроса в Болгарии, усугубившее охвативший страну кризис, стало логическим проявлением в целом достаточно беспомощной национальной политики, в которой значительную роль всегда играли эмоции, менталитет "малой страны", оглядка на "соседей". Загнанные внутрь противоречия время от времени прорывались наружу, но к принципиальной корректировке политического курса в данном вопросе не приводили. Известная демократизация жизни страны в какой-то мере способствовала тому, что глубоко глешие национальные противоречия ныне вышли на поверхность.

2. "Антикризисная" программа правительства: замысел и результаты

Опыт развития мирового сообщества убеждает: эффективность процессов демократизации зависит от правильного сопряжения преобразовательных процессов в экономической и

^ж Речь идет о проводившемся Болгарской компартией в 1944-1946 гг. курсе, согласно которому Пиринский край предполагалось включить в состав Социалистической Республики Македонии как одной из шести составных частей югославской федерации.

политической сферах. Речь идет не о попеременном предоставлении приоритета чему-то одному, а о параллельном проведении реформ в политике и экономике. Если при "перестройке" Живкова этот лидер соглашался как-то обговорить некие экономические изменения, не затрагивая политическую сферу, то ныне реальность в Болгарии противоположна: процесс политического развития, на наш взгляд, обгоняет изменения социально-экономического порядка. Дело не в невнимании руководства к экономическим целям, а в слабой результативности воспринятого курса на стабилизацию.

Условым для болгарской экономики последних лет был вопрос о том, возможны ли структурные изменения при подержании высоких темпов роста национального дохода. Этот вопрос не являлся чем-то исключительно болгарским: в начале 80-х годов им задавались, к примеру, в Венгрии, Чехословакии... Как раз упомянутые страны избрали свой вариант развития - снижение его темпов, сдерживание роста уровня реальных доходов для переориентирования ресурсов на качественные изменения в экономике и обеспечение в перспективе подъема жизненного уровня населения. Болгария пошла другим путем - сохраняя высокие темпы, однако, что принципиально важно, не за счет качественных изменений в производстве. Сравнительно высокие темпы после 1985 г. базировались на введении в строй производственных мощностей, которые должны были быть сданы в эксплуатацию еще в годы УШ пятилетки, а также на дополнительной нагрузке на валютный баланс страны. По оценке западных экономистов, внешний долг Болгарии в 1986-89 гг. возрос на 4,5 - 5 млрд. долларов. За это же время национальный доход увеличился на 3 - 3,4 млрд. левов. Очевидно, что цифры эти абсолютно несопоставимы и уже во всяком случае никак не иллюстрируют достижения экономической политики. Более того, они отражают фиктивность достигнутых темпов, их неоправданно высокую цену. С полным правом болгарский эконо-

номист Р.Георгиев пользуется для оценки вышеназванного процесса понятиями "иллюзорность темпов", "иллюзорность модели экономики"²⁴.

Развитие структуры экономики по "иллюзорной модели" в течение долгих лет не только не решило, но и резко обострило экономические проблемы Болгарии. Дестабилизирован внутренний рынок, на котором невозможно реализовать денежные доходы населения. Последние постоянно растут: так в конце 1988 г. они достигли, как минимум, 25 млрд. левов при ежегодном розничном товарообороте около 16 млрд. левов. По некоторым данным, в завершившемся 1990 году несоответствие между товарным фондом и покупательной способностью населения возросло: расчетная стоимость товаров и услуг составила 19 млрд левов, а население сосредоточило в своих руках около 50 млрд левов. Иными словами, денег в обращении находится в 2,6 раза больше, чем товаров и услуг. При свободных, по-рыночному определяемых ценах такое соотношение обусловит рост инфляции, равный 260%²⁵.

Характерной чертой болгарской экономики явилось уменьшение инвестиций в легкую промышленность, которые и без того не были значительными. Так, если в 1961-70 гг. они составляли 8-10% от всех инвестиций в промышленность, то в 1980-88 гг. едва достигли 3,7%. Аналогичная картина наблюдалась в сельском хозяйстве и в пищевой промышленности. Одновременно поддерживались высокие темпы развития промышленных отраслей, не имевших экспортной конкурентоспособности, не удовлетворявших внутренних потребностей, например отдельные виды машиностроения, электроника. Обеспечивая занятость и денежные доходы населения, последние практически ничего не давали для товарного покрытия этих доходов. Эту задачу решали слабо инвестировавшиеся сельское хозяйство и легкая промышленность. Кроме того, они обеспечивали и конвертируемые ресурсы для развития технологически прогрессивных отраслей промышленности. "Ахиллесовой пятой" бол-

гарской экономики стал значительный рост незавершенного строительства: к концу 1988 г. оно перевалило за 12,6 млрд левов, т.е. более чем на 120% превысило ежегодный объем капитальных вложений. Чрезмерное расходование государственного бюджета и значительное использование кредитных средств для бюджетных целей до критической отметки увеличило внутренний государственный долг. Особенно возросли затраты из бюджета на финансирование нерентабельных и убыточных производств, дотации на цены и эквивалентное покрытие экспорта в левах.

Катастрофическое положение болгарской экономики с редким единодушием констатируется различными политическими силами страны. Единодушие кончается при определении путей выхода из кризиса. Подчеркивая необходимость перехода к рыночной экономике, не видя другой реальной альтернативы, БСП и СДС разошлись во мнениях о методах и "цене" перехода к рынку. Серьезные разногласия проявились при рассмотрении антикризисной (стабилизационной) программы правительства социалистов на заседаниях "круглого стола" с участием представителей оппозиции.

В пакете предложений однопартийного правительства центральным пунктом явилось признание многообразия и равноправия форм собственности и хозяйствования при переходе к рынку. Предусматривалось поощрение развития предприимчивости и ликвидация ограничений по отношению к частной инициативе. В ходе дискуссии высказано утверждение, что подлинной государственной собственности в Болгарии нет, под ней подразумевается фактически "аппаратная" собственность. Поэтому "разгосударствление" этой собственности в условиях Болгарии принимает весьма специфический вид: с одной стороны, следует вести ее приватизацию, а с другой, превращать ее из "аппаратной" в действительно государственную. С этой целью предполагалось проведение таких мер, как установление контроля парламента за этой собственностью, защита от прямого административного вмешательства госаппара-

та, обособление в полностью самостоятельные хозяйственные организации. В первую очередь это должно было коснуться добывающих и химической отраслей промышленности, энергетики, металлургии. Кооперации предполагалось вернуть предприятия и другие основные средства производства, насильственно взятые в свое время в государственную собственность. Правительство предполагало также стимулировать развитие арендных отношений применительно к различным видам собственности. Хозяйственные объекты, сданные в аренду, со временем должны были приобрести статус смешанной собственности, так как новые основные фонды планировалось создавать при участии средств арендатора, превратив его, таким образом, в собственника.

Проектом Закона о земле предусмотрено восстановление права собственности на землю. Землю предстоит передать ТКЗХ, бывшим собственникам или их наследникам при условии, что они будут ее обрабатывать. Согласно социологическому опросу, проведенному весной 1990 г., подавляющее большинство сельских жителей высказались за расширение кооперативной собственности в сельском хозяйстве как наиболее перспективной для этой отрасли. Предпочтение частному земледельческому хозяйству тогда отдали лишь 4,1% опрошенных²⁶.

Стабилизационная программа предполагала поэтапный переход к свободному ценообразованию. В 1990 г. последнее должно было охватить не менее 40% всей товарной продукции, а в сфере услуг этот процент предполагался гораздо выше. В сферу рыночного ценообразования попадали в первую очередь те виды товаров и услуг, где ожидалось быстрое увеличение числа производителей и возникновение конкуренции (овощеводство, плодоводство, например).

В сельскохозяйственном производстве были закреплены твердые закупочные цены на 13 основных видов продовольствия - зерно, подсолнечное масло, молоко, мясо, яйца

и т.д. На 17 видов – рис, хлопок, помидоры, яблоки, виноград и др. – установлены минимальные цены. Остальные виды продукции предполагалось полностью перевести на свободные рыночные цены. Свободное ценообразование, по замыслу авторов правительственной программы, должно было сочетаться с мерами по контролю над инфляцией для снижения социальной напряженности. Стабилизационная программа предусматривала также максимальную экономию расходных статей госбюджета, известное ограничение роста доходов населения, ограничение импорта при возрастании экспорта и другие, прямо скажем, далеко непопулярные меры.

Авторы программы рассчитывали достичь разумного баланса между экономической эффективностью и социальной защищенностью граждан. Поэтому в основе их подхода к реформе лежал отказ от "шокового" варианта, уверенность в возможности мягко и постепенно перейти к "контролируемой рыночной экономике"²⁷.

Хотя дискуссии "круглого стола" не привели к единству мнений, стабилизационная программа вступила в силу с 1 апреля 1990 г.

Что можно констатировать сегодня? С определенностью – провал стабилизационной программы, "ускорение вниз", как считают болгарские экономисты.

Несомненно, достигнута некоторая отсрочка разрушения административно-командной системы в экономике, произошла временная и весьма непрочная, но все же известная консервация органических пороков существующей экономической системы. Предложенный правительством курс качественно не мог изменить характера экономики, парализованной растущим дефицитом и ограничениями²⁸.

Налицо явный парадокс: антикризисные меры привели в конечном счете к углублению кризиса. В июне оппозиционная пресса констатировала: Болгария переживает "экономический шок"²⁹. Спад производства задержать не удалось. Уже в I-ом квартале он превысил 8%. Сократились как импорт, так и поступления от экспорта. Страна перестала

быть платежеспособной. Обещанная либерализация цен еще не начата в экономически значимом масштабе. Более того, по бюджету 1990 г. систему цен по-прежнему подкрепляют субсидии, надбавки и премии общей стоимостью в 6,5 млрд. левов, что составляет свыше 20% национального дохода. Для сравнения: в развитых странах этот показатель в среднем не превышает 2-3%. В результате - открытая инфляция цен несколько сдерживается, зато скрытая принимает необузданный характер. Не удалось избежать и серьезных для Болгарии масштабов безработицы. В апреле 1990 г. в стране официально зарегистрировано 43,6 тыс. безработных (считается, что всего в стране работоспособное население составляет около 4 млн. человек). Социологические опросы свидетельствуют, что в рабочей среде существует понимание неизбежности безработицы в условиях перехода к рынку. А вот "уязвимость" различных слоев населения видится по-разному. К примеру, из 1975 рабочих 43,6% сочли, что от безработицы пострадают трудящиеся; 23,9% опрошенных назвали социально слабые слои; 9,6% уверены, что это коснется главным образом администрации, "начальства"; 8,9% - тех, кто не желает трудиться; 6,7% считают, что пострадает все общество; 5,2% выделили неквалифицированные кадры и т.д.

По прогнозам "Думы", безработица будет нарастать, затронув до 5% работающего населения³⁰. С 1 января 1990 г. вступило в силу постановление правительства, предусматривающее меры социальной защиты рабочих и служащих, уволенных с производства. Зарегистрированные безработные в течение 9 месяцев получают социальную помощь по так называемой затихающей шкале. В стране открылись 120 бюро по труду. В марте создано Центральное бюро с целью координации "рыночной информации" по шведскому образцу. Однако своим западным коллегам болгарские бюро уступают как в технической оснащенности, так и по ряду принципиальных черт деятельности. К примеру, если в Швеции биржи труда наделены правами налагать санкции

на фирмы, не желающие принимать рабочих при наличии свободных мест, то в Болгарии последнее слово остается за трудовым коллективом: согласно Кодексу законов о труде, коллектив может отказать кандидату независимо от его профессиональных способностей. Комитет по труду и социальному обеспечению лишен права вмешиваться в подобных случаях. Уже первые месяцы после принятия правительственного постановления показали, с какими огромными трудностями решаются проблемы трудоустройства. Выяснилось, что далеко не всегда фирмы афишируют наличие вакантных мест. Сплошь и рядом предлагаемая работа не отвечает квалификации и уровню образования кандидатов. Самыми уязвимыми оказались люди с высшим образованием. В Софии уже давно говорят о безработице интеллектуалов. Сложнее для последних обстоит дело с социальной защитой. Право на нее имеют лишь те, кто во время учебы заключил договор с предприятиями. Понятно, что это касается очень ограниченного круга специалистов. А остальные? И как быть тем, кто сокращен до 1 января 1990 г., т.е. до вступления правительственного постановления в силу? Ну и самое важное - что делать по истечении 9-месячного срока? К сожалению, отсутствие четкой перспективы в этом вопросе служит дополнительным стимулом для явления, охватившего не только Болгарию. После введения в стране свободы выезда ее покинули сотни специалистов. Еще в марте "Софийские новости" с горечью констатировали: "Мы уже находимся на пороге воплощения в реальность вековой коммунистической мечты об обществе рабочих и крестьян".

Неуспех стабилизационной программы признало и руководство БСП, констатировав в сентябре 1990 г., что страна стоит на рубеже хозяйственной разрухи, "перед реальной опасностью разрыва жизненных социально-экономических функций"³¹.

Оппозиция охарактеризовала период реализации правительственной программы, как "время упущенных возможнос-

тей для старта болгарской экономики к рыночному хозяйству³². Прогресс был весьма незначительным, ибо в актив правительства мало что может быть записано с точки зрения развертывания экономической реформы. Пожалуй, определенная либерализация цен и приватизация в торговле, сфере услуг, общественном питании и туризме... Идти дальше не дает растущая безработица и плохое экономическое положение, заставляющее думать о том, в первую очередь, как накормить население, где найти валюту для ввоза продовольствия и товаров. Тяжелым грузом висит огромный по болгарским масштабам внешний долг страны - около 11 млрд. долларов. Оппозиционная пресса назвала его одной из "раковых опухолей", поразивших болгарский экономический организм³³. Положение усугубляется тем, что с 1 января 1991 г. расчеты по товарообороту с СССР должны производиться в свободно конвертируемой валюте. А годовой товарооборот между нашими странами достигает 13 млрд. руб. Хотя советская сторона заявила о нежелании "шоковой терапии" в экономических отношениях с Болгарией³⁴, что, видимо, предполагает поиск каких-либо компромиссных вариантов, тем не менее перспектива для Болгарии выглядит в этом плане удручающе. В условиях расплывающейся по всем швам экономики для стабилизации ситуации все большее значение начинает приобретать отнюдь не экономический фактор. В прогнозах, подготовленных ЦРУ и опубликованных на Западе, ключ к стабильности видится в степени готовности болгарского общества вынести трудности во имя политической свободы³⁵. Иными словами, лишь от терпения народа, способности все ту же затягивать пояса зависит будущее страны. Фактически такой вывод означает признание отсутствия в данный момент эффективного антикризисного плана действия. Очевидно, что в целом это справедливая оценка.

В связи с состоянием болгарской экономики хотелось бы поразмышлять вот над чем: насколько правомерна дилемма "шок" - "постепенность". Ясно, что резкое

противопоставление "шоковой терапии" "мягкому" и социально гарантированному переходу к рыночной экономике не выдерживает критики и, на наш взгляд, преследует скорее политические цели. Ясно и то, что такой переход, сопровождающийся серьезными потрясениями как в экономической политике, так и в жизненном уровне всего населения, невозможен без "шоковых" процедур. Следует иметь также в виду и то обстоятельство, что укрепление связей с Международным валютным фондом, к которому стремится Болгария, неизбежно должно привести к изменению структуры и оздоровлению экономики, без чего вопрос о кредитах МВФ вряд ли будет решен положительно. Предполагаемое соглашение с МВФ может стать серьезным толчком к радикальным действиям. Словом, переход к рыночной экономике неизбежно влечет за собой болезненные процессы адаптации, в силу чего "антишоковая" пропаганда теряет всякий смысл. Газета "Демократия" справедливо подчеркнула: "Тонущий не может позволить себе такую роскошь, чтобы его спасали постепенно"³⁶.

3. ВСП - СДС: противостояние или сотрудничество

Неустойчивость экономической ситуации в стране резко усилила поляризацию политических сил. Наблюдаемый сегодня в Болгарии политический плюрализм возник, безусловно, в значительной мере "на волне отрицания" сталинизма, монополии правящей партии, тоталитарного коммунистического режима. Партии, движения, блоки, союзы, создавшиеся в огромном количестве, не имеют зачастую определившейся социальной базы, четкой дифференцированной программы, ясных перспектив развития. Не следует закрывать глаза на то, что на этапе этого, так сказать, "первичного" плюрализма сильным стимулятором явились антикоммунистические настроения, особенно сильно проявившиеся в предвыборной борьбе весной - летом 1990 г. "Размытая" социально-экономическая структура болгарского общества, "крис-

таллизация" которой затягивается из-за отсрочки экономической реформы, объясняет и своеобразие болгарского плюрализма, отличающегося нестабильным характером.

Основными факторами современной политической жизни страны являются БСП и СДС. Между ними развернулась острая борьба за власть, в ходе которой можно выделить отдельные внутренние рубежи, но которая неумолимо приближается к развязке, ответу на главный вопрос: удержится ли БСП "на плаву" хотя бы в провинции или станет целиком и полностью оппозиционной партией.

С чем подошли к этому этапу политического развития болгарские социалисты? Известно, что БСП отвергла модель административно-репрессивного социализма, осудила некоторые преступления прежнего режима, отказалась от монополии на власть и принципа демократического централизма как основы организационного строения партии, восприняла территориальный принцип формирования основных парторганизаций. Руководство партии пошло на радикальное, до 80%, сокращение своего аппарата в центре и на местах³⁷. В июне 1990 г., "прервав, - по оценке мировой прессы, - цепочку поражений прежних правящих марксистско-ленинских партий Восточной Европы" БСП одержала победу в Великое Народное собрание (ВНС)³⁸. Понятно, что многие обозреватели заговорили о "болгарском феномене" - триумфе обновленной БСП. Однако нынешнее положение партии глубоко тревожное. БСП, несомненно, утратила политическую инициативу, налицо отсутствие свежих идей, новых имен, конкретных действий. Она продолжает оставаться конгломератом, внутри которого существует фактическое разделение на различные, включая и полярные, идейные течения. Прошедший в сентябре 1990 г. очередной, XXXIX съезд партии, принял решение восстановить связь с "истоками", утвердить свою почти столетнюю преемственность. Обратившись памятью к "тесносоциалистическому", благаевскому революционному течению в Болгарской социал-демократической партии, возникшему в 1891 г., нынешняя

БСП тем самым подчеркивает, что стоит за сплоченную, связанную внутренней дисциплиной боевиту организацию. Но это дело будущего. Пока же группа радикалов, например, публично заявила о категорическом несогласии с перспективой превращения БСП в обновленную марксистскую партию левого типа. Фракция БСП - Альтернативное социалистическое объединение (АСО) убеждена, что БСП должна осознать себя как "коалиция различных левых сил". Несколько различных платформ внутри БСП объединило движение "Демос"... Достижение "партийного единства" в таких условиях выглядит в высшей степени проблематично.

В канун съезда прошла общепартийная дискуссия вокруг проекта платформы дальнейшего обновления и преобразования БСП в современную левую партию демократического социализма. Как подчеркнул в политическом докладе на съезде А. Дилов, БСП исходит из того, что социалистические ценности живы и, несомненно, лягут в основание будущей мировой цивилизации. Проблема сегодня не в том, чтобы выбрать среднюю линию между двумя полюсами: марксизмом-ленинизмом и социал-демократизмом. "Наша задача - суметь преобразоваться в партию современного понимания социализма, в партию будущего".

Видимо, исходя из нынешней ситуации, следует признать, что БСП стоит, по существу, перед сверхзадачей. Причин тому несколько - прежде всего та, что творческое освоение марксизма с позиций сегодняшнего дня, как и анализ современных направлений в марксистской мысли - дело будущего. В силу этого много неясного скрыто за самым определением "демократический социализм". Весьма существенным моментом является и то, что преобразовательные процессы предстоит разворачивать в исключительно сложной обстановке, страна фактически поставлена перед дилеммой: гражданский мир или гражданская война.

Сама БСП находится в крайне тяжелом организационном состоянии. Медленно и непоследовательно меняется кадровый состав партии, по существу топчется на месте процесс

очистения ее от наиболее скомпрометировавших себя лиц. Не сформированы рабочие тоспособные структуры, обеспечивающие "стыковку" по линии: Высший партийный совет - общинский совет - основная парторганизация.

В канун выборов в ВНС в партии развернулась ничем, на наш взгляд, не оправданная погоня за увеличением численности. "Дума" с восторгом писала о росте партийных рядов. В апреле 1990г. численность партии равнялась 986 434 членам, а во второй половине мая был достигнут миллионный рубеж³⁹. По другим данным, более 1 млн. членов партия насчитывала уже в конце января 1990 г., а к 1 июля было зарегистрировано 861 803 члена⁴⁰. Не зависимо от того, какие сведения более точны, видимо, нельзя признать полезным такое "разбухание" БСП, неизбежно ведущее к "потерям качества", оборачивающееся проигрышем в активности партийцев, дееспособности организаций. Нынешней осенью болгарская общественность узнала, что из партийных списков "исчезли" около 142 тыс. человек (!). Оказалось, что это - те члены БСП, которые не встали на учет в территориальных организациях или в партийных клубах после расформирования "первичек" по месту работы и учебы. Не платя членских взносов, не участвуя в партийных мероприятиях, они в то же время не сдали билеты и не заявили о намерении прекратить членство в БСП.

В прессе, в том числе и советской, поднимался вопрос о "социал-демократизации" БСП⁴¹. Думается, что это очень большая и сложная проблема, подчас неправильно замыкаемая единственно в узкие рамки обращения к социал-демократическим воззрениям. При этом забывается, что социал-демократия, если не сводить ее к модному увлечению, есть продукт экономически и политически зрелого общества. Общества, в котором сильны позиции "третьего класса" и, следовательно, существуют отработанные каналы и методы его участия в управлении экономикой, а в политической сфере - ценный гуманитарный

капитал компромиссного мышления. Что из этого есть в Болгарии? Заметим лишь, что, по словам А. Дилова, еще совсем недавно болгарские коммунисты "вслед за Марксом" не признавали существования среднего класса⁴². Сейчас признание есть, но самого класса в Болгарии нет по-прежнему, как нет и прочих вышеуказанных навыков и традиций. Это, кстати, объясняет, почему в Болгарии, как впрочем, и в других странах Восточной Европы, где действуют и "чисто" социал-демократические группировки, не произошло их слияния с широкой массовой базой, с рабочим движением⁴³.

В оппозиции БСП находится Союз демократических сил, объединяющий 16 различных партий, движений, блоков и пр. Позиции СДС укрепляются по мере падения влияния БСП. Своеобразный парадокс болгарской оппозиции заключается в том, что последняя была создана, главным образом, интеллигентами-коммунистами, объединившимися в Клуб в поддержку гласности и перестройки. СДС не является чем-то монолитным. По меньшей мере три течения обрели в рамках Союза достаточно четкие очертания: умеренно-центристское, склонное к поискам консенсуса и диалогу с БСП; право-центристское, настроенное преимущественно оппозиционно к социалистам, и, наконец, радикально-экстремистское, ориентирующееся на конфронтацию и примитивный антикоммунизм⁴⁴.

Уже в ходе весенне-летней избирательной кампании 1990 г. стало ясно, что СДС оформился как преимущественно "городское" объединение, завоевав поддержку в наиболее крупных городах страны - Софии, Пловдиве, Варне, Бургасе, Ямболе и др. Это обстоятельство сыграло злую шутку с руководством СДС, убедив последнее, что победа СДС обеспечена. Настроения города были неоправданно перенесены на все население страны в целом. Итоги выборов в июне 1990 г. явились страшным разочарованием для СДС и его сторонников, но, думается, по-иному завершиться выборы не могли. Нереальны были расчеты на то, что молодая оппозиция, не имевшая, по признанию английских

обозревателей, ясной и детально разработанной политической линии и опыта борьбы, ведшая избирательную кампанию с позиций критики БСП, в одночасье сможет преодолеть политическую инерцию общества, силу привычки, страх перед властями и многое другое. Стремление СДС во что бы то ни стало "свалить коммунистов"⁴⁵, полагаем, было уяснено в болгарском обществе и встретило негативную реакцию.

Вместе с тем СДС стал "парламентской партией" (точнее объединением), завоевав 144 мандата в ВНС. Несомненно, для оппозиции это было большим успехом. Существенно, что раскладка голосов в парламенте создала крайне неординарную ситуацию: имея более трети голосов, СДС держал в своих руках нечто вроде "контрольного пакета" мандатов, поскольку важнейшие решения в ВНС принимаются не менее чем двумя третями голосов. Попросту говоря, СДС может полностью "заблокировать" деятельность любого правительства, сформированного победившей на выборах БСП. (У нее в ВНС - 211 голосов из 400). Иными словами, БСП не являлась правящей партией в полном смысле слова. Избрание лидера СДС Ж. Желева президентом Болгарии превратило оппозицию в "президентскую партию". Новое руководство СДС осталось верным прежней линии поведения, отказываясь от создания вместе с социалистами коалиционного правительства. Для СДС желательна ситуация: слабое правительство (т.е. однопартийное) при сильной оппозиции.

После выборов в парламент начался новый этап развития, названный в обществе "нежной революцией". В болгарском варианте она проявилась в виде студенческих "окупационных" стачек, движения гражданского неповиновения, возникновения "городов истины", голодовок, угроз саможжения и пр. О "городах истины" неоднократно сообщалось и в нашей прессе. Отмечено, что их немало возникло по стране, дав основание для оформления целого движения "Во имя истины".

Первый "город истины" появился в Софии, на центральной площади 9 сентября, которую сторонники СДС давно уже переименовали в площадь Демократии. В палаточном "городе" живут представители примерно 130 различных организаций, партий и движений, претендующих на то, чтобы стать "оком народного надзора" за деятельностью парламента⁴⁶.

Вместе с тем "город истины" выдвинул ряд конкретных требований. Среди них - отставка президента П. Младенова, объявление точных сроков публичного заслушивания Т. Живкова в Народном собрании, обнародование правды о внешнем долге страны, об имуществе БСП и т.п. Ряд требований, в частности, отставка первого президента, уже выполнен, но формулируются и выдвигаются все новые и новые. Населением деятелюсть "городов истины", руководимых в основном интеллигентами, оценивается по-разному: немало граждан склонны видеть в ней попытки "уличного диктата" парламенту. Как противодействию этому возникло движение "600 мирных дней Великому Народному собранию". Его сторонники полагают, что примерно в этот срок можно уложить парламенту для выработки новой конституции страны, добиться вывода ее из кризиса. Ощущая давление улицы, парламентарии стремятся договориться с представителями "города истины": в августе 1990 г. сообщалось, например, о встрече с последними пяти депутатов Великого Народного собрания.

Хотя руководители движения "Во имя истины" подчеркивают его "надпартийный" характер, факты свидетельствуют о том, что многие его участники демонстрируют четкие антикоммунистические позиции. Была объявлена настоящая война партийной атрибутике, установленной на Партийном доме, здании Госсовета, Совета Министров НРБ и др. Кульминацией событий вокруг бывшей партийной цитадели - Партийного дома - явился его поджог в ночь с 26 на 27 августа 1990 г. Хотя конкретные виновники неизвестны, очевидно, что штурм Партийного дома начался после того, как не удалась попытка самосожжения в "городе истины" одного

из софийских жителей, протестовавших против сохранения на шпале Партийного дома рубиновой звезды.

Поджог и разгром Партийного дома вызвал резкую реакцию болгарского парламента, который в своем обращении к нации охарактеризовал эти экстремистские действия как тяжелое политическое преступление и позорную акцию. События в ночь с 26 на 27 августа стали кульминацией развития "нежной революции", вехой, отметившей, по оценке БСП, тенденцию к повороту болгарского общества вправо.

Подтвердит ли жизнь эту оценку — покажет близкое будущее.

4. Есть ли в Болгарии антисоветизм?

Характерной чертой сегодняшнего дня является тяготение Болгарии к Западной Европе, сближение с ней. Это под новым углом зрения заставляет посмотреть на перспективы развития советско-болгарских отношений как Софию, так и Москву. Еще до недавнего времени Болгария традиционно рассматривалась как страна, где преобладали русофильские настроения, имеющие глубокие и крепкие исторические корни в народе. Считалось, что особенно заботиться о питании этих корней не следует. Известные нам слабые попытки коллег обратить внимание ответственных товарищей, скажем из Посольства СССР, на некоторые тревожные симптомы в советско-болгарских отношениях рождали немедленную, но категоричную реакцию: "Все в порядке, все отлично, это вам не Польша...". И вот сегодня мы констатируем не просто отдельные проявления, а резкий всплеск, своего рода "протуберанец", нелюби к СССР в Болгарии.

Да, действительно, как писали а "Аргументах и фактах" наши коллеги, "до сих пор ни в одном из программных документов новых политических образований не содержится антисоветских позиций, не ставятся под сомнение союзнические, экономические и военные обязательства Болгарии"⁴⁷. И все же...

Если в болгарском парламенте звучат голоса о том, что отношения между нашими странами носят невыгодный, неравноправный для Болгарии характер, когда СССР чуть ли не "объедает" более слабого, если заводы, построенные при нашем техническом содействии и отнюдь не от того, что у самих были излишки, предстают в печати только как монстры, загрязняющие окружающую среду, если восстановление исторической истины ведется при одновременной попытке переписать историю страны, вычеркнув из нее целые страницы, а заодно имена "виновных" – Толбухина, Бирюзова и многих других, если едва ли не самой актуальной задачей дня стала потребность "убрать "Алешу" – монумент в честь советского воина на холме освободителей в Пловдиве, если, наконец, государственный флаг СССР становится объектом никем не пресекающихся издевательств в центре Софии, то оптимистическая оценка, приведенная выше, приобретает иной оттенок. Ведь несмотря на эти и многие другие подобные факты, ни одна политическая партия, организация или движение не поспешило дать им принципиальную оценку и отмежеваться от проявлений антисоветизма. И это настораживает. Раздаются голоса о новой советской "доктрине нефтяного диктата", в дефиците и вздорожании бензина многие болгары хотят видеть едва ли не советскую "санкцию". Посольству СССР пришлось даже провести специальную пресс-конференцию по этому поводу для болгарских журналистов⁴⁸, но, к сожалению, промолчали те, кто знает истину. Промолчали о том, что десятилетиями Советский Союз поставлял Болгарии "твердые товары" (сырье, топливо и др.) по контрактным ценам, значительно ниже мировых, беря в счет их оплаты "мягкие товары" (машины, оборудование, ширпотреб) по ценам выше мировых, но при далеко не мирового уровня качества. Немногим известно и ныне о том, что даже после 1975 г., когда вдесятеро возросли цены на нефть на мировом рынке и, как следствие этого, существенно изменились масштабы цен в СЭВ, лишь болгарское руководство продолжало пользоваться режимом наибольшего благоприят-

ствования: страна еще свыше десяти лет платила за тонну этого ценнейшего минерального сырья чисто символическую сумму - 16 переводных рублей. В значительной мере именно подобная практика во многом и объясняет данные американских экономистов о том, что в 1974-1978 гг. советские субсидии на каждого болгарина составили 58 долларов⁴⁹. Такое положение сохранялось и в 80-е годы, обрисовывая, по существу, экономическую политику беспроцентного кредитования, безвозмездной помощи Болгарии со стороны СССР, притом в крупных размерах.

Несомненно, в сотрудничестве двух стран под влиянием ложных политических приоритетов накопилось много наносного и вредного. Значительный ущерб советско-болгарским отношениям нанесли формализм, парадность, откровенная спекуляция на "любви к старшему брату", насаждавшиеся режимом Живкова. Не могли не сказаться в негативном плане раздражающие снисходительно-менторские интонации, порой присущие советской стороне. Идущая сейчас деидеологизация разнородных связей с СССР способствует развенчанию многих мифов, сопровождается в глазах болгар падением авторитета советского руководства, страны в целом. И это, видимо, следует признать естественным. Однако процесс десталинизации, дебольшевизации, отбрасывание "тоталитаризма" отнюдь не означает и не должен означать вычеркивание из памяти поколений того позитивного, что несло в себе советско-болгарское сотрудничество.

Думается, что в подобной ситуации всё весомее будет проявлять себя позиция людей, руководствующихся в своих оценках не эмоциями, а точным знанием, способных аргументированно и объективно прочитать страницы исторического прошлого, помочь обществу преодолеть существовавшую десятилетиями "двухцветность" оценок политического спектра.

В конце концов, когда страсти улягутся, некоторые оценки и выводы, имеющие хождение сегодня, несомненно, будут отброшены. Общество осознает, что прошедшие после окончания войны 45 лет - это все же, несмотря ни на что,

подлинная болгарская история, а не "долгое безвременье"⁵⁰. Видимо, индустриализация Болгарии приобретет другие измерения и не будет оцениваться только по количеству "отравы", текущей из заводских труб⁵¹. Тогда и поход Красной Армии на Балканы в 1944 г., в том числе и в Болгарию, не будет приравнен, как это иногда сейчас приходится наблюдать, к "оккупации" страны, якобы оказавшейся безоружной перед советским солдатом. И уж, конечно, пишущим о русско-турецкой войне 1877-1878 гг. не придется, как предлагает сегодня журналист М. Сталева, пользоваться кавычками⁵², вроде бы сомневаясь, что освобождение от османского ига принесла Болгарии Россия.

Демонстрируя свое резкое неприятие многих явлений прошлого, очень легко перейти слабо уловимую грань, за которой действия уже становятся оскорблением достоинства другой страны и ее граждан. Такие явления в сегодняшней Болгарии нередки. Однако антисоветизм основан на антитоталитарных настроениях общества, он пока не затронул другой, почти что "генетический" уровень сознания населения, которому свойственны русофильство и традиции дружбы с Россией. Хочется надеяться, что эти глубинные характеристики болгарского общества сохранят свое благотворное межгосударственное, межнациональное значение и впредь.

х х х

Несколько слов в заключение.

Положение в стране стремительно меняется. В силу этого мало кто сегодня с ответственностью за свои слова возьмется обрисовать ближайший ход событий, спрогнозировать его. Несомненна, однако, революционность происходящих изменений, затронувших пока еще правда на высшем уровне законодательную и исполнительную власть. Кабинет министров, возглавляемый беспартийным юристом Д. Поповым, приступил к серьезной экономической реформе. Не-

смотря на то, что в феврале 1991 г. опрос общественно-го мнения показал, что среди бывших и действующих государственных и партийных лидеров наибольший "рейтинг" у социалиста А.Дуканова, ныне поиски "новой модели социализма" не могут стать более основой объединения народа. Иными словами, дилемма, сформулированная в названии данной статьи, утрачивает свое значение, все отчетливее склоняясь к той определенности которая именуется сменой общественного строя.

Примечания

1. Washington Post, 1990, 24.I.
2. Работническо дело, 1989, 22 X, 2 XI.
3. Там же, 1989, 22 X.
4. Washington Post, 1989, 12.XI.
5. В этом духе высказался лидер СДС Ж.Желев, выступая 3 УІ 1990 г. по болгарскому телевидению. Это заявление не соответствует более ранним заявлениям Желева, что "событие 10 ноября явилось для него полной неожиданностью" ("Дума", 1990. 7 УІ).
6. Труд. 1989, 14 XI.
7. Юность. 1989, № II, с. 59.
8. Софийски вестн. 1990. 31 У.
9. Кой какъв е? С. 1990, С. 57.
10. Дума. 1990. 29 У.
11. Кооперативно село. 1990, 3 I.
12. Подробнее см.: Исторически преглед. 1990, № 6.
- С. 101-103.
13. Дума. 1990, 16 УІ.
14. Труд. 1990, 15 УІ.
15. Дума. 1990, 16 УІ.
16. Зора. 1990, 26 У.
17. В феврале 1990 г. министр иностранных дел НРБ Б.Димитров изложил эту позицию правительства представителю БТА. Та же позиция зафиксирована и в интервью лиде-

ра СДС Ж. Желева сараевской газете "Освобождение" 3 марта 1990 г.

18. Дума. 1990, 28 У.
19. Там же. 1990, 29, 30 У.
20. Исторически преглед. 1990. № 6. С. 103.
21. Свободен народ. 1990, 21 Ш.
22. Дума. 1990, 28 У.
23. Литературная газета. 1990, 4 УП.
24. Работни еско дело. 1989, 6 XII.
25. Народно земеделско знаме. 1990. 17 IV.
26. Кооперативно село. 1990, 3 Ш.
27. Дума. 1990, 28 У.
28. Свободен народ. 1990, 21 Ш.
29. Демокрација. 1990, 3 У1.
30. Дума. 1990, 31 У.
31. Правда. 1990, 23 IX.
32. Свободен народ. 1990, 23 У.
33. Народно земеделско знаме. 1990, 17 IV.
34. Дума. 1990, 31 У.
35. Там же.
36. Демокрација. 1990, 6 У1.
37. Комсомольская правда. 1990, 15 УШ.
38. Правда. 1990, 2 УП.
39. Дума. 1990, 8 У1.
40. Правда. 1990, 8 УШ.
41. См., например: Комсомольская правда. 1990, 12 УП.
42. Литературная газета. 1990, 7 Ш.
43. Комсомольская правда. 1990, 12 УП.
44. Отечествен фронт. 1990, 9 IV.
45. Об этой цели СДС открыто заявил лидер БЗНС - Никола Петков М. Дренчев в интервью корреспонденту "Транс пресс" 4 июня 1990 г. (Дума. 1990, 7 У1).
46. Комсомольская правда. 1990, 4 УШ.
47. Валева Е., Червенков Н. Трудный путь к рыночной экономике // Аргументы и факты. 1990. № 18.
48. Правда. 1990, 2 УШ.
49. Там же. 1990, 23 IX.
50. Знаме. 1990, 24 У.
51. Там же.
52. Независимост. 1990, 31 У. С. 3.

Б.А. ЖЕЛИЦИ

ТРАГЕДИЯ ВСРП

В 80-е годы Венгрия, впрочем, как и остальные страны Центральной и Юго-Восточной Европы, называвшиеся ранее социалистическими, была охвачена не только глубоким эконо-

номическим, но и общественно-политическим кризисом, поразившим фактически всю систему. Перед страной вставала неизбежная и неотложная задача демократизации, срочного поиска путей выхода из сложившейся ситуации, грозящей опасностью социального взрыва. Попытки улучшить, демократизировать сложившуюся систему имели место в Венгрии и ранее (в 1953–1955, 1956, 1968–1972 гг.), но либо были насильственно прерваны, либо, будучи половинчатыми, не давали ожидаемых результатов. Правда, их уроки, накопленный опыт привели к частичной либерализации строя, допуская больше демократизма, чем это имело место в окружающих, так называемых братских странах. Тем не менее это не могло спасти ни экономику, ни общественно-политическую сферу от углублявшегося застоя и затяжного, перманентного кризиса.

Располагая своим собственным историческим опытом, демократически настроенные силы в ВСРП и вне ее раньше других стали осознавать опасность надвигающейся национальной катастрофы. Они, подталкиваемые все более участившимися предупреждениями венгерской интеллигенции, уже с середины 80-х годов стали буквально бить в набат. А кризисные симптомы все очевиднее стали проявляться в экономике страны, которая ввиду своей открытости и широкой ориентированности на внешний рынок болезненно реагировала на застойные явления у себя в Венгрии и в экономике государств-членов СЭВ. Дело в том, что в 80-е годы стремительно росла внешняя задолженность страны, размеры которой тщательно скрывались от общественности партийно-государственным руководством.

Осознание необходимости перемен ставило престарелое высшее руководство ВСРП перед выбором, и оно неохотно, но вынуждено было принимать соответствующие меры. Одной из них был допуск бывшего первого секретаря горкома, относительно молодого и амбициозного Кароя Гроса на пост премьер-министра Венгрии, который обещал и разработал конкретную программу выхода из кризиса.

Летом 1987 г., став главой правительства страны, К.Грос открыл завесу на катастрофическое состояние экономики. Он поддержал все усиливавшееся движение прогрессивной интеллигенции, объединенной вокруг руководителя Отечественного народного фронта Венгрии (ОНФ) Имре Пожгаи, который решительно высказывался за реформы и демократизацию всей общественно-политической жизни страны.

Усиливавшиеся требования перемен со стороны демократических сил, встретив поддержку нового премьера, создали важные предпосылки для начала глубоких демократических преобразований. Именно в результате целенаправленных действий этих сил высшее руководство ВСРП было вынуждено собрать в мае 1988 г. третью Всевенгерскую партийную конференцию для обсуждения положения в партии и государстве. Партконференция, состоявшаяся 20–22 мая в Будапеште, подтвердила правомерность требований демократических сил взять курс на радикальные и всесторонние реформы, т.е. осуществление не только экономических, но и политических преобразований. Для этого конференцией были созданы и соответствующие кадровые условия. Так, К.Грос стал генеральным секретарем ВСРП, сохранив при этом пост премьера, Я.Кадар переместился на символический пост председателя партии, в состав Политбюро избраны такие авторитетные политические деятели, как Имре Пожгаи, молодой экономист Миклош Немет, был возвращен в состав высшего руководства некогда удаленный "отец" венгерской экономической реформы Рендэ Ньерш.

Таким образом, Всевенгерская партийная конференция устранила самые большие преграды процессу назревшей демократизации и обновления всей общественно-политической жизни страны.

I. К.Грос и краткая эпоха реформ

Новое руководство ВСРП во главе с К.Гросом высказывалась за реализацию радикальной реформы, за безуслов-

ное внедрение предлагавшихся ранее Р.Ньершем принципов руководства социалистической экономикой, базирующейся на рыночных отношениях. Это означало прекращение дотации нерентабельным крупным промышленным предприятиям, официальное допущение безработицы (в 1987 г. уже насчитывалось в целом по стране около 35 тыс. безработных), а во внешнеэкономической сфере – наряду с участием в работе СЭВ намечался курс на активное включение Венгрии в международное разделение труда, ее сближение с ЕЭС, на достижение полной открытости венгерской экономики.

Июльский (1988 г.) пленум ЦК ВСРП подтвердил решимость партии вести работу по обновлению всего венгерского общества. Провозглашалась его открытость. Это означало, что пленум взял курс на претворение в жизнь наиболее радикального варианта реформы, предполагавшей соответствующие изменения в политической сфере¹. Здесь небезынтересно отметить, что К.Грос в интервью западногерманскому журналу "Шпигель" выразил свою оптимистическую уверенность по поводу возможности "реформировать, модернизировать социализм"². И все же программа, намеченная пленумом, при ее общей привлекательности и кажущемся отсутствии прямых противников вызвала подспудное несогласие или даже сопротивление со стороны руководителей крупных государственных предприятий. Давали о себе знать и другие трудности.

В интересах более тщательного анализа уроков прошлого, выработки в области экономики стратегии на будущее была образована специальная комиссия ЦК ВСРП во главе с М.Неметом. Такая же комиссия занялась изучением исторического опыта и политической практики последних десятилетий во главе с И.Пожгаи с привлечением видных ученых страны.

Что касается политической сферы, то многие венгерские ученые считали на том этапе, что перед ВНР открылись три альтернативные возможности развития: 1) попытка модернизировать старую, сталинского типа модель;

2) заменить ее демократической моделью социализма; 3) искать новые пути, в частности добиваться "нейтральности" страны или же взять курс на утверждение буржуазной демократии. Из них наиболее вероятной казалась вторая возможность, тем более, что результаты социологических опросов того времени подтверждали приверженность населения социалистическому выбору в случае подлинной демократизации системы, утверждения истинного народовластия. Новое партийное руководство сумело, следовательно, получить "кредит доверия" народа. Все дальнейшее зависело от умелого политического курса, желания демократических преобразований и их глубины, от конкретных шагов в этом направлении.

Политического характера реформы в понимании генерального секретаря ВСРП должны были касаться постепенного продвижения к гражданскому обществу в рамках сохранения однопартийности, неизменности структур власти, привычного контроля за ней со стороны партии. Именно в этих рамках предполагались определенное расширение возможностей для существующих и традиционных для строя общественных организаций, соответствующий диалог с ними, допущение более свободного, чем ранее, выражения их интересов, равно как и обеспечение законности и разграничения функций, создания новых основ взаимоотношений между партией и государством³.

В этих условиях реальной казалась оптимистическая оценка нового секретаря ЦК ВСРП Я. Лукача, согласно которой партконференция остановила "эрозию доверия к партии"⁴. Однако, как показывает дальнейшее развитие событий, новое партийно-государственное руководство не сумело по-хозяйски распорядиться полученным кредитом доверия народа. (Причина этого еще нуждается в изучении.)

На этом этапе, да и позже наиболее перспективную и радикальную линию поведения и действий предлагал для ВСРП И. Пожгаи. С реальным учетом неудержимого процесса демократизации он призывал венгерских коммунистов не

плестись в хвосте этого процесса, а возглавить его в интересах спасения социалистических ценностей и вывода страны из кризисного состояния⁵. И.Пожгай одним из первых представителей высшего политического руководства заговорил о кризисе ленинско-сталинской модели социализма и предложил от нее отказаться. При этом он считал необходимым четко определить рубикон, до которого партия намерена дойти. Кроме того, в интересах исключения возможного повторения старых ошибок он предложил допустить многопартийность (при которой партия, однако, не обязательно должна уступить инициативу). В интересах очищения партии, укрепления доверия к ней в массах, как считал Пожгай, необходимо честно признать все ошибки и преступления партийного руководства прошлых десятилетий и отмежеваться от них, т.к. иначе ВСРП останется постоянной мишенью для многочисленных критиков. Он подчеркивал, что все это не означает отказа от социалистических ценностей, а наоборот, требует их сохранения и дальнейшего приумножения, но не в стороне от народа, в вместе с ним. Тогда такую позицию разделяли далеко не все руководители ВСРП, включая прежде всего генерального секретаря. Характерно, что заявления Пожгай вызывали раздражение и критику не только со стороны закоренелых догматиков, но и новой генерации власть имущих. Правда, что касается самого генсека, то он быстро понял, что ВСРП оказалась в совершенно новой ситуации и лишь тогда "будет иметь шанс на расширение своих возможностей и влияния", если только изменится сама⁶.

К.Грос, став во главе ВСРП, производил впечатление не только активного, но и волевого политического деятеля, приверженного идеям социализма. Он старался показать себя сильным и решительным руководителем, способным отстоять чистоту идеи, остановить нарастание кризиса не только в стране, но и в партии, хорошо зная, что необходимо и как следует это делать⁷.

На практике же К.Грос вскоре сделал ряд таких за-

явлений и конкретных шагов, которые поставили под сомнение эти способности, политическую гибкость и даже искренность намерений идти путем многократно обещанного им действительного углубления демократии, обновления партии и страны. Эти сомнения ему так и не удалось развеять, несмотря на явную способность подтягиваться (хоть и с определенным опозданием) к развитию событий. В совокупности поведение и поступки К.Гроса вызвали вскоре разочарование в нем как в руководителе не только со стороны убежденных демократов и широкой общественности, но и части высшего партийно-государственного руководства, т.е. людей из его собственного окружения. Многие пришли к выводу, что Грос, оказавшись у руля не только правительства, но и партии, готов идти лишь на полумеры, частичную демократизацию управленческих структур и системы в целом. К.Грос часто ставил себя в ситуации, когда вынужден был опровергать свои же собственные позиции, деклариовавшиеся ранее. Противоречивый характер, двойственность заявлений и поступков К.Гроса все чаще вызывали естественную настороженность демократически настроенных сил, которые хорошо знали цену партийной риторики.

Вскоре после партконференции, вопреки ее духу из уст Гроса зазвучали нотки "поиска врагов" и угрозы в адрес зарождавшихся альтернативных и оппозиционных движений⁸. А несколько дней спустя по прямому его указанию силами милиции была разогнана демонстрация, организованная общественностью в Будапеште 16 июня – в день казни Имре Надя. К.Грос стремился к тому, чтобы по-прежнему осуществлять контроль партии над всеми политическими процессами в стране, т.е. придерживался ленинско-сталинской концепции безусловного сохранения авангардной роли ВСРП в обществе и обеспечения единства не только партии, но и профсоюзов, молодежного движения, в которых уже развернулся неудержимый процесс внутренней плюрализации и даже раскола. В ноябре 1988 г. К.Грос заявил, что однопартийная система в Венгрии так или иначе сохранится до

1990 г., а относительно установления подлинного политического плюрализма в стране выразил мнение, что для этого еще потребуются десятилетия⁹. Прогнозы Гроса, однако, не оправдались.

На ноябрьском (1988 г.) пленуме ЦК ВСРП, где с основным докладом о внутривластной ситуации в стране и задачах партии выступил Я.Берец, обращалось внимание на такие грозящие опасности, как, с одной стороны, очевидный настрой коммунистических консерваторов и реакционеров, возвратиться к старому, а с другой – деятельность буржуазно-радикальных и либеральных сил, стремящихся к овладению властью¹⁰. Докладчик признал наличие в партии различных течений и платформ. Ключевыми он обозначил следующие вопросы: 1) способность партии возглавить развернувшиеся в обществе процессы, удержать их развитие на главном политическом направлении; 2) умение "приемлемым для общества образом истолковать концепцию политического плюрализма"; 3) готовность принять и соответственно отнестись "к потребности политического выражения" одних, сотрудничества с другими и борьбы против третьих организаций; 4) необходимость создать гибкое единство действий в партии и союзнического сотрудничества с прогрессивными силами за ее пределами¹¹. Из этих соображений Я.Береца вытекало, что партия отстает от процессов в обществе и необходима гибкость в отношениях с политическими новообразованиями и иное, чем до сих пор, восприятие понятия "политического плюрализма".

На этом фоне весьма существенными и радикальными казались те изменения, которые имели место в парламенте и в составе правительства. Их наиболее отчетливо выделила летняя сессия (1988 г.) Государственного собрания. Здесь от своих мандатов были вынуждены отказаться такие депутаты, как Ш.Гашпар, Ф.Хаваша, Д.Лазар, К.Немет, М.Овари, которые в течение длительного времени занимали высокие командные посты в партии и в государстве. От должности председателя парламента отстранили 76-летнего

И.Шеллоша, а избрали на этот пост И.Штадингера. Новым министром юстиции стал известный социолог академик К.Кульчар, государственным министром с непосредственными и прямыми политическими функциями в правительство был избран И.Пожгаи.

Парламент, хотя он практически оставался в старом составе, в новых условиях все же активизировал свою деятельность и по сравнению с партаппаратом оказался более радикальным. В отличие от Гросса, который считал скорость преобразований слишком большой, на парламентских заседаниях депутаты подчеркивали, что "темпы политических и социально-экономических реформ чересчур медленны" и что "недостаточно только говорить о реформах, а на деле затягивать их"¹². В связи с народнохозяйственными проблемами были высказаны упреки в адрес правительства К.Гросса, появилась озабоченность состоянием экономики, неизменностью ее структуры, нерентабельностью крупных государственных предприятий, ростом инфляционных явлений.

Пулс общественной жизни Венгрии ускорился, почти повсеместными становились политические дискуссии по самым различным проблемам, их развитию дополнительный стимул придавали перестроечные процессы в СССР. Все это, безусловно, отразилось также на работе правительства и парламента страны, активизировавших законотворческую деятельность. Еще в 1988 г. были внесены на обсуждение проекты законов о праве на проведение собраний и митингов, создание организаций и объединений, о выборах и избирательной системе, о печати, праве на забастовки и другие. Был подготовлен вопрос о пересмотре конституции.

На осенней (1988 г.) сессии парламента большинство этих законов было принято. Закон об экономических обществах и хозяйственных товариществах, преследующий цели модернизации всей народнохозяйственной жизни, также прошел через парламент. Вставал вопрос о подготовке специального закона о партиях, разработке новой конституции (проект которой был вынесен на предварительное

обсуждение). Все эти законы в комплексе с законом о выборах юридически расчистили путь к многопартийности, равно как и к созданию Конституционного суда и учреждению института президента страны. Парламентом были рассмотрены также тезисы закона о всенародном референдуме.

2. ВСРП и проблема политического плюрализма

Многопартийность усиленно стучалась в дверь, несмотря на весьма неохотный разворот к этой идее высшего эшелона партийной власти. На базе самоорганизующихся снизу альтернативных (по советской терминологии, "неформальных") движений образовались различного рода общества, организации, объединения, которые все чаще стали высказывать свою позицию по ключевым аспектам и проявлениям общественно-политической жизни, стали искать свое место в обществе. Отношение к ним со стороны ВСРП было далеко не однозначным. Ее руководители обращали внимание, прежде всего, на оппозиционный характер этих сил, т.е. вместо поиска возможного сближения или даже союза с наиболее демократическими из них, только выражали свое недоверие, если не откровенное пренебрежение.

К концу 1988 г. в Венгрии было официально зарегистрировано более 40 таких независимых общественных организаций, движений, а после принятия соответствующего закона об организациях и объединениях – также и политических партий, заявивших о признании и соблюдении Конституции страны, о представительстве ими тех или иных специфических интересов различных групп населения.

3 сентября 1988 г. в числе первых объявил об учреждении Венгерский демократический форум (ВДФ), который определил себя в качестве "идейно-политического движения, независимой общественной организации", выступающей за сохранение и приумножение народных истоков и национально-либеральных ценностей демократического содержания, а также христианских идей. Толчком к его созда-

нию послужило проведение в с. Лакителек совещания представителей демократически настроенной интеллигенции народного и национально-демократического толка, которая собралась тогда по поводу юбилейной даты начала антифашистского движения в Венгрии, объединявшего интеллигентов – борцов за независимость страны (отметим, что в работе совещания участвовал И. Пожгай, за что, кстати, получил выговор по партийной линии). Организатор форума – ВДФ – в поисках своих идейно-политических корней, прикоснулся к глубоким историческим и еще более давним религиозным идейно-политическим истокам, не без основания предполагая, что национально-либеральные корни, уходящие в эпоху реформ 30-х годов XIX века, а тем более возрождение либеральных и демократических ценностей в эпоху новых реформ и преобразований, возрождение плюрализма и общечеловеческих ценностей могут быть весьма актуальны и в наши дни, во всяком случае не лишены шансов на успех (кстати, эти расчеты, как показали парламентские выборы в мае 1990 г., оправдались). Руководители Форума тогда отмечали, что движение не намерено стать партией, хотя в будущем не исключали такой возможности. К 1 января 1989 г. ВДФ объединял в своих рядах более 10 тыс. человек.

Одной из альтернативных организаций с наиболее значительным стажем является Общество друзей Эндре-Байчи-Жилински (ОБЖ), созданное еще в 1985 г. Оно заявило о защите идейного наследия этого известного антифашиста (бывшего председателя Военного комитета Движения сопротивления фашизму в Венгрии в годы второй мировой войны, погибшего от рук гитлеровцев), об озабоченности за судьбы и современное состояние венгерского народа, о поддержке демократических преобразований. Развивая народные традиции и укрепляя национальное самосознание, ОБЖ подняло вопрос о необходимости оказания помощи и поддержки перешедшим на венгерскую территорию венграм-беженцам из Румынии, которые протестовали таким образом

против национал-шовинистического курса Н. Чаушеску в период т.н. "бульдозерной политики", преследовавшей цель ассимиляции венгерского населения Трансильвании и уничтожения его материальной культуры. По требованию этого Общества, ВДФ и других альтернативных организаций к началу 1989 г. в Венгрии получили убежище более 17 тыс. беженцев из Румынии.

Движение "Новый мартовский фронт" (НМФ), созданный в марте 1988 г. под эгидой члена Политбюро ЦК ВСРП Р. Ньерша, И. Витани, С. Уйхейи, своей объявленной целью провозгласило оказание помощи партии в осуществлении перехода к демократической модели социализма в Венгрии. Как политико-духовное движение оно предполагало стать форумом для обсуждения актуальных проблем общественной жизни и выработки предложений в интересах продвижения по пути реформ. Довольно аморфный с самого начала, НМФ выступил с инициативой создания Венгерского национального комитета, который мог бы заменить на переходное время к правовому государству функции Государственного собрания, потерявшего, как считали отдельные политические течения, свою легитимность и уже не выражавшего интересы новой политической структуры. Данное предложение было, однако, отвергнуто остальными новыми политическими образованиями. Авторитет НМФ особенно низко пал, когда стало ясно, что он является фактически организационным образованием для "прикрытия официальных замыслов и идей коммунистического руководства", хотя и реформаторских по своей сути.

Наряду с этими лояльно относившимися к ВСРП движениями появились и более "воинствующие". К их числу принадлежал, в частности, Союз свободных демократов (ССД), возникший в качестве элитарного, либерально-демократического толка движения столичной интеллигенции из числа средних слоев населения, которые считали идеалом демократическое общество западноевропейского образца. Впоследствии к нему примкнули социал-демократическое и

буржуазно-радикальное крыло городских слоев различного уровня, обогатившие движение своими идеями и оппозиционными политическими позициями. В целом ССД считает себя наследником "конструктивной партийной оппозиции" 1953-1956 гг., привержен идеям Л.Кошута, И.Надя, Ф.Доната, Я.Капара, а также социал-демократов О.Яси, А.Кетли. Стремясь к буржуазному радикализму и привлечению на свою сторону городских служащих и предпринимателей, Союз все больше стал склоняться в последствии к буржуазно-либеральным идеям. В этом смысле ССД является интегрирующей силой или же движением "накопителем".

К числу организаций, основывающихся на либерально-демократической философии, относится Союз молодых демократов (СМД). Созданный юристами, адвокатами, студентами и насчитывавший в конце 1988 г. более I тыс. членов, Союз, широко известный под популярным названием "Фидес", своей провозглашенной целью поставил борьбу за установление парламентской демократии в Венгрии, децентрализацию экономики, ликвидацию всякого ограничения свобод и прав личности. "Фидес" объявил себя катализатором самоорганизации общества снизу.

Иного, большевистско-догматического, но также воинствующего толка организацией стало Общество друзей Ференца Мюнниха, созданное II ноября 1988 г., среди членов которого немало выходцев из Рабочей милиции. Общество, судя по материалам венгерской печати, имеет в своей политической деятельности ярко выраженную сектантско-консервативно направленность, твердо стоит на позициях защиты социализма ленинско-сталинского типа и его "ценностей". Влияние общества после Всевенгерской партконференции в мае 1988 г. существенно сократилось. Следует напомнить, что его членам приписывались угрозы в адрес депутатов парламента, выступавших за демократический социализм, за плюрализм и многопартийность.

Говоря об этих политических новообразованиях в венгерской общественно-политической жизни, зав. отделом

агитации и пропаганды ЦК ВСРП Е. Андич в сентябре 1988 г., в частности, заявил: "Они создают видимость, что не хотят стать партиями... мы же, в свою очередь, также делаем вид, будто бы в самом деле не хотим удержаться у власти"¹³. К этому он добавил, что ВСРП, по всей вероятности, готова в честном соперничестве уступить власть; но только такой партии, которая "будет иметь последовательную социалистическую программу". Но пока, подчеркнул он, такой другой партии в стране не существует. Подобное высказывание свидетельствовало, что по крайней мере часть руководства ВСРП теоретически уже тогда была готова отказаться от монополии на власть.

Под воздействием существенно выросших по своей численности на протяжении октября-декабря 1988 г. альтернативных организаций, движений и партий, поднимаемого ими вопроса о легитимности парламента, а также по причине усиливавшихся демократических и реформаторских требований со стороны широкой общественности начался активный поиск политического обновления страны, преобразования существовавших структур на самых высоких уровнях.

Что касается ВСРП, то реформаторские силы в ней постепенно вынуждали консерваторов в руководстве, самого К. Гроса делать необходимые шаги к реальному признанию уже существовавшей на деле многопартийности. С принятием Советом министров 10 ноября 1988 г. закона об общественных организациях и объединениях фактически открылись пути к юридическому признанию многопартийности. В сторону признания этой реальности партийное руководство толкали такие авторитетные реформаторы, как И. Пожгаи и К. Кульчар. В ноябре 1988 г. министр юстиции признал легальность существования различных партий и выразил свое собственное мнение, что парламент примет принцип многопартийной системы. На сессии Государственного собрания (24-26 ноября) в этом направлении был сделан важный шаг. Государственный министр И. Пожгаи, ознакомивший депутатов парламента с обширной программой реформ, сделал принци-

публичное заявление о том, что в новой Конституции страны уже не будет закреплена позиция о ведущей роли компартии¹⁴. Видимо, не случайно, что именно вслед за этим, в самом конце ноября, на заседании будапештского партактива прозвучали предупреждения Гросса о грядущей "анархии", "хаосе", "белом терроре", а также о том, что если уж развитие и приведет к созданию многопартийной системы в стране, то Конституция все же не позволит деятельность партий, не признающих социализм¹⁵.

Декабрьский (1988 г.) пленум ЦК ВСРП устами секретаря ЦК Я.Береца фактически впервые официально признал, что за последнее полугодие в обществе "усилилась потребность в многопартийной системе"¹⁶. Берец обратил внимание на необходимость поиска возможностей "осуществления руководящей роли марксистской партии в условиях многопартийности или любой другой, в политическом отношении также плюралистической системы"¹⁷. Несмотря на эти явные призывы сделать шаг навстречу многопартийности, высшее руководство ВСРП, в котором по-прежнему определяющую роль играло консервативно настроенное большинство, не решило на этом пленуме признавать то, что уже фактически существовало, и под что уже была подведена и правовая база.

С самого начала 1989 г. стала вполне очевидной неотложная необходимость активного диалога партийно-государственной власти с независимыми альтернативными формированиями в интересах признания многопартийности. Партаппарат неохотно сдавал свои позиции, но в итоге оказался под возросшим давлением с разных сторон. В середине января в печати прозвучал призыв Нового Мартовского фронта к созданию Всевенгерского Национального комитета для обсуждения проблем и выработки условий перехода от однопартийной системы к представительской демократии¹⁸. Реакция оказалась различной. ВСРП хранила молчание, представители ОНФ заявили, что "положение страны не позволяет допущения неуправляемости политических процес-

сов", Профсоюз работников высшего образования высказался за поддержку стремления к "достижению национального согласия и политического обновления", Демократические профсоюзы научных работников призывали "искать путем переговоров решений для перехода от диктатуры к подлинному разделению власти". Наиболее авторитетный ВДФ выразил свою убежденность в том, что "в процессе демократизации неизбежна и незаменима многопартийная система", однако для достижения общественного согласия нужно не создание комитетов, а скорее проведение переговоров между правительством и ВСРП, с одной стороны, и альтернативными движениями и организациями – с другой, в ходе которых могут быть согласованы основные политические нормы и условия сотрудничества. Без таких предварительных переговоров не может быть создан никакой работоспособный комитет на базе идей народного фронта¹⁹.

Проблема затрагивалась на самых различных уровнях политической жизни общества, но ВСРП продолжала отмалчиваться. Возмутителем спокойствия в тех условиях вновь стал И.Пожгаи. 28 января 1989 г., опираясь на результаты анализа исторической комиссии ЦК ВСРП, он назвал события осени 1956 г. в Венгрии не контрреволюцией, как это было официально принято, а народным восстанием. По сути было ясно, что речь идет не просто о дискуссии по исторической проблематике, а о суждениях, связанных с оценкой сложившейся после 1956 г. политической системы в Венгрии. Ответы же на этот вопрос были тесно связаны с проблематикой многопартийности, избирательной системы и выработкой новой Конституции, т.е. с радикальной политической реформой в стране. Заявление И.Пожгаи вызвало бурю эмоций и споров, критику со стороны К.Гроса, но в итоге именно оно заставило партийное руководство сделать неизбежный шаг к диалогу с альтернативными партиями и организациями, следовательно, в сторону признания многопартийности, а также помогло снятию напряженности в самой партии, назревания в ней раскола. Член

Политбюро ЦК ВСРП, премьер-министр Венгрии М.Немет в этой связи сказал, что он лично позитивно оценивает выступление И.Пожгаи, который наконец "вынудил партийное руководство занять позицию в вопросах плюрализма, свободы платформ и многопартийной системы"²⁰.

Состоявшиеся вслед за выступлением И.Пожгаи заседания Политбюро (8 февраля) и ЦК ВСРП (11 февраля) обсудили круг вопросов, связанных с развитием политической системы в стране, включая вопрос о переходе от однопартийной к многопартийной системе²¹. К.Гросу пришлось ставить и анализировать вопрос о многопартийности, т.е. ту самую проблему, которую он до сих пор всячески избегал и откладывал. Основной упор в его докладе был направлен против экстремистского крыла оппозиционных организаций, но в итоге все же признавалось: существует реальная возможность для сотрудничества или даже заключения политического союза с альтернативными движениями. И все же лейт-мотивом его доклада было доказательство тезисов о том, что "многопартийность не является обязательной для правового государства", что "многопартийная система не означает продвижения вперед по пути демократизации, а выступает всего лишь иной формой проявления общественной демократии"²² и что нужно сделать все, "чтобы ВСРП и в условиях партийного плюрализма сохранила свою ведущую роль"²³.

В интервью для печати после пленума К.Грос не устал подчеркивать, что легальная деятельность партий разрешается лишь в том случае, если они признают Конституцию, где закреплён принцип социалистического общественного устройства, если эти партии будут стоять на принципах признания социализма²⁴. Основным условием достижения консенсуса с новыми политическими формированиями генсек наряду с признанием ими социалистического пути развития выдвинул также такие условия и оговорки, как признание принадлежности Венгрии к Варшавскому договору и "взаимное и открытое намерение способствовать преду-

преддению кризиса, сохранению стабильности в обществе"²⁵.

Все эти вопросы вновь встали перед партийной общественностью 20-21 февраля, когда ЦК ВСРП обсуждал концепцию новой Конституции. Здесь секретарь ЦК Д.Фейти выразил необходимость определить Венгрию в качестве "свободного демократического социалистического государства" и подтвердил высказанные ранее условия, при которых ВСРП признает возможность деятельности альтернативных политических партий²⁶. Он предлагал дать в новой Конституции определение социализма (кстати, принципиально отвергнутое министром юстиции К.Кульчаром как понятие не юридическое)²⁷, сохранить название страны в качестве Народной Республики, высказался за введение системы президентства.

Характерно, что решением пленума ВСРП впервые отказалась от конституционного декларирования своей ведущей роли, подтвердив вместе с тем курс на создание правового государства²⁸. Это принципиальное решение и явилось началом демонтажа партийного государства и государственной партии. Оно выявило вместе с тем и водораздел между реформаторами и консерваторами в самой ВСРП.

Многopартийность уже так или иначе присутствовала в политической жизни страны, а с принятием закона о партиях, его вступлением в силу с 1 ноября 1989 г. она приобрела полное юридическое признание. Многие члены ВСРП, судя по материалам венгерской печати, все острее стали понимать, что в новых условиях государственную партию могут вручить не какая-то программа или хорошие речи, как это бывало в прошлом, а только конкретные дела и успехи, ибо возникла ситуация реальной соревновательности политических сил. Некоторые из них в связи со сложившимся положением четко заявили, что было большой политической ошибкой распустить 40 лет назад различные партии, т.к. коммунисты, отстранив своих оппонентов, нанесли себе непоправимый вред - убедили себя в собственной непогрешимости. Эти рассуждения, нашедшие отражение на страницах центральной партийной печати, являлись составной частью

процесса поиска путей к обновлению ВСРП.

Новая обстановка, новые условия продолжали способствовать дальнейшему образованию новых и возрождению старых политических партий и движений. 9 января 1989 г. объявила о возобновлении своей деятельности Социал-демократическая партия Венгрии (СДПВ). Эту обладавшую более чем столетними традициями в венгерском рабочем движении партию в 1948 г. объединили с КПВ, в результате чего и была создана Венгерская партия трудящихся, предшественница ВСРП. Через месяц после своего воссоздания СДПВ заявила, что в ее рядах насчитывается несколько тысяч членов (в Будапеште было возрождено 18, а в провинции - 80 первичных организаций) и вскоре выразила желание присоединиться к Социнтерну.

Возобновила свою деятельность Независимая партия мелких хозяев (НПМХ), которая заявила о "крахе политики одного политического центра" и о несостоятельности ленинско-сталинской модели социализма, выразила надежду на возрождение политической модели парламентской демократии. В своих "Программных установках" партия выступила за недопущение возврата к большевизму - сталинизму, поддержку ВСРП в деле выхода из кризиса, за демократическое обновление всего общества, но не путем "риторики реформ", а введением реального самоуправления; она призвала думать не категориями классов, а нации в целом.

Общество им. П.Вереша заявило о своем преобразовании в Венгерскую народную партию (ВНП), выступающую за сохранение крестьянских традиций и установление подлинного местного самоуправления, которое выражало бы заботу об улучшении быта, здравоохранения и народного просвещения венгерского села. В мае 1989 г. заявили о возобновлении своей деятельности Христианско-демократическая партия (ХДП), стремящаяся к реализации свободы совести, вероисповедания и гражданских прав человека, к утверждению неотчуждаемости этих прав личности, и Независимая венгерская демократическая партия (НВДП), которая свои

конечные программные цели определила в проведении свободных выборов в интересах создания "венгерского демократического государства, независимого от политических и военных блоков"²⁹.

Программные цели реорганизованной 1 апреля 1989 г. Партии венгерской независимости (ПВН), содержат как религиозные, так и социально-политические задачи. Был выдвинут лозунг партии: "Бог, Родина, Свобода!". ПВН заявила о приверженности венгерской Конституции. Вместе с тем она считает себя международной политической партией, стоящей на принципах Евангелия, которая без классовых различий выступает за утверждение гражданского образа жизни. Провозглашенные ею политические цели и принципы - государственная независимость, самоуправляющееся гражданское общество, свобода всех языков и вероисповеданий, равноправие всех народов как в стране, так и за ее пределами³⁰.

В конце июня 1989 г. была образована Партия венгерского Октября (ПВО), выдвинувшая задачу "полного осуществления целей революции и национально-освободительной борьбы 1956 г." По словам одного из 26 ее организаторов, это единственная партия, которая стоит на позициях радикальной демократии. Остальные партии были обвинены ею в сотрудничестве с государственной партией в интересах "дальнейшего продления жизни коммунистической власти в модернизированном виде".

С самого начала появления многопартийности в Венгрии между новыми партиями и движениями началось активное политическое соперничество. Развертывалась борьба за влияние в обществе. В целом в 1989 г. в Венгрии было зарегистрировано 50 политических партий, союзов и движений³¹, которые принадлежали к самым различным течениям, направлениям плюрализирующейся жизни Венгрии, также требующей специального анализа.

3. Начало отхода от монолитного партийного государства. ВСРП и оппозиционные силы:
"круглые столы" политических партий и движений

В феврале-марте 1989 г. стало очевидным определенное размежевание сил в ВСРП. Фактически оформились три течения: 1) именуемое фундаменталистами (или сталинистами), стоящее на твердых догматических позициях; 2) центристы (или умеренные); 3) радикалы (или коммунисты-реформаторы). От ВСРП стали постепенно отделяться, с одной стороны, недовольные проводимой новым руководством политической линией "твердокаменные" левацкие элементы, а с другой - рядовые партийцы, пополнявшие численность других, возникавших в ВНР демократических партий и движений. Среди них было немало, однако, и таких, которые, не веря в возможность обновления и демократизации ВСРП, покинули ее ряды (более 40 тыс. еще в 1987 г.) и больше не вступили ни в какие другие партии. Они либо были недовольны присутствием в руководстве ВСРП престарелых руководителей, их политическим консерватизмом и догматизмом, либо последующими действиями обновленного руководства во главе с К.Гросом, явно тормозившим процесс демократизации. В результате численность партийных рядов с 1987 г. по март 1989 г. сократилась на 100 тыс. (с 880 тыс. до 780 тыс. чел.)³². Правда, здесь нельзя сбрасывать со счетов и экономический фактор, в частности рост цен на продукты питания и отказ части партийцев-пенсионеров от уплаты членских взносов.

Рядовые члены ВСРП неоднократно высказывали на страницах печати мысль о том, что в условиях венгерской перестройки пришла пора решительно отбросить многие догмы и казавшиеся ранее незыблемыми положения, не выдержавшие испытания временем. В условиях многопартийности возникла потребность с их стороны получать от руководства необходимые ориентиры в теории и практике. Они хотели знать, чего добивается партия, какие ставит перед собой новые

цели и задачи. Четких ответов от руководства на эти вопросы не последовало.

В начале марта стало ясно, что в ходе дискуссий, развернувшихся в обществе и особенно в парламенте вокруг политических проблем и институтов, руководство ВСРП шаг за шагом теряло позиции (несмотря на наличие в парламенте абсолютного партийного большинства). Фактически ему не удалось потребовать от своих будущих соперников – новых демократических партий даже "признания ими обязательств действовать в будущем в рамках социализма" как такового (как известно, парламент отверг включение в проект Конституции даже упоминание о социализме).

Когда руководство ВСРП осознало, наконец, свое хроническое запаздывание, увидев грозившую ему опасность последующих поражений, оно попыталось в марте перехватить инициативу и начало предпринимать более решительные действия в сфере политики. 7 марта 1989 г. на пленуме ЦК ВСРП Я.Берец представил основные принципы новой краткосрочной программы партии, программы действий, которые были приняты пленумом и 11 марта опубликованы в "Непсабадшаг" под названием "К чему стремится ВСРП?". Секретарь ЦК напомнил о том, что хотя Всевенгерская партконференция и подтвердила курс на плюрализм, однако "мы тогда еще не ощутили, что за столь драматически короткое время многопартийность станет реальностью"³³. Он сказал о неуверенности и нерешительности действий партии, а причины, подталкивавшие ВСРП к изменениям, назвал весьма существенными, призвав потребность рядовых членов ВСРП иметь ясную, понятную и вполне определенную программу действий. Я.Берец особенно выделил мысль о том, что "венгерское общество находится в состоянии перехода к системе политического плюрализма, представительской демократии и правового государства", и в этой связи обратил внимание на важность и судьбоносное значение для всей нации достижения общего согласия самых различных политических сил. ВСРП, сказал секретарь ЦК, желает

обеспечения мирного перехода к широкой демократии без дальнейшего обострения ситуации³⁴.

Оглашенные Я.Берецем принципы свидетельствовали о новых стратегических намерениях ВСРП, которые четко и однозначно были выражены в предлагавшемся им к принятию документе. Наконец, была внесена ясность в такие принципиальные политические вопросы, как правовое государство, представительская демократия, народный суверенитет, самоуправление, свободная от политической борьбы армия и другие вооруженные формирования, конституционная многопартийность, свобода выборов, возможность коалиционных правительств, независимых профсоюзов и др.³⁵

Все это означало победу демократического реформаторского крыла в ВСРП, которое все четче определяло контуры новой партийной стратегии. Суть ее сводилась к тому, что ВСРП готова к политической соревновательности и даже идеологической терпимости в условиях складывающейся многопартийной системы и в соответствии с этим будет бороться за свою "определяющую роль", выбирая своих будущих коалиционных партнеров из числа левых партий³⁶. Характерно, что при этом даже такой политик и убежденный реформатор, как И.Пожгаи, видел возможность появления настоящих политических конкурентов венгерских коммунистов не ранее выборов 1995 г., а единственной партией, способной на правительственном уровне к выведению страны из кризисного состояния, считал лишь ВСРП³⁷. Правда, даже руководство самого существенного оппозиционного движения - ВДФ - тогда также считало, что "Венгрия еще не созрела для коалиционного правления"³⁸.

Казалось, что благодаря действиям реформаторского крыла ВСРП, осуществившим в марте прорыв к новой стратегии и расширению внутривнутрипартийной демократии, удастся преодолеть отставание партии от альтернативных организаций и взять инициативу в свои руки. Об этом же вроде бы свидетельствовали выдвижение от ВСРП И.Пожгаи

на пост кандидата в президенты страны, выступления отдельных партийных руководителей о национальном примирении, защите прав меньшинств, уступки в вопросах национальной символики и другие. Но этот наступательный порыв оказался не долгим.

Свобода платформ в ВСРП и вытекавшее из этого оживление в партии, приведшее к созданию т.н. кружков реформ, совещания реформаторов-коммунистов, растущая самостоятельность общественных организаций, активизация деятельности новых партий, все настойчивее поднимавших вопрос о легитимности парламента и выдвигавших требования созыва нового Учредительного национального собрания, и другие факторы существенно активизировали общественно-политическую сферу. В ходе частых дискуссий все острее подвергалось критике партийно-государственное коммунистическое руководство за затягивание реформ и уклонение от признания ошибок прошлого, за то, что вместо смены старых концепций и методов ВСРП ведет лишь тактические игры, сама с трудом превращается в настоящую политическую партию, что в итоге угрожает упущением возможности спасти левые идеи³⁹. Наряду с ростом этой некомунистической или даже антикоммунистической политической активности продолжалось нарастание негативных тенденций в экономической жизни: инфляция, ухудшение жизненного уровня трудящихся, что также не способствовало, мягко говоря, положительному отношению населения к ВСРП.

В этих условиях К.Грос на совещании первых секретарей горкомов ВСРП обвинил хозяйственных руководителей в том, что они не заинтересованы в улучшении экономического положения в стране⁴⁰. В своем интервью газете "Непсабадшаг" он, признав опасность возможного раскола в партии и пытаясь обвинить в этом реформаторское крыло, выразил свое отрицательное отношение к возможностям складывания в рядах ВСРП новых вертикальных и горизонтальных структур под видом свободы платформ⁴¹.

Этот вопрос, согласно решению апрельского (1989 г.) заседания Политбюро, получил, однако, иное истолкование: фракционностью признавалось лишь создание вертикальных образований в партии, создание же горизонтальных структур было разрешено⁴².

Апрельский пленум ЦК ВСРП произвел смену в составе высшего руководства партии, вывел из Политбюро Я.Береца, Д.Чехака, И.Сабо и Я.Лукача (последний возглавил ЦК). Характеризуя ситуацию в Венгрии в целом в конце апреля 1989 г., И.Пожгаи во время пребывания в Англии основной акцент ставил на необходимости осуществления в мирного перехода к правовому государству. "Это означает, что мы должны преодолеть трудности внутренних конфликтов, - говорил он. - Если партия развалится на части, то это вызовет вакуум власти и может иметь катастрофические последствия для республики. Если же партия будет придерживаться реформаторского направления, то она окажется способной осуществить обновление страны"⁴³.

Правда, в мае 1989 г. К.Грос предпринял серьезную попытку "навести в стране порядок", а также остановить развернувшийся и столь неуправляемо развивавшийся процесс перестройки и демократизации. Он выразил решимость ввести чрезвычайное положение в стране ввиду "исключительности ситуации в экономике". Этот шаг был, однако, тогда приостановлен, благодаря открытому и решительному выступлению премьер-министра М.Немета против такого предложения. Политбюро не поддержало предложение К.Гроса, и он оказался по этому вопросу в меньшинстве⁴⁴. Ввиду отсутствия достоверных и доступных документов трудно судить, насколько была реальной угрозой планируемого введения чрезвычайного положения в стране (возможно, она представляла собой лишь неудавшийся маневр, рассчитанный на успокоение консерваторов и запугивание демократов), но так или иначе эта попытка К.Гроса установить в стране власть "сильной руки" не только потерпела крах, но не осталась и без соответствующих конкретных

последствий как для него самого, так и для партии. К.Грос потерял доверие и авторитет в глазах собственного окружения, ослабли его позиции и в возглавляемом им "центре". Его поступок способствовал изоляции консерваторов и преобразованию реформаторского крыла в политический центр, в целом укреплению демократических сил в партии. Кроме того, он способствовал выходу из-под "опеки" Гроса премьер-министра М.Немета, который после этого преобразовал свое правительство и в дальнейшем повел самостоятельную политику. Все это означало, что произошел перелом, и государственная партия подготовлена к демонтажу однопартийного государства, что и было подтверждено очередным пленумом ЦК ВСРП. Видимо, где-то здесь проходила грань необратимости процесса демократизации, окончательного отказа от возможности возврата к старому.

Последующий майский (1989 г.) пленум ЦК ВСРП обсудил закон о партиях и определился по ряду принципиальных политических вопросов: решение кадровых проблем государственного значения передавалось в компетенцию Совета министров; за ним же закреплялось правовое регулирование деятельности и определение функций ранее непосредственно подчиненной ЦК ВСРП партийной милиции – Рабочей охраны, насчитывавшей до 60 тыс. вооруженных бойцов⁴⁵. Пленум высказался за проведение переговоров и диалога с альтернативными политическими силами; ВСРП подтвердила позицию о свободе платформ, давая тем самым возможность меньшинству отстаивать и пропагандировать свои взгляды вплоть до принятия обязательного для всех решения; поддержал пленум и требование членов ВСРП созвать осенью 1989 г. новую партконференцию или же съезд партии. Пленум освободил с поста Председателя ВСРП Я.Капара, который по состоянию здоровья уже не мог принимать активное участие в работе высшего руководства.

Независимые альтернативные политические формирования (общества, движения, партии) вначале весьма острожно проявляли свои политические амбиции и цели, но довольно быстро осознали, что партийно-государственные

власти избрали тактику разделения сил самоорганизующихся альтернативных партий, движений и организаций. Разгадав такую тактику, часть этих политических новообразований еще в конце 1988г. по инициативе общества Э.Байчи-Жилински собралась для обсуждения своих проблем. В декабре 1988 г. шестеро из них выступили с общим заявлением, в котором выразили свою готовность действовать в интересах "создания конституционной и демократической Венгрии", поддерживать стремления к выходу "из тяжелого экономического, общественного и морального кризиса". При этом они вполне определенно и однозначно выразили свою убежденность в том, что "согласие между властями и обществом может быть достигнуто лишь в духе национального примирения", а для того, чтобы оно состоялось и было прочным, посчитали важным призвать власть имеющую отказаться "от всяких форм интриг и манипуляций"⁴⁶.

Альтернативные движения и организации отдавали себе отчет в том, что в самой ВСРП, несмотря на частые утверждения генсека о единстве, есть различные течения, что наряду с реформаторским крылом, готовым к сотрудничеству с демократически настроенной частью конструктивной оппозиции в интересах поиска путей выхода из кризиса, есть еще и центристы, а также твердокаменные "защитники крепости", готовые в любой момент совершить поворот назад, вернуться к старым догматическим позициям и охранно-репрессивным методам управления, резко отрицательно, и даже враждебно относившиеся к "неформалам". В этих условиях основная часть новых альтернативных политических образований еще в одном заявлении выразила свое положительное отношение к решениям февральского (1989 г.) пленума ЦК ВСРП, расценивая их как "важный шаг по пути к созданию демократической Венгрии".

В начале и середине марта 1989 г. со стороны ВСРП прозвучало обращение к альтернативным силам: приглашение собраться на "Национальный круглый стол". Одновременно с этим Независимый форум юристов обратился ко всем независимым партиям и организациям провести при

его посредничестве как беспристрастного организатора "круглый стол" для согласования своих позиций и выработки общих взглядов⁴⁷. Реакция на эти призывы со стороны заинтересованных альтернативных движений, организаций и партий поступила несколько позже. Но ВСРП уже 8 апреля 1989 г. пригласила на "Национальный круглый стол" по своему усмотрению отобранные организации, а также ОНФ, Союз антифашистов, Союз женщин, Общество Ф.Монника, руководство профсоюзов и молодежных организаций "для консультаций и обмена мнениями".

После проведенных ранее сепаратистских консультативных встреч с некоторыми организациями по отдельности этот шаг спецгруппы ВСРП был расценен независимыми организациями в качестве дискриминационного и вызвал в целом недоумение "неформалов". После этого их представители, приняв предложение Независимого форума вристов, в тот же день, но в другом месте собрались на заседание и объявили о создании ими "Оппозиционного круглого стола", в работе которого участвовали Общество Э.Байчи-Жилински, Союз молодых демократов, Независимая партия мелких хозяев, Венгерский демократический форум, Венгерская народная партия, Социал-демократическая партия Венгрии, Союз свободных демократов, а в качестве наблюдателей присутствовали представители Демократической лиги свободных профсоюзов. Все они заявили о том, что не станут принимать приглашение ВСРП, т.к. ее представители лишь затягивают время, соглашаются на переговоры с отдельными организациями только по собственному выбору, говорят не более чем о консультациях и обмене мнениями, тогда как сегодня уже давно пора браться за решение конкретных дел. "Мы готовы решать дела совместно, но разговор должен быть по сути, - заявлял один из представителей оппозиции. - Нужно не только создавать видимость переговоров и сотрудничества, нужно приступать к действиям". Объединенная в этих условиях оппозиция выразила потреб-

ность чтобы с нею разговаривали на равных и чтобы ВСРП выполняла данное им обещание и не оттягивала время.

"Круглый стол" оппозиционных движений и партий, которому форум кристов содействовал не только в беспристрастном согласовании их интересов, но и в юридическом обеспечении и выработке согласованных позиций, на первом же заседании обсудил такие проблемы, как условия демократического законотворчества, предпосылки для свободных демократических выборов, капиталовложения в строительство гидроузла на Дунае⁴⁸.

Объединенная оппозиция после длительных дискуссий направила руководителя Независимого форума кристов И.Коню в парламент, где проходило заседание "круглого стола", созванного ВСРП, с целью ознакомить его участников (фактически представителей традиционных для строя общественных организаций) со своими решениями, однако, зачитать их ему не дали возможности.

Спустя несколько дней представители "Оппозиционного круглого стола" (ОКС) на пресс-конференции заявили, что они "не намерены брать на себя вину и ответственность" за ошибки, допущенные другими в политике за последние 40 лет и "не вступят в коалицию ни с кем" до тех пор, пока не будут проведены свободные выборы в парламент, который в свою очередь должен принять новую Конституцию страны. Это означало, что оппозиция, почувствовав силу своей сплоченности, уже отвергла не только контроль за собой "сверху", но фактически отказывается и от возможного компромисса и предлагаемого разделения власти, концепции "непосредственного перехода к демократии".

На некоторое время непосредственные контакты между ВСРП и оппозиционными образованиями были прекращены. В последующих заявлениях оппозиции подчеркивалось, что она избегает конфронтации с ВСРП и правительством, готова к переговорам с ними, но только по существу обсуждаемых проблем. Свои предложения о необходимости обеспечения гарантий для мирного перехода к демокра-

тии оппозиция отправила в ЦК ВСРП, но долго не получала ответа. Тем не менее вскоре переговоры были возобновлены. Препяду на путях ведения реальных переговоров по существу оппозиция увидела в стремлении отдельных представителей со стороны ВСРП к затягиванию времени. Й.Лукач и Я.Берец были впоследствии заменены другими руководителями со стороны ВСРП.

На начавшихся 22 апреля 1989 г. встречах между специалистами ВСРП и ОКС были оговорены принципиальные и взаимоприемлемые условия для продолжения переговоров в рамках общенационального "круглого стола"⁴⁹.

В центре переговоров ВСРП и альтернативных организаций стояли главным образом проблемы политического устройства ВНР и демократизации. Альтернативные образования добивались широкого обсуждения проектов основополагающих законов, публичного заявления со стороны ВСРП о неиспользовании парламента для ограничения свобод, проведения встречи с участием всех альтернативных сил в здании парламента, открытости этих переговоров, публикации текстов соглашений, выборов президента и Конституционного суда, избрания нового состава парламента.

ОКС предложил конкретно обсудить с ВСРП следующие вопросы: урегулирование проблем создания и деятельности новых политических партий; закон о печати и информации; изменение уголовного законодательства; определение условий плебисцита, устранение препятствий с пути перехода к демократическому государству; гарантии, исключающие насильственное разрешение политических проблем. Была достигнута принципиальная договоренность о том, что парламента до совместного предварительного обсуждения этих проблем с оппозицией, т.е. проблем связанных с основополагающими, т.н. "краеугольными законами", не выносит эти вопросы на рассмотрение.

Новый раунд переговоров с оппозицией, а точнее фактическая работа общенационального "круглого стола" (заслужившая наименование "переговорной революции Венгрии"), началась 13 июня в здании Государственного собрания и

под руководством нового председателя венгерского парламента М.Сюрёша, который, открывая этот исторический форум, подчеркнул, что имеется общее стремление всех сил "к примирению и достижению согласия". Большой "Национальный круглый стол" (НКС) стал на сей раз трехсторонним: ВСРП; ОКС (9 партий и организаций); традиционные общественные организации (ОНФ, профсоюзы, союз молодежи и др.).

Выступивший на пленарном заседании этого общенационального форума К.Грос от имени ВСРП заверил присутствовавших, что партия является сторонником мирного перехода к представительской демократии, основывающейся на многопартийности, что она полна решимости порвать со всеми остатками сталинской модели, готова к созданию демократического социалистического правового государства. Он отметил, что "ответственность за судьбу нации" оказалась сильнее противоречий и выразил надежду на общественное примирение. Подчеркивая значение осуществленных с мая 1989 г. преобразований, К.Грос заявил, что ВСРП встала на путь превращения из "бюрократической государственной партии в социалистическую реформаторскую партию левого толка"⁵⁰.

И.Коня в своем выступлении от имени ОКС говорил о готовности оппозиции к конструктивным переговорам, о необходимости определить условия мирного перехода к демократии. Для совместного обсуждения им были выдвинуты принципы, имеющие ключевое значение для переходного этапа к становлению правового государства. К ним он отнес: необходимость считаться с волеизъявлением народа, которое не может полностью выражать сама по себе ни одна политическая партия; из участия в свободных выборах нельзя исключить ни одну партию; безусловное признание итогов свободных выборов, несмотря на их результаты, которые не могут быть изменены; допуск к деятельности сильной парламентской оппозиции как инстру-

мента эффективного контроля за правительством. Отвечая на призыв К.Гросса "вырвать страну" из экономического кризиса, И.Коня отметил, что оппозиция не может брать на себя ответственность за кризисное состояние венгерской экономики, в которую ее втянули прежние руководители и поэтому в его преодолении намерена участвовать только после парламентских выборов. Он призвал отказаться от выбора президента ВНР до переизбрания парламента, потребовал гарантий отказа от насилия, и особенно, от использования вооруженной силы против народа страны.

От третьей стороны выступил представитель ОНФ И.Кукорелли, который, признав отсутствие единства в этой группе "круглого стола", выразил убеждение, что сегодня нельзя обойтись без оппозиции, а затем пригласил к совместному решению таких неотложных задач, как: а) определение принципов и правил политического переходного периода к демократии; б) выработка стратегических задач преодоления экономического и социального кризиса.

Работа большого НКС проходила на рабочих заседаниях и в 6-ти специальных комиссиях - конституционной, по регулированию деятельности партии, по проблемам выборов, по изменениям в уголовном законодательстве, по информации, по правовым, гарантиям от насилия, - созданных 21 июня 1989 г. на очередном пленарном заседании. В этих комиссиях за закрытыми дверями согласовывались и решались основные положения "краеугольных законов"⁵¹. Правда, была еще одна подкомиссия, образованная для поиска путей выхода из экономического кризиса, однако она добилась лишь незначительных результатов, т.к. оппозиция, отказываясь разделить ответственность правительственной партии, не изъявила готовности по существу заниматься этой проблемой.

Глобальные политические вопросы в рамках НКС решались на высшем уровне в политическом комитете, работой

которого от ВСРП руководил И.Пожгаи (в составе делегации был также секретарь ЦК Д.Фейти). На всех уровнях на протяжении почти трех месяцев шла напряженная работа. Несмотря на осложнения, эта работа продвигалась путем достижения взаимных компромиссов. Благодаря тактичности и склонности к компромиссам со стороны таких политических деятелей, как И.Пожгаи, Й.Анталли Д.Сабад, удалось преодолеть трудности и привести переговоры большого НКС к логическому завершению – к достижению национальной договоренности. 18 сентября 1989 г. было подписано соглашение, хотя ССД и Союз молодых демократов отказались от принятия этого документа, мотивируя впоследствии свое решение тем, что не хотели запятнать себя соглашением с коммунистами и пожелали обеспечить себе свободу рук и действий.

Выполнив свою основную роль и задачу по согласованию интересов и выработке основных принципов и юридических норм переходного периода к правовому государству, "круглые столы", хотя и не были распущены, практически больше не собирались.

4. Конец ВСРП

Между тем общественному мнению становилось все более очевидно, что К.Грос со своей командой так или иначе пытается воспрепятствовать дальнейшему углублению демократии, равно как и полному внутреннему обновлению ВСРП. Такая ситуация способствовала росту напряженности между ведущей партийной структурой и демократизирующейся политической жизнью, вызывая тревогу и обеспокоенность в партии⁵².

Летом 1989 г. венгерский парламент перестал быть однопартийным по своему составу. Дело в том, что под давлением общественности ряд именитых в прошлом депутатов подал в отставку, а их места в парламенте были на

протяжении июля-сентября заполнены представителями оппозиционных партий. Тем самым в парламентскую жизнь вошли новые люди, отражавшие взгляды, позиции и настроения таких партий, как ВДФ, ССД, ХДНП и др. Парламент, согласно новому закону от 23 октября 1989 г., стал настоящим центром общественной жизни и власти, одним из важнейших институтов политической системы. Только за 1989 г. парламент принял рекордное число законов - 58 (против 4 в 1988 г.)⁵³.

Логическим продолжением и результатом дальнейшего продвижения по этому пути явилась юридическая ликвидация "партийного государства" фактически ознаменовавшая переход к конституционной парламентской форме правления. Это выразилось внешне в изменении официального наименования страны, в провозглашении Венгерской Республики (23 октября 1989 г.), в результате чего решением Государственного собрания из названия государства было удалено прежнее, свидетельствующее о характере общественного строя определение. Сам парламент быстро менял свой характер, особенно после наступивших в ВСРП радикальных изменений, когда в результате последнего XIV съезда парламентская группа партии прекратила свое существование. На ее базе возникла фракция ВСП в парламенте образовались также новые фракции и группы по интересам (включая группы аграрников, профсоюзных, молодежных и других депутатов), что свидетельствовало о явных признаках становления гражданского общества.

В этих условиях правительство М.Немета все больше стало проявлять свое собственное, независимое от партии лицо. Оно выступило с признанием реальной многопартийности, и в июле 1989 г. заявило о недостоверности обнародованных ранее правительством К.Гроса данных о государственном бюджете и выдвинуло свой трехлетний план стабилизации экономики, обещая довести страну до предстоящих парламентских выборов и образования нового правительства на коалиционной основе. Правительство

М.Немета сделало решительные шаги и в международных вопросах. Подтверждая серьезность своих намерений к либерализации внутривластной жизни и свою открытость в отношениях с Западной Европой, оно взялось за демонтаж "железного занавеса", т.е. заградительных сооружений на границе с Австрией. В этих условиях Венгрия, переполненная беженцами не только из Румынии (их насчитывалось уже более 30 тыс. человек), но и накопившимися из ГДР "туристами", часть которых приехала сюда с нескрываемой целью разместиться в лагерях для беженцев в ожидании переезда в ФРГ, открыла свою границу с соседней Австрией, чем фактически позволила последним реализовать свои устремления. За считанные часы после открытия границы тысячи граждан ГДР, оставляя свое имущество на родине, перешли через Австрию в ФРГ.

Что же делала, чем занималась в этих условиях ВСРП как формально еще правящая партия? Характеризуя летом 1989 г. намерения партийно-государственного руководства, Р.Ньерш в интервью газете "Непсабадшаг" заявил, что партия и правительство выработали четкую линию, которая базируется на опыте политики реформ И.Надя 50-х годов, реформы 60-х и нового курса второй половины 80-х годов⁵⁴. Выступивший в печати М.Сюреш заметил, что ВСРП может остаться главной интегрирующей силой венгерского общества лишь в том случае, если ей удастся восстановить свой авторитет, если пост генерального секретаря займет авторитетный и популярный реформатор и не останется там политик, демонстрирующий свою непоследовательность, часто противоречащий самому себе⁵⁵.

В самом деле, судя по результатам социологических опросов, летом 1989 г. авторитет ВСРП и особенно ее генерального секретаря К.Гроса сильно пошатнулся. Опубликованные в печати результаты были следующими: довольные деятельностью ВСРП - 29%, правительства - 50%, парламента - 49%, альтернативных организаций и партий -

21% венгерского населения. В то же время индекс популярности отдельных политических деятелей в народе был следующим: И.Пожгаи - 68%, М.Немет - 67%, Р.Ньерш - 60%, Я.Берец - 51%, К.Грос - 50%; эти же показатели среди альтернативных образований: И.Пожгаи - 67%, Р.Ньерш - 51%, М.Немет - 19%, К.Грос - 8%, Я.Берец - 4%⁵⁶. Характерно, что из числа политических партий еще наиболее популярной оставалась ВСРП, хотя и набрала всего 36% (ВДФ - II, 4%), а самой непопулярной организацией оказалось левацко-коммунистическое Общество им. Ф.Моцарта - 0,6%.

Неудивительно, что в тех условиях накануне июньского пленума ЦК ВСРП парторганизации, райкомы и обкомы партии буквально засыпали центральную печать требованиями выдвинуть на пост генерального секретаря и в состав Политбюро людей способных и убежденных сторонников реформы, демократизации и социализма⁵⁷. Это говорило о том, что К.Гросу больше не удастся уклониться от необходимости созыва съезда партии.

Под давлением реформаторского крыла в партии 23 июня 1989 г. в Будапеште собрался пленум ЦК ВСРП, который обсудил положение в партии и подвел итоги ее деятельности со времени майской Всевенгерской партконференции 1988 г. Вопреки многочисленным предварительным прогнозам о расколе партии здесь удалось сохранить единство ее рядов. Пленум учредил новые центральные органы ВСРП. В состав избранного нового коллективного руководства - президиума ВСРП - вошли: Р.Ньерш, который стал первым человеком в партии, её председателем с широкими полномочиями, К.Грос остался генеральным секретарем, членами президиума стали - И.Пожгаи и М.Немет. Было избрано также Политическое исполнительное бюро (а точнее Политический распорядительный комитет) в составе 21 человека. В задачу этих коллективных органов руководства входило восстановление доверия к партии и ее доведение до ближайшего съезда, срок созыва которого был оп-

ределен на начало октября 1989 г.⁵⁸.

Пленум ЦК ВСРП укрепил позиции сторонников реформы, перестройки и обновления социализма. В интервью для печати после пленума К.Грос сказал, что партия с мая 1988 г. сделала "существенные шаги на путях превращения в живое и массовое политическое движение, демократизации политической системы, создания парламентской демократии и правового государства". Говоря о своем положении в руководстве он сказал корреспонденту, что до съезда намерен сохранить свой пост, а затем будет "способствовать реализации политики партии на общественных началах"⁵⁹. Председатель партии Р.Ньерш в то же время выразил свою убежденность, что ВСРП окажется способной выработать до съезда новую политическую линию, благодаря которой партия "останется основной и хорошо функционирующей частью демократизирующейся политической системы Венгрии". Он вновь подчеркнул, что центристы в партии поддерживают такую политику реформ, которая отвергает старое сталинское понимание социализма и стоит на позициях социалистической реформы. Член президиума И.Пожгаи, выдвинутый пленумом в качестве кандидата от ВСРП на пост Президента ВНР заявил журналистам, что теперь президиум полностью стоит на позициях демократического социализма. В то же время он предупредил, что на будущих выборах по многопартийной системе предстоит весьма острая полемика с оппозицией и партия должна хорошо подготовиться к ней⁶⁰.

Июньский (1989) пленум ЦК ВСРП утвердил повестку дня будущего съезда. Акция реформаторов по созыву пленума ЦК была неотложной, но тем не менее оказалась также запоздалой, т.к. катастрофически быстрое падение авторитета партии, ее отставание от развития событий уже было трудно преодолеть. Избрание президиума явилось временным решением, несколько сдерживавшим темпы дальнейшего падения престижа и влияния ВСРП, но все же не могло остановить начавшийся массовый выход из партии,

численность которой к началу октября сократилась до 710 тыс., т.е. почти на 100 тыс. человек. Коллективно-му руководству при ведущей роли Р.Ньерша удалось несколько сбалансировать внутривнутрипартийные проблемы, оно помогло сохранить до съезда "единство" в партии, однако, уже не сумело полностью восстановить доверие к ней не только со стороны широких масс, но даже членов партии.

Сентябрь 1989 г., канун нового съезда оказался особенно результативным для появления и организационного оформления в ВСРП различных платформ и течений. Так, после пленума мобилизовали свои силы не только реформаторы, но и ультраконсервативные элементы, опиравшиеся на Общество Ф.Мюнниха и на Марксистскую платформу единства во главе с Р.Рибанским⁶¹. Если первые 18 сентября создали "Блок реформ", а затем первого октября 1989 г. радикальный "Союз реформ", то ряды последних (т.е. консервативного фланга ВСРП, главным образом вслед за выходом Я.Береца из высшего руководства и созданной им умеренно-консервативной платформой "Сплоченность") пополнились бывшими работниками партаппарата различных уровней, которые в значительной мере под влиянием проведенных сокращений оказались без должностей.

Наряду с этими горизонтальными формированиями реформаторского и консервативного толка в ВСРП была создана и "Народно-демократическая платформа", объединившая тех умеренных членов партии, которые осознали необходимость перемен, но все же предпочитали последовательность и преемственность в развитии. Разумеется, этим далеко не исчерпывалось многообразие платформ и фракций в ВСРП накануне ее съезда, ибо они постоянно возникали, преобразовывались и исчезали, однако следует обратить внимание и на наличие центристского течения, которое впоследствии растворилось отчасти в "Союзе реформ" и "Народно-демократической платформе". Забегая вперед, отметим, что на съезде эти две платформы, представлявшие соответст-

венно "реформаторов-социалистов" и "реформаторов-коммунистов" вновь нашли друг друга и практически благодаря их объединенным усилиям и была образована будущая социалистическая партия страны.

XIV съезд ВСРП, к которому усиленно готовились все платформы и течения, и от которого ожидали настоящего обновления все внутривнутрипартийные прогрессивные силы, проходил с 6-9 октября 1989 г. в Будапеште. Это был необычный форум, существенно отличавшийся от прежних съездов партии. Собранные на съезд 1276 делегатов, как сообщала в день его открытия газета "Непсабадшаг", свою главную задачу видели в "радикальном и окончательном разрыве с партией сталинского типа" (Правда, были силы, хотя и малочисленные, которые не разделяли такое стремление подавляющего большинства).

Выступая на съезде, Председатель ВСРП Р.Ньерш отметил, что наступил конец исторической роли ВСРП и теперь нужна новая партия. Генеральный секретарь партии К.Грос главной задачей обозначил создание демократического социализма. Ответственность за невыполненные задачи, поставленные XIII съездом ВСРП, он возложил на прежнее руководство, отмечая в то же время, что единственной организованной политической силой Венгрии, способной обеспечить решение задач нового переходного периода, остается ВСРП. Член президиума ВСРП И.Пожгаи подчеркнул, что в программных установках ставится важная задача: переход от практики государственной партии и партийного государства к конституционному правовому государству. Он высказал предложение избавиться от партии конгломеративного характера, которая функционировала в стране в качестве органа власти, и превратить ее в партию-движение левого толка, точнее, предложил создать качественно новую партию - Венгерскую социалистическую партию⁶².

В выступлениях делегатов на XIV съезде была поддержана идея взять курс на создание новой партии, продолжающей социалистические и демократические традиции

с тем, чтобы она в союзе с другими левыми партиями могла действовать в интересах национального обновления. По мере принятия идеи замены старой партии новой, левого толка социалистической партией ораторы (среди них, в частности, И.Витани) в целях избежания возможного раскола подняли вопрос о личных гарантиях, обеспечивающих сохранение единства. И.Витани высказал предложение "Союза реформ" выдвинуть в руководители новой партии таких сторонников реформы, как Р.Ньерш, И.Пожгай, М.Немет и Д.Хорн, способных в совокупности символизировать собой новый курс партии. Реальную опасность раскола в самом деле удалось предотвратить благодаря компромиссу, достигнутому между этими руководителями⁶³. Их общими усилиями был подготовлен компромиссный проект о характере будущей партии, за который 7 октября 1989 года вечером и проголосовал съезд (1202 голоса "за", 159 – "против").

Этим решением была принята "Резолюция съезда о Венгерской социалистической партии". В ней отмечалось, что эпоха ВСРП в истории страны завершилась, прежняя концепция социализма, система в целом, исчерпали все свои возможности и резервы, они не способны идти в ногу с мировым развитием. Новая партия, как указывалось, должна отмежеваться от преступлений прошлого, отказаться от ошибочных идей и методов, порвать с порочной системой бюрократического партийного государства, с принципом демократического централизма. Она в то же время считает себя наследницей реформаторских стремлений внутри ВСРП, продолжательницей выдержавших испытание временем традиций социалистического и коммунистического движения.

Съезду было предложено при сохранении юридической преемственности объявить о создании такой новой партии, членом которой мог бы стать каждый принимающий ее устав и Программное заявление. До конца октября 1989 г. был определен первый срок перерегистрации членов ВСРП в новую ВСП. В конце второго дня съезда было объявлено об официальном учреждении этой новой партии. Таким образом,

XIV съезд ВСРП перерос в первый учредительный съезд ВСП. Тем самым ВСРП, медленный распад которой уже начался давно, оказалась фактически первой государственной партией в истории "социалистического содружества", которая самораспустилась.

Новая же партия декларировала не только свое создание, но и завершение целой исторической эпохи. В программном заявлении ВСП говорилось о приверженности демократическому социализму, рыночной экономике на базе смешанной собственности, о конституционном равноправии всех партий. Устав ВСП порвал с жесткой и иерархизированной большевистско-ленинского типа структурой, отказался от демократического централизма, разрешил свободу платформ, а местным парторганизациям предоставил самоуправление. Председателем ВСП был избран Р.Ньерш. В президиум партии вошло 23 члена. Съезд подтвердил кандидатуру И.Пожгаи на пост президиума республики от ВСП.

Вслед за этим различные платформы съезда практически распались, включая "Сплочение", лидер которого Я.Берец поддержал линию коммунистов-реформаторов, т.е. Народно-демократической платформы. Тем не менее на съезде реформаторы с ним не стали считаться в качестве возможного соавтора и участника переговоров по основным политическим вопросам. Более того, председатель партии публично указал на него как на "хамелеона", что вызвало со стороны Я.Береца обиду и он тут же сделал заявление о том, что "ВСРП не прекратила свое существование"⁶⁴. Небезынтересно здесь же отметить, что К.Грос, считавший себя центристом, оказался последовательным: он голосовал за программу и устав новой партии, но был против изменения названия партии⁶⁵. При этом следует учесть также, что вопрос о выходе этих двух бывших лидеров из руководства был предreshен еще до съезда⁶⁶.

Все основные газеты Венгрии сообщали о происходящих на съезде событиях. Новая, независимая газета "Май Нап" ("Сегодняшний день") на первой полосе сообща-

ла весть: "Вчера в Венгрии в 20 часов 22 минуты прекратила свое существование диктатура пролетариата"⁶⁷. Оценивая результаты съезда, венгерский политолог беспартийный М.Бихари, находившийся на съезде и работавший в его президиуме, впоследствии писал: "Если дать одно единственное суммарное определение решениям и высказанным на съезде позициям, то их суть можно выразить в следующем: прекратила свою деятельность либерализированная и рационализированная партия большевистского типа, создавалась возможность возникновения партии европейского социалистического типа"⁶⁸.

ВСП определила себя в качестве левоцентристской партии на политической палитре Венгрии. Новая партия, казалось, больше вписывается в венгерские реалии конца 80-х годов, учитывает перемены, отказывается от тяжелого наследия прошлого и поэтому может рассчитывать на успех. Шансы этой партии могли бы быть более существенными, если наступившие изменения были бы осуществлены раньше, если она не была бы обременена "политикой лавирования и вынужденных уступок" обновленного с мая руководства, если она не считалась бы наследницей ВСПП. Опасность партии грозила, однако, не извне, она таилась внутри самой ВСП. Дело в том, что созданная под руководством великого "интегратора" Р.Ньерша в результате компромиссов она оставалась партией конгломеративного характера, в которой наряду с реформаторами-социалистами сохранили свои позиции коммунисты-реформаторы из числа бывших сторонников grosовского "нового порядка", обманутые в своих надеждах умеренные реформаторы из числа бывших работников кадрового аппарата, радикальные реформаторы⁶⁹. Лишь консервативные силы "старого порядка", воспитанные на строгих догмах не были интегрированы новой ВСП.

Раскола удалось избежать, но именно это обстоятельство и продолжало затруднять и осложнять положение в новой партии. К тому же ожидаемая массовая перерегист-

рация бывших членов ВСРП в ее ряды затянулась. Сказались организационные недочеты, а в какой-то мере даже сопротивление работников старого партаппарата на разных уровнях. И все же на политическую арену Венгрии вышла новая, значительно очищенная и избавленная от основного груза прошлого политическая сила, которая, однако, в сложившихся условиях стремительных исторического значения перемен уже не успела до наступления парламентских выборов расширить свою социальную базу, не смогла обеспечить себе достойного места в политической жизни страны, тем более, что основные соперники ВСП в своей пропаганде удачно использовали против нее тезис о родстве с бывшей ВСРП. Следует учитывать и то, что значительная часть бывших членов ВСРП, устав от политической борьбы, решила вообще остаться вне партии. В их среде оказалось немало партийной интеллигенции, интеллектуальный багаж которой мог быть использован новой партией. Именно они, а не многотысячная инертная партийная масса из бывшей ВСРП оказались настоящей потерей для ВСП. Численность членов ВСП, по оценочным данным ее руководства, к середине ноября 1989 г. составляла еще всего 40-45 тыс. человек.

На XIV съезде ВСРП формально не было принято никакого конкретного решения о самороспуске партии, но юридически наследницей и продолжательницей прежней партии стала ВСП. Характерно, что в защиту более 700-тысячной государственной партии, и без этого находившейся уже в стадии распада, никто из делегатов съезда не подал голоса. После съезда практически начался демонтаж всей ее прежней структуры - обкомов, райкомов, горкомов, т.е. всего обширного и многочисленного партаппарата, - что сказалось, прежде всего, на положении значительного числа профессиональных партийных функционеров. Вместе с бывшими руководителями ВСРП, не избранными в руководящие органы новой партии, но и не смирившимися с утратой своих прежних позиций, они после съезда стали предпринимать шаги по спасению своего положения и взялись за воз-

рождение старой ВСРП, несмотря на то, что решением съезда уже утратили все юридические права на прежнее имущество партии. Оно перешло в собственность новой партии (которая, кстати, его значительную часть впоследствии передала государству).

За восстановление в правах старой ВСРП выступили силы, недовольные процессом демократизации, мечтающие возродить диктатуру пролетариата, выделявшиеся своими воинствующими левацкими стремлениями и консерватизмом. Они сгруппировались, прежде всего, вокруг Р.Рибанского и бывшего министра иностранных дел на пенсии Ф.Пуйи, а также других известных в прошлом деятелей, не пожелавших "поступиться принципами". Эти силы начали искать связи с такими руководителями бывшей ВСРП, как К.Грос и Я.Берец. В итоге им удалось найти общий язык. Это произошло несмотря на то, что последние сначала неоднократно старались отмежеваться от реставраторов ВСРП, заявляя, что не имеют с ними ничего общего. И все же победила общность их интересов. Бывшие партийные работники различных уровней и течений сблизилась таким образом с радикально-левацкими элементами из круга партийных пенсионеров и заключили альянс в интересах реализации своей цели - реанимировать старую партию, потерявшую все свое влияние и авторитет в массах.

Собравшись в конце октября 1989 г. на свой актив Р.Рибански и Ф.Пуйя взяли курс на возрождение ВСРП. На этой встрече Рибански сообщил своим единомышленникам, что К.Грос с радостью принял предложение рассматривать его до созыва съезда в качестве генерального секретаря ВСРП. Созданное ими Временное правление будущей партии во главе с Ф.Пуйя и секретарями Правления Р.Рибански и К.Доце приняло решение просить престарелого ветерана рабочего движения Д.Маршана стать почетным председателем партии, который и дал согласие на это. На последующих заседаниях на квартире у К.Гроса были обговорены конкретные меры, направленные на воз-

рождение ВСРП.

В ноябре, согласно сообщениям печати, группа Рибанского существенно активизировала свою организационную деятельность — она развернула работу пропагандистского характера в ряде городов страны. Так, в частности, Р.Рибански выступал в городе Бекешчаба, где собралось около 50 пожилых коммунистов, и подверг резкой критике новых руководителей партии-наследницы, ВСП, анализировал положение в стране, шансы на возрождение ВСРП. Он заверил собравшихся в том, что "ко дню рождения Брежнева возродится Венгерская Социалистическая рабочая партия, которая выставит своего собственного кандидата на президентских выборах"⁷⁰. Подобное собрание по вербовке в ряды ВСРП проводил и К.Грос в начале декабря в г. Сомбатхейе, где подтвердил, что ЦК ВСРП заседает у него на квартире⁷¹, отметив при этом, что мирного перехода не может быть, т.к. фактически идет серьезная политическая борьба. На таком же собрании в г. Пече он назвал прошедший съезд "путчем кучки карьеристов, которые обезглавили партию"⁷². Заметим, что Р.Рибански подтвердил данное определение Гроса. В своем заявлении, данном газете "Непсабадшаг" он, кроме того, назвал ВСП "недоразумением", а ВСРП — "коммунистической партией". При этом выразил свое несогласие с введением многопартийности в Венгрии, а Я.Береца определил как "самовлюбленного карьериста", готового сесть в кресло возрожденной ВСРП. Наряду с этими выпадами даже Рибански выразил, однако, весьма примечательную и объективную мысль. Он заявил: "Главной ошибкой нашей партии я считаю то, что она не имела сил на демократию"⁷³. Что касается реакции руководителей ВСП, в частности Р.Ньерша, И.Пожгаи на эти оценки, то они в своих заявлениях, высказанных по поводу воссоздаваемой ВСРП, говорили о допустимости деятельности "ортодоксальных" марксистских политических сил в Венгрии, отмечая даже желательность их присутствия на левом фланге политической жизни страны.

17 декабря 1989 г. в здании Профсоюза строителей собрались 782 делегата на заседание, которое провозгласило себя XIV съездом ВСРП, выражая тем самым свое несогласие с решениями прошедшего в октябре съезда этой партии. В президиуме съезда были Я.Берец, Ф.Пуля, Э.Сюч и другие. На съезде с речью выступил Д.Маршан, за ним - К.Грос, который в качестве председателя подготовительного комитета не только проанализировал политическую и экономическую ситуацию в стране, но и заявил, что будущая партия порывает со всеми ошибками своей предшественницы⁷⁴. Выступая здесь же Р.Рибански отмечал, что члены ВСРП не потеряли ориентиры на перспективу и партия готова помериться силой с другими партиями на предстоящих парламентских выборах.

Декабрьский форум ВСРП практически являлся лишь "полусъездом", ибо, хотя и поднимались на нем вопросы с программой, уставом, о партийном имуществе, все же не было подготовлено такого документа, который был бы принят. Имеющиеся проекты, по мнению участников, страдали определенным недостатком, поскольку в них не получили достаточного акцента коммунистический характер партии, интернационализм и марксистско-ленинская идеология. Эти задачи решались позже, на февральском (1990 г.) втором туре съезда.

Здесь же приняли заявление о продолжении дела прежней партии, избрали партийное руководство старого типа "новой" ВСРП - председателем партии был избран Дюла Тьермер (бывший инструктор внешнеполитического отдела ЦК ВСРП при К.Гросе), членами нового ЦК стали К.Грос, Ф.Пуля, Р.Рибански, Я.Берец и др., всего 12 человек⁷⁵. Согласно оценочным данным самого руководства этой новой старой партии, в рядах ВСРП в конце 1989 г. насчитывалось около 100-120 тыс. членов. Казалось, что левые силы различного толка, несмотря на прошедшие съезды ВСРП - ВСП и возрожденной ВСРП, на вполне очевидный

процесс их размежевания и распада, все же остались — особенно по сравнению с рядом новых альтернативных демократических партий — самой многочисленной и определяющей политической силой в Венгрии, которая, имея опыт политической работы, организованности, может мобилизовать массы и бороться за завоевание доверия людей. Тем не менее суждение венгерского народа в целом, как это показали результаты избирательной кампании по выборам в парламент на демократической основе (май 1990 г.) оказалось иным, оптимистические расчеты руководителей возрожденной ВСП и других левых сил не оправдались.

На парламентских выборах, в которых участвовали практически все политические партии и движения, венгерский народ отдал предпочтение силам радикальных (но не ультрарадикальных) устремлений, доказавшим свою приверженность обновлению и переменам в общественно-политической жизни. Победителями оказались Венгерский демократический форум, получивший почти 25% голосов, Союз свободных демократов (21,4%), Независимая партия мелких хозяйств (11,7%). Они опередили и ВСП и ВСПП, т.е. партии, связанные в прошлом с командно-административной авторитарной системой власти.

ВСП, хотя и поздно, но все же заявила о стремлении к переменам, заняла четвертое место в ряду политических партий с 11% голосов и провела в парламент более 30 депутатов. Она стала парламентской партией, но своих надежд все же не оправдала. Правда, в полном проигрыше оказалась ВСПП, не собравшая даже минимального количества голосов (4%), необходимого для того, чтобы иметь хотя бы одного депутата в парламенте. Итак, люди отдавали свои голоса на выборах прежде всего прогив чего-то закостеневшего, устаревшего, против конкретного политического курса, и лишь во вторую очередь за что-то новое, хотя пока и неизвестное. Следовательно, политический курс ВСПП потерпел фиаско и её эра закончилась.

Примечания

1. Népszabadság, 1988, július 15.
2. Der Spiegel, 1988, №.17; Magyar Ifjúság, 1988, 19.sz.
3. Torténelem jelen időben.// Látóhatár, 1989, szeptember, 190.old.
4. Népszabadság, 1988, július.
5. Népszabadság, 1989, február 10.
6. Népszabadság, 1988, szeptember 6.
7. Magyar Hírlap, 1988, május 24; Népszabadság, 1988, november 30.
8. Népszabadság, 1988, június 13.
9. Magyar Ifjúság, 1988, 19.sz; LeMonde, 1988, november 10.
10. Népszabadság, 1988, november 3.
11. Ibidem.
12. Ренгерские новости, 1988, № 3, с.3.
13. Élet és Irodalom, 1988, szeptember 9.
14. Torténelem jelen időben, 194, 196.old.
15. Népszabadság, 1988, november 30.
16. Népszabadság, 1988, december 16.
17. Ibidem.
18. Népszabadság, 1989, január 14.
19. Magyar Nemzet, 1989, január 18.
20. Magyar Nemzet, 1989, február 17.
21. Népszabadság, 1989, február 13; Magyar Nemzet, 1989, február 11.
22. Népszabadság, 1989, február 13.
23. Ibidem.
24. Magyar Nemzet, 1989, február 13.
25. Népszabadság, 1989, február 13.
26. Magyar Nemzet, 1989, február 21.
27. Magyar Nemzet, 1989, március 9.
28. Népszabadság, 1989, február 23.
29. Népszabadság, 1989, március 5.
30. Népszabadság, 1989, április 1.
31. Stumpf István. Partosodás '89.// Magyarország Politikai Évkönyve (Далее -МРЕ, 1990), Вр., 1990, 387-389 old.
32. Правда, 1989, 12 апреля.
33. Népszabadság, 1989, március 8.
34. Ibidem.
35. Népszabadság, 1989, március 11.
36. Torténelem jelen időben, 202.old.
37. Magyar Nemzet, 1989, február 24.
38. Magyar Nemzet, 1989, március 13.
39. Népszabadság, 1989, április 17.
40. Népszabadság, 1989, április 13.
41. Népszabadság, 1989, április 18.
42. Népszabadság, 1989, április 20.
43. Népszabadság, 1989, április 28.
44. Agh Attila. A partosodás éve: válságok és szerveződések.// МРЕ, 1990, 16.old.
45. Népszabadság, 1989, május 9;

46. Vigh Károly. Az Ellenzéki Kerekasztaltól a Nemzeti Kerekasztalig.// MPE, 1990, 231.old.
47. Magyar Nemzet, 1989, március 5, 15.
48. Vigh Károly. Op.cit., 233.old.
49. Ibidem; Bruszt László. 1989: Magyarország tárgyalásos forradalma.// MPE., 163-164.old.
50. Népszabadság, 1989, június 14.
51. Vigh Károly. Op.cit., 235. old.
52. Agh Attila. Op.cit., 14.old.
53. Kukorelli István. Az Országgyűlés a többpártrendszer első évében.//MPE, 1990, 194.old.. 195-196.old.
54. Népszabadság, 1989, június 22.
55. Népszabadság, 1989, június 23.
56. Magyar Nemzet, 1989, június 23.
57. Magyar Nemzet, 1989, június 24.
58. Ibidem; Népszabadság, 1989, június 24, 26.
59. Népszabadság, 1989, június 26.
60. Ibidem.
61. Népszabadság, 1989, szeptember 9.
62. Népszabadság, 1989, október 7.
63. Bihari Mihály. Két kongresszus Magyarországon.//Társadalmi Szemle, 1990, 1.sz., 20.old.
64. Ibidem, 22.old.
65. Bihari Mihály. Egy pártkongresszus szociológiája.// MPE, 1990, 22-23.old.; Népszabadság, 1989, november 22.
66. Népszabadság, 1989, október 14.
67. A Mai Nap, 1989, október 8.
68. Bihari Mihály. Egy pártkongresszus..., 23.old.
69. Ibidem.
70. Magyar Hírlap, 1989, november 20.
71. Népszabadság, 1989, december 4.
72. Népszabadság, 1989, december 5.
73. Népszabadság, 1989, december 14.
74. Népszabadság, 1989, december 18.
75. Népszabadság, 1989, december 19.

Л.Н.ШАНШИЕВА

ГДР-1989: ХРОНИКА ПАДЕНИЯ ТОТАЛИТАРНОГО РЕЖИМА

Анализ революционных событий в ГДР нельзя связывать только с внутренними причинами, не учитывая влияния тех изменений, которые еще раньше наметились в союзнических государствах. На фоне развертывающихся процессов демократизации в СССР, Венгрии, Польше политика Э.Хонеккера выглядела явно консервативной. Проявлялись нежелание руководства СЕП увидеть назревающие проблемы в обществе, игнорирование попыток со стороны некоторых групп населения повернуть страну на путь демократизации, непонимание того, что жесткая административная система пришла в противоречие с потребнос-

тами развития, свидетельствуют о недалёковидности такой политики, её крупных и опасных просчетах.

Это обстоятельство во всё большей степени начинало беспокоить даже тех, кто в условиях коммунистического режима имел престижный социальный статус, высокий материальный уровень жизни, находился наверху пирамиды власти. Так, в сентябре 1989 г. президент Союза писателей ГДР, член ЦК СЕПГ Герман Кант выразил озабоченность тем, что страна отгораживается от критики существующих недостатков со стороны других социалистических стран и от критики внутри страны¹. Разумеется, это не был призыв к революции, но – серьёзный симптом того, что даже среди номенклатурного слоя растёт недовольство и вместе с тем тревога за будущее.

Симптомы усиливающегося политического нездоровья проявлялись в разных формах: в виде запрета на распространение в ГДР советских журналов "Спутник" и "Огонек", жесткого цензурирования в целом информации о демократических изменениях в СССР; приверженности идеологическим догмам и стереотипам, стремления приукрасить экономические достижения в собственной стране, ограничения гражданских свобод, в том числе права выезда жителей ГДР в ФРГ и другие западные страны. Последнее обстоятельство, вызванное спецификой существования двух немецких государств, на протяжении последних 40 лет играло довольно серьёзную роль в формировании общественных настроений. В целом благополучное положение на потребительском рынке и реальные достижения ГДР в области социальной политики, которые, конечно, нельзя отрицать, создавали более выгодное положение для её граждан в сравнении с населением большинства других восточноевропейских стран, не говоря уже об СССР. Но ощущение изолированности, отгороженности от внешнего мира постепенно усиливало недовольство восточных немцев, у них росло желание вырваться из "железных пут", сковывающих и регламентирующих жизнь человека, начиная с детских лет и

кончан пенсионным возрастом.

Поэтому, видимо, правомерно начинать изложение хроники революционных событий с начала мая 1989 г. — события, которое произошло вне ГДР, но ускорило все давно назревавшие в ней процессы. Имеется в виду объявление Венгрией о частичном открытии границ с Австрией. При поверхностном взгляде на жизнь ГДР в этот период создавалось впечатление, что здесь все еще сохраняется политическая стабильность. Но известие о том, что венгерская граница "открывается на запад" вызвало бурную реакцию в ГДР. Предсказать далеко идущие последствия этого шага было не так уж трудно: официальные власти не без основания опасались, что это приведет к росту числа желающих использовать возможность выезда в Венгрию для дальнейшего продвижения в Австрию и т.д.

В свою очередь большинство рядовых граждан, лишенных прежде за редким исключением какой-либо возможности ездить на Запад, увидели реальный шанс вкусить наконец "запретный плод", который до сих пор им приходилось видеть лишь с экрана телевизора. Наряду с этим в обществе сохранялись опасения, что руководство страны предпримет какие-либо действия, чтобы перекрыть этот канал, позволяющий хоть как-то реализовать долгожданное устремление увидеть мир по ту сторону стены. Видимо, эти обстоятельства сыграли значительную роль в дальнейшем развитии событий. Можно сказать, что с этого времени начался зримый отсчет последних дней так называемого первого социалистического государства на немецкой земле. Действительно, устремившийся поток беженцев из ГДР быстро стал приобретать невиданные размеры. События напоминали эффект прорвавшейся плотины. Посольства ФРГ в Будапеште, Праге, Варшаве стали залом ожидания для многих десятков, сотен, а затем и тысяч людей.

Накопившаяся социальная энергия нереализованных потребностей неизбежно должна была привести к взрыву в той или иной форме. В этом смысле одним из важных поли-

тических событий были коммунальные выборы 7 мая 1989 г. В официальной печати сообщались привычные данные о том, что 98,85% избирателей высказали свою поддержку кандидатам, выдвинутым по официальному избирательному списку. Вместе с тем из разных неофициальных источников стали вскоре появляться данные о возможно имевшей место фальсификации итогов выборов (позже, когда на смену Э.Хонеккеру к руководству партией ненадолго пришел Э.Кренц, это обстоятельство активно использовалось оппозиционными силами против него, поскольку именно он был председателем счетной комиссии по итогам выборов). День 7 мая получил как бы двойной резонанс: с одной стороны, проявившееся накануне выборов недовольство граждан отсутствием широких демократических свобод, в том числе и права выезда; с другой стороны – неудовлетворение от того, что выборы прошли по-старому в условиях жесткой регламентации, а при подсчете голосов допускались нарушения и искажения реальной картины. Все это усиливало недовольство демократически настроенной части общества.

В это же время население ГДР с большим вниманием следило за развитием событий в других странах, в том числе не только в Европе. Вероятно, назревшая потребность в демократических переменах делала общественное сознание особенно восприимчивым к такого рода информации. С учетом этих особенностей становится понятным, почему известие о насильственном разгоне июньской манифестации на площади Тянаньмэнь было воспринято в ГДР как конец демократическим переменам в Китае и как внешний фактор, влияющий на сценарий поведения руководства собственной страны. Тем более, в органе ЦК СЕПГ газете Нойес Дойчланд жестокая расправа китайской армии над демонстрантами расценивалась как ответ на контрреволюционный бунт, направленный на свержение социалистического строя².

Таким образом с мая-июня проявлялось все более зримо нарастающее желание демократических реформ в ГДР.

Эти настроения завоевывали все больше сторонников прежде всего в среде научно-технической и творческой интеллигенции, а также молодежи. Руководство же СЕПГ продолжало жить "в старом измерении", сохраняя неизменным прежний политический курс, приверженность принципам "развитого социализма", все больше противопоставляя себя не просто отдельным группам населения и союзническим странам, в которых начались перемены, но и логике здравого смысла, законам общественного развития. Противоречие между отживающими структурами власти, монопольным положением СЕПГ в обществе, системой тотального контроля со стороны органов государственной безопасности за населением, его искусственной изоляцией от внешнего мира, с одной стороны, и назревшими потребностями демократических реформ — с другой, неизбежно должно было найти какую-то форму разрешения. Было необходимо сделать исторический выбор, который предполагал два пути: 1) демократические реформы, консолидацию прогрессивных сил; 2) стремление "не поступаться принципами", то есть дальнейшее противостояние.

Жизнь развивалась по второму сценарию, все время обостряя проблемы, и привела в конце концов хотя и к мирной революции, но сопровождавшейся весьма драматическими событиями.

22–23 июня ЦК СЕПГ провел пленум, на котором в общей форме была выражена озабоченность развитием событий и осуждены "попытки определенных сил, которые под знаменем обновления социализма стремятся к его уничтожению". Но главное внимание уделялось не этому, а рутинным вопросам: о выборе делегатов на XII съезд СЕПГ, который планировалось созвать в мае 1990 г., об активной подготовке к празднованию 40-летнего юбилея ГДР. Все это происходило в условиях возраставшего потока беженцев из страны.

В сентябре события начали приобретать все больше острейший, неуправляемый характер. Накопившиеся пробле-

мы и требования стали звучать в полную силу на массовых демонстрациях, заявляли о себе новые партии, пришло в движение все общество, все чаще по обе стороны германо-германской границы ставился вопрос о будущем немецкой нации. В этой уже достаточно сложной обстановке проходили официальные торжества по поводу 40-летия ГДР. В юбилейной речи Э.Хонеккера 7 октября по неизменной традиции отмечались успехи страны, историческая необходимость ее основания в 1949 г., провозглашались заверения в том, что "именно сейчас, когда влиятельные круги ФРГ хотят одним ударом уничтожить результаты второй мировой войны и послевоенного развития, им придется вновь убедиться, что в этих реалиях ничего нельзя изменить... что ГДР на западной границе европейских социалистических стран доказывает на деле свою роль преграды против неонацизма и шовинизма. Мы и дальше будем преобразовать в цветах ГДР нашу республику в содружестве социалистических стран путем политики преемственности и обновления. Цели изложены в программе нашей партии. Речь идет о дальнейшем строительстве развитого социалистического общества. ...Те, кто при создании ГДР предсказывали ей недолгую жизнь всего в несколько недель, давно уже отброшены на обочину истории"². Приезд М.С.Горбачева на юбилейные торжества, и его официальная речь, а в большей степени содержание конфиденциальных бесед с руководителями ГДР (которое не стало секретом для общественности) давали понять, что советская страна не будет вмешиваться в дальнейшее развитие внутривнутриполитических событий; а это еще больше склонило чашу весов в сторону демократического обновления, решительности действий обновленческих сил, а также способствовало поляризации и в руководящих партийных и государственных органах.

В этот же день в Лейпциге, Дрездене и других городах прошли массовые демонстрации с призывами провести демократические реформы. Для разгона демонстрантов использовались силы полиции. Но ни аресты, ни угрозы уже

не могли остановить народ, который хлынул на улицы и площади. В последующие дни массовые демонстрации проходили одна за другой, объединяясь вокруг церкви, оппозиционных движений - "Нового форума", групп "Демократический прорыв" и "Объединенные левые", гражданского движения "Демократия сейчас" и др. Основной лозунг, который появился в те дни и символизировал новые настроения в обществе - "Wir sind das Volk" ("Мы - народ")⁴, давал понять, что настало время, когда народ решает судьбу страны.

11 октября Политбюро ЦК СЕПГ выступило с заявлением, в котором содержалось обращение ко всем гражданам республики. В нем, в частности говорилось: "Социализм нуждается в каждом. В нем найдутся место и перспектива для всех. Он - будущее подрастающих поколений. ... Многие из тех, кто в последние месяцы повернулся спиной к нашей республике, стали жертвами крупной провокации... 40-летие основания ГДР империалистические силы выбрали как подходящее время, чтобы с помощью кампании ненависти в массовых средствах информации заронить сомнение относительно социализма и его перспективы..."⁵.

Таким образом, используя прежние пропагандистские методы, руководство СЕПГ пыталось удержать в своих руках власть и, давая аванс на будущее, обещало "на следующем пленуме ЦК" обобщить те предложения, которые поступали со всех концов республики в результате дискуссий и обсуждений в организациях СЕПГ. Уже оставалось чуть больше трех недель до начала мирной революции, а "сверху" звучали ноты уверенности в незыблемости принципов, которые рушились день за днем. "Сегодня, как никогда раньше, - говорилось в этом обращении, - необходимо доверительное сотрудничество, чтобы найти сообща ответы на вопросы, которые задают себе многие и касаются всех, - ответы, которые пойдут на пользу нам всем. Они не могут быть найдены в капиталистическом прошлом. Социализм на немецкой земле не может быть отменен волевым решением. Народ ГДР навсегда сделал выбор в пользу со-

циализма"⁶.

Последовавшая через несколько дней отставка Э.Хонекера (18 октября) и попытка нового лидера – Э.Кренца повлиять на ход событий были явным запоздалым решением. Кризис власти достиг высшей точки, а идеи социализма и коммунистической партии оказались так сильно дискредитированы, что в результате этого на СЕПГ обрушился шквал недовольства и обвинения "во всех грехах". И даже обещание Э.Кренца в короткий срок принять закон о выезде, а также провести свободные выборы не помогло ему сохранить ни свой пост, ни партию от окончательного краха.

Днем революции стало 4 ноября, когда в Берлине прошла самая массовая – 500.000 чел. – демонстрация за всю историю страны. В числе разнообразных лозунгов и требований основными были: новые выборы президента Народной палаты и отставка правительства. Накал общественных волнений, накопившиеся нерешенные политические, экономические, правовые, национальные проблемы неизбежно должны были привести к радикальным изменениям не только самой ГДР, но и ее отношений с ФРГ.

В тот же день по радио и телевидению было передано обращение нового председателя Государственного совета и лидера все еще руководящей (согласно Конституции) партии – Э.Кренца. Это был призыв к терпению, консолидации, обещание в ближайшем будущем решить вопросы, которые волнуют граждан республики. Вновь говорилось о проблеме беженцев, им адресовались слова: "Доверьтесь нашей политике обновления! Ваше место, дорогие сограждане, – здесь. Мы нуждаемся в Вас"⁷. В этой ситуации 8 ноября на пленуме ЦК СЕПГ были предприняты последние попытки "спасти" партию и направить происходящие процессы в русло обновления "реального социализма". Этой задаче служили выборы нового состава Политбюро и провозглашение программы действий "Шаги к обновлению", которая предусматривала реформу политической системы и создание социалистического правового государства, отмену цензуры над печатью, все-

объемлющую экономическую реформу, свободу творчества для деятелей культуры и искусства, стимулирование развития науки (в том числе общественной), реформу системы образования, создание независимых профсоюзов, обновление СЕПГ и др.

На пленуме шел резкий и критический обмен мнениями о положении в стране, о причинах, приведших ее к этой черте, о политических, экономических, социальных проблемах, которые выплеснулись на волне демократических требований. Впервые было открыто сказано о том, что серьезные ошибки бывшего Генерального секретаря и Политбюро партии привели общество к глубокому кризису.

Воссоздавая хронику событий тех дней, трудно дать полную картину взаимосвязанных явлений, перечень фактов и показать роль всех политических партий, гражданских движений, которые в сумме определили дальнейший путь движения страны. Но очевидно, что значительное влияние на исторический поворот ГДР сыграли влиятельные силы ФРГ. Хочется в этой связи напомнить, что 8 ноября, когда в Берлине проходил упомянутый выше Пленум ЦК СЕПГ, в Бонне на заседании бундестага выступал федеральный канцлер Г.Коль с докладом "О положении нации в разделенной Германии". Это было довольно обстоятельное изложение новой ситуации в Европе, но прежде всего анализ положения в ГДР, проблемы беженцев и будущего страны. В частности, в выступлении подчеркивалось: "Волна беженцев из ГДР, которая всех нас будоражит и привлекает внимание всего мира, является симптомом коренной проблемы ГДР: политическое руководство там не является избранным свободно, и поэтому многие наши соотечественники не могут идентифицировать себя с этим государством"⁹. В этой связи говорилось о том, что ГДР сама должна создать необходимые предпосылки для развития качественно новых отношений с ФРГ. Такими условиями должны были стать по мнению канцлера, открытый обмен информацией, быстрое и всестороннее снятие ограничений для выезда, устранение всяческой цензуры, как можно больший обмен и

сотрудничество в области науки и образования. В докладе Г.Коля г ворилось: "Я заявляю новому руководству ГДР свою готовность поддержать путь перемен, если она готова к реформам. Косметических исправлений недостаточно. Мы не хотим стабилизировать ставшее неустойчивым состояние. Но мы готовы к всесторонней помощи в том случае, если будет окончательно решен вопрос о фундаментальной реформе политических и экономических отношений в ГДР, СЕПГ должна отказаться от своей монополии на власть, допустить независимые партии и обеспечить свободные выборы. Только при этом условии я готов говорить о совершенно новых размерах нашей экономической помощи"¹⁰.

Под неослабевающим давлением со стороны населения ГДР и соседней ФРГ и в связи с осложнением отношений с другими странами из-за потока беженцев правительство объявило 9 ноября об открытии границы между Западным и Восточным Берлином. Эта новость произвела ошеломляющее впечатление и была воспринята немцами с высоким эмоциональным подъемом. В этот день чувства свободы, национального единения, ощущение праздника от неожиданно достигнутой цели объединения семей переполняли сердца людей по обе стороны берлинской стены, крушение которой происходило на глазах. Эйфория, охватившая большинство людей в результате мирной ноябрьской революции (такое название она получила по аналогии с Ноябрьской революцией 1918 г. в Германии), создавала иллюзию возможного быстрого решения всех скопившихся в обществе проблем. Следует отметить, что в то время у восточных немцев еще жила вера в возможность обновления социализма. Характерно, что практически все партии, как ранее существовавшие, так и возникшие осенью 1989 г., не связывали будущее своей страны с реставрацией капитализма. Большинство новых левых партий и разного рода движений предлагали проекты реформирования социалистического общества. Заявили о себе ученые-обществоведы, которые выступали с идеями политических и экономических реформ. Среди этой части общества было ве-

лико желание создать что-то свое, особое, найти "третий путь", но на основе гуманного, демократического социализма, предлагались возможные концепции¹¹.

Характерно и то, что в этот период даже представители левых сил ФРГ, прежде всего социал-демократы, поддерживали идею обновления социализма в ГДР, которому нужно придать своего рода "второе дыхание". Однако после крушения берлинской стены 9 ноября маятник общественных настроений качнулся резко в другую сторону. И многие из тех граждан ГДР, которые недавно на демонстрациях и митингах призывали улучшить жизнь в собственной стране, поддавшись общим настроениям, все чаще стали ориентироваться на путь скорейшего объединения и тем самым решения собственных проблем.

13 ноября в результате давления со стороны различных общественных сил (как внутри страны, так и вовне) состоялись выборы нового президента Народной палаты ГДР - высшего органа государственной власти. На пост премьер-министра был избран Ганс Модров, бывший первый секретарь дрезденского окружкома СЕПГ, который завоевал большой авторитет своей принципиальной позицией, открытым поведением и стал к тому времени очень популярным¹². 17 ноября новый глава правительства ГДР выступил на заседании Народной палаты, где изложил основные положения правительственной программы. Прежде всего это касалось экономической реформы, изменений в государственно-правовой сфере и др.

Значительную роль в дальнейшем развитии событий сыграл план будущей германской конфедерации, который был предложен канцлером Г.Колем 28 ноября и вызвал весьма противоречивую реакцию как в обоих германских государствах, так и в других европейских странах. С одной стороны, предложенный путь поэтапного сближения ФРГ и ГДР усилил их стремление к быстрейшему объединению, с другой - вызвал опасение, что излишняя поспешность в этом вопросе может привести к нарушению имеющегося рав-

новения между Востоком и Западом, к ущемлению прав граждан ГДР, ухудшению их положения и дополнительным экономическим и финансовым проблемам в ФРГ. Вместе с тем следует отметить, что совершенно не отвечающей сложившейся реальности была позиция руководства СЕПГ – в интервью Э.Кренца по-прежнему звучала идея о том, что "единство Германии не стоит на повестке дня". На другом полюсе общественной жизни ГДР была та часть населения, которая потребовала немедленного объединения. Сдержанный подход проявился в коллективном обращении к народу, с которым выступили известные писатели, художники, ученые и представители церкви ГДР, призывавшие сохранить самостоятельность своей страны. В ответ на план Г.Коля правительство, возглавляемое Г.Модровым, предложило свой вариант будущего развития отношений между ГДР и ФРГ в виде договорного сообщества, пытаясь придать этому процессу характер постепенного сближения на основе государственного суверенитета.

Под новым напором требований со стороны разных общественных сил Народная палата ГДР приняла 1 декабря решение отменить статью Конституции о руководящей роли СЕПГ. Одновременно с этим на основе предъявленных обвинений в различного рода злоупотреблениях были исключены из партии ее бывшие лидеры: Э.Хонеккер, В.Штофф, В.Кроликоский, Э.Мильке, А.Шальк-Голодковский, Г.Тиш и др. Прежние высшие партийные функционеры сошли с политической арены, но серьезные политические ошибки коммунистического руководства создали для партии крайне трудную обстановку. В результате накалившейся вокруг СЕПГ обстановки и переживаемого ею кризиса Политбюро и весь состав ЦК 3 декабря было решено распустить и на ближайшем съезде а партии потребовать от ЦК отчета о причинах кризиса в партии и обществе. 8 декабря начался чрезвычайный съезд СЕПГ. К этому моменту практически от прежней партии уже осталось немного, не столько по причине значительного сокращения ее численности, сколько пото-

му, что на смену прежнему единомыслию пришло многообразие взглядов на будущее и самой партии, и общества в целом. В результате острого обсуждения большинство из двух с лишним тысяч делегатов высказалось за изменение названия партии, хотя были и более радикальные предложения о ее роспуске. Председателем нового президиума СЕПГ - Партии демократического социализма был избран 41-летний Грегор Гизи, юрист по образованию. Новое, двойное название партии свидетельствовало об осознании ее членами не очень приятной для них истины: бывшая СЕПГ настолько утратила свои позиции и авторитет, дискредитировала себя и явилась одной из основных причин кризиса в обществе, что у нее нет будущего. Единственно возможный путь, который, как казалось большинству членов партии, мог стать мостом в будущее, - это путь демократического социализма, путь обновления партии - ее программы, целей, организационных принципов и т.д. Этот путь и был определен в более законченной форме, когда партия оставила за собой название "Партия демократического социализма" (на съезде в феврале 1990 г.) и приняла программу своих действий¹³.

Естественно, следует помнить, что радикальные изменения роли СЕПГ и ее внутривнутрипартийные перемены происходили в условиях всеохватывающего кризиса всех общественных структур, растущего числа других партий, возрождения и деятельности социал-демократов, которые имели ощутимую поддержку со стороны западногерманской СДПГ. Открытые границы с ФРГ, активное участие и заинтересованность в судьбе ГДР другого немецкого государства оказывали едва ли не решающее влияние на процесс дальнейшей трансформации политической и экономической жизни республики. В условиях всеобщего кризиса единственно возможной формой решения государственных проблем стал "круглый стол", работа которого началась 7 декабря с участием представителей 16 партий, политических объединений и организаций¹⁴. Впервые в ГДР была предприня-

та попытка формирования политики на основе демократического обмена мнениями в условиях конфронтации политических взглядов. В результате консенсуса были выработаны документы (Социальная хартия, Новая Конституция), которым отводилась серьезная роль в защите социальных и гражданских прав.

К сожалению, ход и результаты первых свободных выборов в Народную палату ГДР (18 марта 1990 г.) показали, насколько трудно приживались новые формы демократии, для полнокровного развития которых, видимо, требовалось значительно больше времени, чем позволяли в тот момент специфические исторические условия. Как представляется, одной из причин победы консервативных сил на этих выборах стало не только отрицание избирателями социализма "в цветах ГДР", но и нежелание большинства населения пройти сложный путь развития новых форм демократии. Гораздо проще было проголосовать за те партии, которые предлагали парламентаризм по западному образцу. Здесь, видимо, сказалось и определенное, сформировавшееся за долгие годы у граждан ГДР такое качество, как биполярность политического мышления. Выбор по принципу "либо одно, либо другое", который являлся идеологическим постулатом, основой социального поведения, не позволял в короткий срок изменить эти ценностные установки и привел к такому результату.

Логика исторического развития неизбежно, в новом виде поставила в конце 1989 г. германский вопрос. Объективные законы развития межгосударственных отношений в Европе, рост национального самосознания, давнее устремление немцев к преодолению раскола, тесные родственные связи, крах жесткого, казарменного социализма в ГДР и надежда на демократические перемены – вот те элементы, которые сыграли роль катализатора и привели к неожиданно быстрому движению двух государств навстречу друг другу, и в конечном счете их объединению. Хотя разумеется, в данном случае такой итог был получен в

результате взаимодействия многих составляющих сил и факторов, весь комплекс которых еще предстоит понять и определить. Но совершенно очевидно, что ни в одной из восточноевропейских стран, в которых осенью 1989 г. было поставлено под сомнение само существование социализма, не было тех специфических условий соседства с "национальным старшим братом", которые придали всем процессам в ГДР острую, быстротекущую форму и привели в конечном счете к ее поглощению Федеративной Республикой Германией.

Сжатое изложение того, что произошло, и некоторые размышления по поводу того, почему это произошло, можно завершить следующими выводами. По нашему мнению, основной объективной причиной бурных революционных событий в ГДР стало то, что в этой стране особенно четко проявились и как бы наслоились друг на друга три процесса: 1) общецивилизационный отход от прежнего принципа противостояния двух мировых систем, все большее утверждение общечеловеческих ценностей и приоритетов; 2) проявление дальнейшей нежизнеспособности социализма в той укрупненной форме, которая основывалась на жестком централизме, фактически монопольном положении СЕПГ в обществе, двойной морали, искусственной изоляции от соседних стран и др.; 3) рост национального самосознания немцев*, стремление к нормализации отношений между ГДР и ФРГ.

Были причины и субъективного характера, прежде всего отрыв партийно-государственного коммунистического руководства от реальности меняющегося мира в целом и требований демократических реформ в собственной стране.

Несмотря на то, что неизбежно уходит в прошлое переломный для ГДР 1989 год, исследователям еще предстоит не раз возвращаться к анализу и осмыслению случившегося, чтобы в полной мере понять суть и движущие силы этих радикальных и во многом неожиданных перемен. В за-

* Фактор национального самосознания – тема следующей статьи о бывшей ГДР – прим. ред.

ключение хочется привести слова, которыми молодой ученый и публицист А.Брий выразил в статье "Прощай, ГДР" свое отношение к этому историческому повороту (накануне вступления в силу валютного союза между ФРГ и ГДР 1 июля 1990 г.): "У меня настроение прощания, хотя я знаю уже давно, что ГДР больше не имеет перспективы. Шансы были проиграны, начиная с 13 августа 1961 г.* Необходимо, хотя и очень тяжело подвести в собственном сознании и чувствах эту черту - нет больше ГДР, ее не будет больше никогда, и то, что нас теперь ждет - это капиталистическое общество... Мы станем частью капиталистической Германии. Но это не изменит ничего в том, что левые в ГДР честно вступят в это объединение; и ничего в том, что история ГДР будет продолжать жить в объединенной Германии"¹⁵.

Примечания

1. См.: Новое время. - М., 1989. - № 41. - С. 24-25.
2. Neues Deutschland.-В., 1989.-5 Juni.
3. Ibid.-9.Okt.
4. В ноябре 1989 г. этот лозунг звучал все чаще уже в несколько измененной форме: "Мы - один народ". Данная трансформация отражала изменение общественного настроения, переход от требований демократических реформ в своей стране к призыву объединения с ФРГ.
5. Neues Deutschland.-В., 1989.-12.Okt.
6. Ibid.
7. Ibid.-4/5.Nov.
8. Ibid.-11.Nov.

* В ночь с 12 на 13 августа 1961 г. части народной армии ГДР перекрыли границу с Западным Берлином. возвели на ней укрепления в виде высокой стены из железобетонных плит, заграждений из колючей проволоки, простреливавшейся с пограничных вышек запретной полосы и т.д. Попытка отгородиться от внешнего мира железобетонной стеной, высокопарно именовавшейся "антифашистским защитным валом", свидетельствовала о полнейшей неспособности так называемого реального социализма убедить собственное население в якобы присущих этому социализму "преимуществах" силой его позитивного примера. Расписаться в этой неспособности подобным позорным образом - действительно значило проиграть многое, если не все.
- Прим. ред.

9. Zur Lage der Nation im geteilten Deutschland.-Bonn, 1989 S.14.
10. Ibid.
11. Подробнее см.: Texte zu Politik, Staat, Recht/ Bluhm H., Brie A., Brie M. et al.-B., 1990.
12. Этот период его деятельности описан в книге: Arnold K. Die ersten hundert Tage des Hans Modrow.-B., 1990.
13. Подробнее см. в издании: Partei des Demokratischen Sozialismus/PDS/. Programm und Statut.-B., 1990.
14. Подробнее см.: Э. Харре. Уроки кризиса - "круглый стол" в ГДР (Обзор). - ИНИОН. Реф. сб. "Опыт друзей". М., 1990. Вып. 2.
15. Neues Deutschland.-B., 1990.-30. Juni-1. Juli.

И. В. ПАВЛОВСКИЙ

ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

События конца 1989 г. в Германской Демократической Республике больше всего напоминают революцию. В случае принятия такой формулировки сразу возникает вопрос о ее характере. Классическое ленинское определение революционной ситуации здесь мало что проясняет. Можно согласиться с тем, что и "верхи не могли больше управлять по-старому" и "низы не хотели" жить так дальше. Но уже никак нельзя сказать об "обострении выше обычного нужды и бедствий" трудящихся страны. Ведь очевидно, что экономическая ситуация в ГДР была не в пример лучше, скажем, советской или польской, а также и не докажешь того, что она сколько-нибудь ухудшилась по сравнению с предыдущим, так сказать, предреволюционным 1988 г. Да и со "способностью революционного класса на достаточно смелые революционные действия против правительства" обстоит не так-то просто, ибо затруднительно определить здесь тот самый "революционный класс". Одним словом, скрупулезный разбор таких неординарных событий и взвешенные выводы об их причинах, движущих силах и т.д. - дело будущего. Но, думается, уже и сейчас видно, что в

результате подобного научного разбора в силу своей большой роли в деле формирования общественного сознания на первое место выйдет здесь интеллигенция. Ни у кого не вызывает сомнения огромная роль в этих событиях евангелической церкви в ГДР, но также ни у кого не возникает желания связать эти движения с "христианским ренессансом" как определяющей тенденцией. И что совершенно очевидно, если говорить о специфической ситуации в ГДР, так это кризис национального самосознания, явившийся немаловажной причиной революционных событий, их катализатором. 40 лет две части единого немецкого народа шли по разным путям развития. Это не могло не наложить отпечаток на самосознание каждой из них.

Национальное самосознание всегда выступает стержнем государства, будь то четырехнациональная Швейцария или многонациональные Соединенные Штаты, движимые в начале нового времени стремлением руками "изгоев" Старого Света создать чуть ли не "град божий на земле" в Новом Свете и гордые своим социальным и национальным благополучием сегодня. Эти важные черты государственной стабильности у части граждан ГДР могли проявиться в начале существования республики в ощущении себя первым на немецкой земле государством рабочих и крестьян, "форпостом социализма" в Европе. После начавшейся в 1985 г. перестройки в СССР, волны гласности, которая, несмотря на временное запрещение отдельных советских изданий, все же достигла и этого форпоста "реального социализма", в умах граждан ГДР были поколеблены многие устои. То, о чем раньше только думали или говорили между собой, теперь стало всеобщим достоянием. А, как известно, правда "на уме" и правда "на языке" обладают совершенно разным общественным резонансом. И хотя, как уже отмечалось, в ГДР осенью 1989 г. ощутимых для населения признаков экономического кризиса еще не наблюдалось, да и политический кризис также стал набирать силу тоже лишь с лета-осени упомянутого года, но кризис национального са-

мосознания существовал уже с 1985 г. как постоянный фактор политической и всей общественной жизни. Корни этого кризиса были в поражении Германии в 1945 г., в оккупации и расколе Германии, и в наличии, конечно, советских вооруженных сил на территории ГДР. Но проросли эти корни в общественную неудовлетворенность, в т.ч. в национальную ущемленность, именно после 1985 г. в силу указанных выше причин. И не случайно очень часто встречающимся и вызывающим горячий отклик лозунгом демонстраций осени-зимы 1989 г. был лозунг "Мы - народ!".

Острая ситуация сложилась для руководства ГДР с самого начала перестройки, ибо выпады против советской системы партократии, ставящие ее как тоталитарную в один ряд с фашизмом, были выпадами и против лидеров СЕПГ, связавших свою судьбу с КПСС. Автору данной статьи, занимавшемуся становлением многопартийной системы в ГДР, не раз приходилось слышать скептические слова восточных немцев: "Да какая у нас многопартийная система?!" Эти слова обычно сопровождалась обреченным взмахом руки. Не было сомнения у граждан ГДР и в ее подчиненности "большому советскому брату" как доминирующей силе Варшавского Договора. И вот начавшееся в СССР изменение в период гласности оценок нашего прошлого, в т.ч. недавнего совместного прошлого, и особенно изменение оценок на официальном советском уровне поставило руководство ГДР в тяжелое положение: что делать? Некоторые, например Курт Хагер, пытались отделаться шуткой, что, дескать, не обязательно делать ремонт своего дома, если ремонт делает ваш сосед.

Однако народ не склонен был к шуткам. Все, кто сохранил веру в новый строй и в важную роль ГДР в движении человечества к социализму, ждали от лидеров СЕПГ, прежде всего от Э.Хонеккера, действий. А их-то как раз и не было. Формальных изъявлений единства с курсом СССР на обновление социализма хватало. Были, судя по косвенным данным, и попытки перераспределения средств в

социальную сферу с целью повысить жизненный уровень населения и тем сохранить политическую стабильность. Но поскольку в силу целого ряда причин поднять производительность труда не представлялось возможным, эти попытки зависали, что называется, в воздухе, и их авантурный характер не остался для общественности тайной. Это только подогревало оппозиционные настроения.

Приобретя к середине 80-х гг. огромное влияние на умы граждан ГДР, церковь во второй половине десятилетия стала формой для проявления оппозиционных настроений. Почувствовав особое внимание граждан ГДР к себе, телесеть ФРГ, трансляции которой свободно принимались в любой точке соседнего государства, строившего "развитое социалистическое общество", усилила акценты на идее единства германской нации и на пропаганде того, что мы называем "западными ценностями". Причем, учитывая обстановку, значительное место в трансляциях из ФРГ отводилось воспроизведению телепередач из СССР, особенно тех, где поднимались "щекотливые" для руководства ГДР вопросы.

Все это в конце 1988 - начале 1989 гг. переросло уже в другое качество. Граждане ГДР воспринимали перемены в Советском Союзе с действительно душевным трепетом. В общественном сознании страны произошел перелом. Что называется, и стар и млад, не сговариваясь, объединились в недоверии к своему правительству и руководству СЕПГ, которое продолжало делать вид, что ничего не происходит. И, собственно, события 1989 г. - результат постепенного выхода из подполья этой оппозиционной к властям, массовой формы национального самосознания. Основу ее составляла не просто обида восточных немцев на то, что они живут гораздо хуже своих западных соседей-немцев, а глобальное разочарование в социализме как в общественно-политической структуре. Было подвергнуто сомнению все то, чем жила народ Восточной Германии последние 40 лет, что составило каркас его официального национально-государственного самосознания. В подобной си-

туации негативное отношение к пройденному пути не могло бы проявиться в столь определенной и бескомпромиссной форме, как это было в ГДР в 1989 г., если бы не существовало альтернативной позитивной модели развития. Такой моделью стал общественно-политический строй в Западной Германии. Именно эта модель явилась путеводной звездой событий 1989 г. И даже движение тоталитарно-коммунистической СЕПГ к плюралистически-социалистической ПДС, т.е. движение от большевистско-коминтерновского типа партии к реформистскому типу "демократического социализма", было, как и в других восточноевропейских странах, движением только к западной модели развития, а отнюдь не какой-либо обновленной советской модели.

Сейчас, конечно, легко задним числом объяснять многие моменты, выстраивая цепь событий, относя одни происшествия к малозначительным, другие определять как звенья в цепи кардинальных изменений. Представить конец 1989 г. для ГДР из начала или даже лета 1991 г. весьма затруднительно. Оттуда, из начала 1989 г. эти революционные события, похоронившие ГДР, воспринимались как временные, случайные, возникшие по причине "отдельных недостатков" в общем потоке поступательного и необратимого социалистического движения ГДР. Январский (1989 г.) номер журнала "Айнхайт" убеждал читателей, что ни в 70-е, ни в 80-е гг. в стране не было стагнации, что переходить к рыночным отношениям (в том смысле, как об этом тогда говорили в СССР) сейчас не имеет смысла, так как экономика ГДР развивается нормально¹. Однако в январе в Лейпциге отмечаются уже первые массовые демонстрации (несколько сот человек) и первые аресты², а вышеупомянутый журнал помещает статьи, где высказываются сомнения в необходимости изменения политического курса³. Судя по всему, до Э.Хонеккера действительно не доходило, чего хотят эта молодежь и эти интеллигенты, когда страна развивается хорошими темпа-

ми, дает стабильный прирост национального дохода. Думается, что отчасти и это непонимание также способствовало более четкому обозначению в общественном сознании разницы между "мы" (народ) и "они" (руководство).

И поэтому, когда в феврале 1989 г. в газетах и журналах велась дискуссия о ценах, об элементах свободного режима, о действительных нуждах экономики, это не вызвало такой горячей реакции, как опровержение агентством АДН сообщения западногерманской газеты "Вельт", будто миллионы граждан ГДР хотят выехать в ФРГ. Здесь впервые проблема выезда, пусть и в закамуфлированном виде, квалифицируется как форма протеста, хотя по-прежнему более привычной формой являлись демонстрации. Так, 7 мая в Лейпциге опять потребовалось вмешательство полиции и аресты⁴, чтобы ликвидировать оппозиционную демонстрацию во время выборов в Народную палату. Были беспорядки и в Берлине.

Средства массовой информации ГДР с февраля по июнь активно выступали против "духовной агрессии"⁵ Запада против ГДР по вопросу о Берлинской стене. И здесь тон руководителей ГДР был безапелляционен: дескать не по своей воле эту стену возвели, больше четверти века простояла и будет стоять впредь. Сегодня, конечно, уже ясно, что этот безапелляционный тон - свидетельство полной неспособности коммунистического руководства понять свой народ, потерявшего с ним всякую духовную связь. Да и как узнать волю этого народа? Органы самоуправления при господстве СЕПГ имели в значительной мере формальный характер. Впрочем, дискуссия об органах самоуправления закончилась заявлением от имени ЦК СЕПГ от 14 апреля, что, дескать, "только тому, кому недоступно диалектическое мышление, непонятно сочетание государственного планирования и расширения самостоятельности предприятий"⁶. 10 июня около 200 демонстрантов вышли вновь на улицы Лейпцига⁷, а центральная пресса как ни в чем не бывало обсуждала планы социального

развития на 90-е годы⁸. От имени СЕПГ привычно раздавались заверения того типа, что де "граждане ГДР твердо поддерживают свое социалистическое государство... На немецкой земле, на родине Маркса и Энгельса, социализм утвердился навечно"⁹. И уж совсем раздражающим общественность были заявления члена политбюро, секретаря ЦК СЕПГ К. Хагера, что перестройка и конфликтные ситуации в некоторых социалистических странах возникли там по причине недостатков в руководстве марксистско-ленинскими партиями, чего не было в ГДР¹⁰.

С начала августа события стали набирать темп. Первые граждане ГДР самовольно пересекли границу Венгрии с Австрией, первые беженцы из "форпоста социализма" оказались в посольстве ФРГ в Венгрии. При этом Венгрия еще пока помогает задерживать бегущих в Австрию восточных немцев. К концу августа проблема беженцев из ГДР обострилась, число их быстро, можно сказать, в геометрической прогрессии возрастало. 4 сентября в Лейпциге перед ставшей позже знаменитой Николайкирхе вновь собрались сотни демонстрантов¹¹. Но еще недавно единая толпа оппозиционно настроенных людей уже поляризовалась. Если одних устраивал лозунг "Мы хотим уехать", то другие скандировали: "Мы остаемся здесь".

В сентябре появилась статья Э.Хонеккера, подтверждавшая, что ГДР идет правильным путем¹². А в Лейпциге каждый понедельник у Николайкирхе собираются, несмотря на аресты, тысячные толпы протестующих. В массовом порядке люди бегут за границу. А руководство страны по-прежнему делает вид, что ничего не происходит. Наконец местная газета в Лейпциге "Фольксцайтунг" от 26 сентября впервые сообщает о ставших постоянными (каждый понедельник) демонстрациях в Лейпциге¹³. 2 октября у Николайкирхе уже свыше 20 000 - столкновение с полицией, аресты, и в прессе 6 октября¹⁴ помещено сообщение о массовом выступлении "контрреволюционеров" и о возможном применении оружия. Но эти угрозы политической ак-

тивности населения не убавили. По данным западной прессы¹⁵, к концу сентября в ГДР сформировались общественное движение "Новый форум" - из 5 тыс. человек и партии "Демократический прорыв", "Демократия сейчас", "Социал-демократическая партия", "Восточная ХСС" и др. В то время как будущий кратковременный глава ГДР Э.Кренц защищает на страницах партийной печати марксизм-ленинизм¹⁶, 2 октября по указанию Э.Хонеккера была организована отправка двумя поездами через территорию ГДР желающих переселиться в ФРГ. Однако число желающих после этого никак не убавилось.

Визит М.С.Горбачева 7 октября в ГДР по поводу 40-летия образования государства ничего не изменил в динамике событий. 7 октября и в Берлине, и в Лейпциге, и в других городах произошли массовые демонстрации протеста. Полиция применила дубинки и водометы, пресса писала о "хулиганах", пытавшихся испортить праздник. Но когда Э.Хонеккер и Н.Чаушеску встретились в Берлине 9 октября, в Лейпциге на улицы вышло 70 000 человек с требованием начать диалог с населением. 16 октября - свыше 120 000 человек, 23 - 150 000, наконец 30 октября - 300 000¹⁷. Кризис национального самосознания вылился в кризис власти. Все меры правительства выглядели как запоздалые: и заявления политбюро ЦК СЕПГ о стремлении к диалогу, направленному к обновлению социализма¹⁸, и встреча 13 октября руководителей партий блока. Наконец, 19 октября 1989 г. решением пленума ЦК СЕПГ с поста руководителя партии снимается Э.Хонеккер. Занявший его место Эгон Кренц был фигурой старой формации, он не проявил себя как сторонник борьбы с коммунистическим тоталитаризмом, и надежды у оппозиции было на него мало, но лед тронулся.

Между тем многотысячные демонстрации в Лейпциге, Дрездене и Берлине продолжают. 27 октября Государственный совет объявил амнистию почти всем арестованным за участие в демонстрациях, кроме тех, кто призывал к насилию. ГДР попадает в странное положение. С одной сто-

роны, побывав в Москве и получив заверения в поддержке своего курса на сохранение западного "форпоста социализма" Кренц в телефонном разговоре с Колем 26 октября говорит, что ГДР останется социалистической страной, с другой - М.Богитш, один из лидеров ЛДП пишет, что это еще не социализм, а только его каркас¹⁹. Так, продолжая защищать особенности развития своей страны при обсуждении вопроса об объединении Германии, новые руководители ГДР никак не могли уже договориться о том, что же это за особенности. Социализм? А социализм ли это? Выяснить вопрос не удастся до последнего дня существования ГДР. А между тем то, чему не могли найти согласованное определение, быстро разрушалось. Причем стоит отметить, что партии Блэка уже не следовали в русле политики СЕИГ. Да и было ли в ноябрьские дни 1989 г. это русло? 6 ноября в Берлине демонстрация 500 тыс. человек. Протестуют против монополии СЕИГ на власть, против недемократического режима, за свободу, за отставку правительства.

Впервые четко поставленная кампания лозунгов, транспарантов и ораторов за воссоединение Германии наблюдалась 20 ноября в Дейпциге, где наряду с этими лозунгами были и лозунги об отделении Саксонии²⁰. К декабрю уже определились среди демонстрантов два течения - "Германия - единое отечество" и "Мы не хотим объединения по плану Коля". Последнее обстоятельство чрезвычайно важно. Восточные немцы не были против воссоединения Германии, но некоторые слои населения видели, что складывается ситуация, когда сама форма объединения полностью зачеркивает прошедшие 40 лет как бесполезно прожитые, а население ГДР ставит в положение бедных родственников. Чувство человеческого достоинства многих граждан ГДР должно было воспротивиться такому положению вещей. Отсюда становится понятно, почему лозунг "Мы не хотим объединения по плану Коля" приобрел большую популярность. Хотя люди, поддерживавшие и этот лозунг, поддерживали равным образом и лозунг "Германия - единое отечество",

ибо главная и определяющая черта национального самосознания граждан ГДР выражалась все-таки в стремлении быть вместе со своими братьями и сестрами из Западной Германии. Теперь главными до выборов 18 марта в Народную палату ГДР станут три момента. Во-первых, изменение роли СЕПГ в обществе, которая постоянно падает. Во-вторых, вопрос объединения Германии. В-третьих, вопросы, связанные со вторым пунктом о членстве в НАТО, СЭВ, ЕЭС. Изменения в руководстве ГДР мало повлияют на динамику в этих вопросах, а она будет стремительна.

Нет необходимости останавливаться на таких мелочах, как смена в коммунистической аристократии Э.Кренца на Г.Гизи. Гораздо важнее отметить, что 17 декабря было заявлено о роспуске Ведомства национальной безопасности — непеременимого охранно-репрессивного атрибута коммунистической системы, ее стового хребта. 2 января 1990 г. будет объявлено о сокращении аппарата СЕПГ. Налицо не просто уступки демократическим силам, а почти полное поражение старой власти. Правда, возникают протесты против объединения с ФРГ²¹, протесты против возрождения неонацизма, но они не означают восстановления доверия к "старому". Пожалуй, единственным активным направлением в динамике общественного сознания восточных немцев в декабре 1989 г. было устранение всех оставшихся препятствий на пути демократии. И прорывы на этом пути отмечались с большой радостью. Так, национальным праздником, можно сказать, было 22 декабря — открытие Бранденбургских ворот и установление свободного перемещения граждан между западным и восточным Берлином²².

Ситуация продолжала меняться. То, что казалось справедливым для сегодняшнего дня, завтра могло потерять актуальность. Очень быстро изменилось положение СЕПГ в обществе. Если еще 8 января Г.Гизи сделал на страницах партийной прессы заявление, что СЕПГ, продолжая выступать за социальную защищенность населения, не отдаст своего имущества²³, то уже 15 января была опубликована

информация о начале передачи партийной собственности в виде типографий, помещений и др. Однако положение СЕПГ продолжало осложняться. Отчасти это происходило и потому, что большое число членов партии, причем некоторые из числа недавних лидеров, например В.Бергхофен, выступали официально за выход из СЕПГ, а некоторые – и за роспуск партии²⁴.

Подвергались нападению и так называемые "компетентные органы", бывшие до недавнего времени опорой власти СЕПГ. Так, 16 января было взято штурмом в Берлине здание Ведомства национальной безопасности / (Staatsicherheit или сокращенно Stasi). К концу января 1990 г. против СЕПГ выступили почти все вновь образованные партии и общественные движения. 30 января Г.Гизи поставил вопрос о снятии 2-й части названия партии ПДС – СЕПГ, что и было произведено 3 февраля. Однако и Партия демократического социализма как преемница СЕПГ подвергается жесткой критике, несмотря на передачу в начале февраля в госбюджет 3-х млрд. марок²⁵.

В целом обстановка в начавшемся 1990 г. продолжала накаляться. Выборы, назначенные на апрель, были перенесены на 18 марта. Диалог за "круглым столом" налаживался с трудом. Довольно быстро изменилось мнение руководства СЕПГ-ПДС и по вопросу об объединении Германии. Если 8 января Г.Гизи говорил, что они не хотят судьбы четвертого рейха, который бы усилил НАТО²⁶, то уже 22 января речь пошла о нейтрально воссоединенной Германии²⁷. Однако лидеры ФРГ, в том числе и Г.Коль, категорически продолжали высказываться против "нейтральности" воссоединенной Германии. В результате к февралю наиболее популярной "в верхах" ГДР и ФРГ концепцией оказался план министра иностранных дел ФРГ Г.-Д.Геншера о сохранении Германии в рамках НАТО, но при демилитаризации территории бывшей ГДР.

Ясно одно: победила не восточногерманского руководства концепция, не тех демократов, которые выходили на

улицу с лозунгами о самобытности ГДР, а тех, кто высказывался за объединение, и за немедленное. План постепенного объединения Германии, изложенный Х.Модровым 30 января 1990 г. в Москве, воодушевив народ, быстро потерял актуальность, как только в ходе предвыборной борьбы наиболее радикальные общественные силы ГДР и поддерживающие их официальные круги ФРГ выдвинули похожий на модровский, но отличающийся меньшим количеством этапов и более высокими темпами план.

Западная пресса не скрыла своей радости по поводу того, что популярный в ГДР Х.Модров отказался баллотироваться от СЕПГ на выборах 18 марта²⁸. Совершенно не вызывает удивления победа на выборах движения за объединение (ХДС, ХСС и "Демократический прорыв") потому, что формой национального самосознания у граждан ГДР в этот переходный период оказалось чисто негативное отношение как к своим, органам власти, так и ко всему, что 40 лет навязывалось их сознанию. Именно поэтому вакуум "единства" в общественном сознании заменила идея объединения на основе западной модели германского развития. Известное влияние на массы сохранила и ПДС, как показали выборы. Однако нетрудно предположить, что проценты, полученные ею на выборах 18 марта, являются лишь жестом невольного страха перед быстрыми изменениями, но не показателем симпатий населения, что, безусловно, обернется дальнейшим падением популярности ПДС. Особенно, если принять во внимание скандальную попытку перевода немалой части валютных средств бывших коммунистов за рубеж, которая соответствующими инстанциями объединенной Германии квалифицирована как преступление и подлежит криминальному расследованию. Правда, сам Г.Гизи открестился от упомянутой акции как от дела, о котором он ничего не знал, но от этого ПДС не легче.

На чем могут "набирать очки" партии левого толка в объединенной Германии, сказать сейчас трудно, особенно

партии с марксистско-ленинской родословной. Одно можно сказать с уверенностью, что не коммунистический интернационализм, а скорее обновленное национальное самосознание будет доминировать в объединенной Германии. Важно констатировать, что объединенная Германия, возникшая в 1990 г. под лозунгом слияния всех европейских наций в единое сообщество, возродилась именно на базе обновленного национального самосознания. Но окажется большой бедой, если путь слияния стран Европы в единое сообщество для будущих политических лидеров Германии будет просматриваться лишь сквозь призму подчинения европейских стран укрепившемуся Германскому государству.

Примечания

1. Einheit, 1989, N 1, S. 19-20, 26.
2. Neue Berliner Illustrierte, N 3, 1990, N 3, S. 29.
3. Einheit, 1989, N 1, S. 17, Horizont, 1989, N 1, S. 17.
4. Neue Berliner Illustrierte, 1990, N 3, S. 29.
5. Junge Welt, 1989, N 6, S. 7.
6. Neues Deutschland, 1990, 14.04.
7. Neue Berliner Illustrierte, 1990, N 3, S. 30.
8. Neues Deutschland, 1989, 10.06.
9. Ibid., 1989, 17.06.
10. Weltbühne, 1989, N 25, S. 12.
11. Neue Berliner Illustrierte, 1990, N 3, S. 29-30.
12. Einheit, 1990, N 9/10, S. 788-797.
13. Leipziger Volkszeitung, 1989, 26.06.
14. Ibid., 1989, 6. 10.
15. Die Presse, 1989, 22.09.; Süddeutsche Zeitung, 1989, 23.09.
16. Einheit, 1989, N 9/10, S. 831-858.
17. Neue Berliner Illustrierte, 1990, N 3, S. 31.
18. Neues Deutschland, 1989, 12. 11.
19. Der Morgen, 1989, 30/31. 10.
20. Neue Berliner Illustrierte, 1990, N 3, S. 31.
21. Bauern Echo, 1989, 12. 12.; Nationalzeitung, 1989, 13. 12.
22. Neue Berliner Illustrierte, 1990, N 2, S. 5.
23. Neues Deutschland, 1990, 8.01.
24. Ibid., 1990, 22.01.
25. Ibid., 1990, 3.02.
26. Ibid., 1990, 8.01.
27. Ibid., 1990, 22.01.
28. Süddeutsche Zeitung, 1989, 23.02.

ЗАКАТ ПОЛЬСКОГО КОММУНИЗМА
(ПО ПОВОДУ XI СЪЕЗДА ПОРП - I КОНГРЕССА
СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ ПОЛЬСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)

Начало прошлого, 1990 г. стало концом такой формы коммунизма на польской земле, как Польская объединенная рабочая партия. Конец этот был предопределен многими причинами внутреннего и международного характера, среди которых хронический разрыв между словом правительственной больше 40 лет ПОРП и ее практическими делами, систематическая ложь идеологических оруженосцев партии и в большом, и в малом, преобладание в организационно-политическом багаже партийного руководства охранно-репрессивных методов, его неспособность решать насущные проблемы страны и т.п. Все это, а также многое другое привело к общему негативному итогу деятельности ПОРП в глазах широкой польской общественности, трудящихся страны - социальной базы коммунистов. Кредит доверия им за четыре послевоенных десятилетия был полностью исчерпан, и стал неизбежен такой финал многолетней "работы" коммунистов, как роспуск ими же самим своей организации.

I. Предсъездовский период

Одиннадцатый съезд ПОРП подвел итоги 40-летнему развитию системы административно-командного социализма в польских условиях. Этот съезд заслуживает внимательного рассмотрения прежде всего в качестве последнего, заключительного съезда полностью обанкротившейся политической партии. Подобному печальному для польских коммунистов событию предшествовала довольно длительная агония. Пожалуй, спорным может быть лишь момент начала этой агонии. Если государственная и социально-экономическая система неоднократно подвергалась весьма ощутимым по-

трясениям на протяжении послевоенных десятилетий, то позиции ПОРП как основы этой системы считались незыблемыми. Немногочисленные критики коммунистической партии как главной виновницы указанных потрясений решительно отвергались. Только в период 1980–1981 гг. акценты стали смещаться, марксистско-ленинский догмат о непререкаемости руководящей роли коммунистов был в этот период не то что поколеблен, а уже просто отвергнут в общественном сознании польского общества. Но до этого времени много воды утекло, и, как в других восточноевропейских странах, в Польше тоже была внесена в конституцию статья о ведущей роли ПОРП, вмонтированы в механизмы управления и все другие атрибуты коммунистического единовластия, хотя и в несколько более смягченной форме, чем, допустим, в ГДР, Румынии или СССР.

Непоправимый надлом этой системы коммунистического единовластия произошел по двум основным причинам: во-первых, по причине неспособности справиться с жесточайшим экономическим кризисом, возникшим в начале 80-х гг.; во-вторых, вследствие также того, что был взят курс на подавление внутренней политической оппозиции посредством введения в декабре 1981 г. военного положения.

Борьба с экономическим кризисом осуществлялась без кардинальной ломки административно-приказной системы управления народным хозяйством, а лишь путем создания неких "гибридных" условий функционирования предприятий, когда последним было предоставлено право самим определять номенклатуру изделий и цены на них, но централизованное распределительство всего и вся сохранялось. Негативные следствия такого рода "гибридных" условий хозяйствования не заставили себя долго ждать: тут и падение выпускаемой массы товаров, и "вымывание" ряда их из производства, и нарушение кооперационных связей между предприятиями, и, конечно, гиперинфляция. Пытаясь выпутаться из неприятного положения, правительство

страны вынесло в 1987 г. на рассмотрение народа предложение о снижении жизненного уровня на определенный срок в целях получения средств, необходимых для прогрессивной реструктуризации производительных сил, их модернизации. Референдум дал, однако, отрицательный результат, кредит доверия коммунистам был исчерпан. Союзнические же партии – ОКП и ДП или какие-либо другие организации не играли серьезной самостоятельной роли в управлении государством и экономикой, поэтому закономерно все трудности и неудачи связывались в сознании народа лишь с руководством ЮРП.

Правда, во второй половине 80-х годов идеологи ЮРП в рамках пропагандистского курса на национальное согласие заговорили о совершенствовании коалиционности в управлении государством, о ее новом содержании, могущем проистечь из активизации партнеров по коалиции – ОКП и ДП. Несколько позднее X съезда ЮРП (1986 г.) утвердился в официальной коммунистической печати и термин "плюрализм", но структура и суть осуществления государственной власти от всего этого несколько не изменилась – продолжала реализовываться руководящая роль ЮРП, а точнее ее высших эшелонов.

В декабре 1988 г. – январе 1989 г. произошел коренной поворот в концептуальном содержании и практической направленности политики ЮРП. Состоявшийся в это время пленум ЦК польских коммунистов принял решения, официально ознаменовавшие одобрение курса на развитие политического плюрализма и формирование системы парламентарной демократии. Руководство ЮРП официально признало, что в истории Польши завершился период, характеризовавшийся попытками реализации догмы исторической миссии марксистско-ленинской партии, которая присвоила себе право управлять народом независимо от его воли. В самой ЮРП отношение к подобным решениям пленума оказалось неоднозначным. Партийные массы были не готовы к такому повороту событий. Среди членов партии появились настро-

ения обвинять свое руководство в измене идеалам социализма. Усилились тенденции раскола. Этот пленум дал импульс к возникновению различных групп левого толка, организационно оформившихся в середине и второй половине 1989 г., когда разразился "бум" появления новых политических организаций и партий и восстановления ранее прекративших свою деятельность. Вообще же "членская масса" ЮРП была по сравнению, скажем, с Объединенной крестьянской партией, апатичной, не проявляла стремления к обновлению. Нарекания на инертность партийных масс, их безразличие к реформаторским поискам руководства имели место в одном из интервью первого секретаря ЦК ЮРП М. Раковского.

Непреодоленность социально-экономического кризиса, падение авторитета ЮРП в общественном мнении стали важнейшими причинами, подтолкнувшими ее руководство к проведению "круглого стола" с оппозицией, который проходил в феврале-марте 1989 г. Важнейшим итогом встреч и дискуссий за "круглым столом" стало создание двухпалатного парламента, в высшую палату которого – Сенат выборы назначались свободно, без заранее определенных квот. Состоявшиеся в июне 1989 г. выборы ознаменовались сокрушительным поражением коалиции, возглавлявшейся ЮРП, и вскоре ее распадом. Он носил остро эмоциональный и даже скандальный характер. Бывшие союзники ЮРП, особенно Объединенная крестьянская партия, не только свои собственные беды и неудачи объясняли союзом с коммунистами, но именно в них усматривали причины всех недостатков в развитии экономики и общества в целом. Члены ОКП однозначно негативно оценивали всю политику ЦКР-ЮРП, которая применительно к 40-м годам в многочисленных публикациях характеризовалась фактически как преступная. Фальсификация выборов в Законодательный сейм в 1947 г., противоправные, провокационные методы борьбы с С. Миколайчиком и его политическими приверженцами и т.п. – факты, которые коммунистами не оспаривались. Они заня-

ли здесь оборонительно-объяснительные позиции, стараясь обходить острые углы. А ОЖП, следует заметить, еще будучи союзником ЮРП, уже в начале 1989 г. повела с ней подлинную идеологическую войну, которая с оценок политического развития в 40-е гг. распространилась на другие вопросы, достигнув наибольшего размаха и остроты летом того же года.

Таким образом, результаты выборов сильно активизировали "закат" правившей четыре десятилетия партии, сдачу ею позиций в обществе и государстве. Последовавшие затем персональные перемены в высших органах власти, утрата представителями ЮРП ключевых постов в правительстве ознаменовали, по выражению, появившемуся в публицистике, начало IV Речи Посполитой. Новое правительство представлением в сейм ряда законопроектов начало практически осуществлять реструктуризацию планово-социалистического народного хозяйства Польши, повлекшую развертывание болезненных процессов приватизации, безработицы, дальнейшее снижение жизненного уровня.

На осень-зиму 1989 г. пришлось кардинальное преобразование политико-идеологической жизни страны. Оно выразилось в бурном процессе политической дифференциации польского общества, то есть возникновения групп и партий самой разнообразной ориентации. В конце ноября прекратила свое существование Объединенная крестьянская партия, на месте которой возникла Польская крестьянская партия - Возрождение, полностью отказавшаяся от идеологического наследия предыдущих десятилетий, а также утратившая исключительность представлять крестьянское движение. Одна из существенных общих черт большинства крестьянских партий и групп заключалась в критическом отношении к экономической политике правительства, особенно той ее части, которая касается сельского хозяйства.

Среди движений, представлявших реформаторское направление в рамках ЮРП, одним из наиболее влиятельных было принявшее название "8 июля". Это название не обозначало

собой никакого символа, а просто дату, когда в 1989 г. группа интеллигенции, в основном академической и вузовской, собравшись в Варшаве, консолидировалась и создала координационный комитет движения. Уже через несколько месяцев "8 июля" стало провозглашать идею создания новой партии демократического социализма, открытой для представителей всех левых сил и независимой от их прежней организационной принадлежности. Сторонники "8 июля" выступили с критикой принципа демократического социализма и ряда других ленинских принципов, например неприятия "вождем мирового пролетариата" политического плюрализма. По мнению сторонников "8 июля", ленинизм неразрывно связан со сталинизмом, и они намеревались решительно отвергнуть этот двуфамильный идеологический симбиоз. Марксизм перестал для них выступать в качестве единственного теоретического фундамента партии, было признано целесообразным обращение к различным теориям, в том числе и религиозным, идущим от римско-католической церкви.

"8 июля" с самого своего возникновения, несмотря на создание собственных организационно-управленческих структур, действовало как движение внутри ПЮРП. Еще в октябре 1989 г. в одной из дискуссий, организованных координационным комитетом этого движения, высказывалось даже предостережение, что "если партия сменит вывеску, то она умрет". На этой дискуссии, собравшей около 400 участников, в том числе со 100 предприятий и 30 учебных заведений, присутствовали представители высшего партийного руководства – члены Политбюро ЦК ПЮРП Д.Миллер и Я.Рейковский. Принимали участие в дискуссии и выступали секретарь ЦК ПЮРП С.Вятр и председатель группы по выработке устава Центральной Комиссии по подготовке съезда А.Квасьневский¹. Данное обстоятельство явилось одним из подтверждений идейной общности "Движения 8 июля" и руководства ПЮРП, приверженного реформаторству. Упомянутый форум принял текст "Деклара-

ция Движения 8 июля" и первым адресатом, которому она была направлена, оказался "Депутатский клуб ЛЮРП" сейма. Руководителем "Движения", точнее, председателем координационного комитета был весьма влиятельный партийный функционер - первый секретарь парткома Варшавского университета Л. Яськевич.

"Движение 8 июля", созданное группой интеллигенции, довольно скоро снискало популярность среди членов ЛЮРП, настроенных критически, считавших, что необходимы кардинальные реформы как в идейно-теоретической, так и организационно-уставной сферах. В то же время сознанию приверженцев этого движения было присуще убеждение, что оно неразрывно связано с партией и даже действовало в рамках ее структур. Л. Яськевич в интервью, данном им накануне упоминавшейся выше дискуссии, отрицательно отнесся к идее создания на базе "8 июля" самостоятельной партии, определяя конкретные организационные цели движения в качестве содействия скорейшему созыву XI съезда ЛЮРП. Он согласился с констатацией наличия в партийных рядах двух сильных идейных тенденций - социал-демократической, представленной в значительной мере "8 июля", и марксистской, олицетворяемой профсоюзным движением трудящихся и "Варшавским рабочим форумом". Но при этом проводилась скорее мысль укрепления единства². Данная мысль, однако, все более настойчиво стала связываться с идеей обязательного создания новой левой партии, но не реформирования ЛЮРП. В начале ноября стало замечаться смещение акцентов. "8 июля" все активнее подчеркивает важность идейных ценностей, которые нельзя разминать на искусственно поддерживаемое единство. 16 ноября Координационный комитет выступил с заявлением о невозможности дальнейшей поддержки тезиса руководства партии о ее единстве. Причиной такого решения назывался обмен мнениями на состоявшемся 9 ноября XVI пленуме ЦК ЛЮРП, где, как отмечалось в заявлении, "проявилось отчетливое наличие двух течений: реформистского и консервативного".

Этот пленум, кстати, принял решение о сроках и порядке проведения XI съезда ПУРП, а также утвердил тезисы программной декларации и положения уставной модели партии.

И в самом "8 июля" происходила радикализация позиций и настроений. На пресс-конференции 23 ноября 1989 г. секретарь Общепольского координационного комитета З.Семёнтковский заявил о расширении "Движения 8 июля" (в стране действовало более 30 местных отделений) и повышении его значимости. Ставились задачи активизации деятельности всех отделений и отдельных сторонников движения с тем, чтобы как можно больше его представителей было среди делегатов на очередной съезд партии польских коммунистов, оздоровление и дальнейшее функционирование которой признавалось невозможным, более того, подчеркивалось, что какие-либо действия в направлении приспособления ПУРП для существования в будущем могут привести к краху всего левого движения. На данной пресс-конференции ставился вопрос о том, что собой в настоящее время представляет левое движение? Но он остался открытым.

Требования роспуска ПУРП были повторены на общепольской встрече сторонников "Движения 8 июля", состоявшейся 8 декабря 1989 г., где констатировалось, что коммунисты морально и политически ответственны за преступления сталинского периода, за эксцессы принудительной коллективизации второй половины 40-х - начала 50-х годов, за острейшие конфликты с рабочим классом, не раз приводившие за так называемый социалистический период к крови, человеческим жертвам, за экономический кризис, пауперизацию польской интеллигенции. Еще раз подчеркивалось, что единство не должно быть самоцелью и даже провозглашалось, что "в настоящее время ничего так не требуется польским левым силам, как широкая платформа для интеллектуальной дискуссии". Особое значение "8 июля" придавало взаимоотношениям с партийным аппаратом, призывая реформаторски настроенных функционеров к сотрудничеству. В постановлении декабрьской встречи по предложению вице-маршала сейма Т.Фишбаха внесена запись,

призывающая работников партийного аппарата к большей политической определенности. Стремление "8 июля" к лояльным отношениям с аппаратом и партийным руководством, точнее, с его реформаторским крылом проявилось в призыве к поддержке лозунга, выдвинутого депутатским клубом ПОРП³.

В формально-юридическом отношении депутатский клуб ПОРП в сейме оказался в казусном положении — партия, от которой были избраны депутаты этого клуба, прекратила свое существование, а парламентская группа, ее представлявшая, оставалась. Но суть происходившего заключалась не только в том, что депутатов сейма от ПОРП никто не мог лишить депутатских полномочий, но и в том, что этот депутатский клуб стал представлять собой самостоятельную политическую организацию, стремившуюся к распространению своего влияния за парламентские рамки. Клуб насчитывал 173 депутата, в нем состояли такие известные лица, как Я.Рейковский, Л.Миллер, С.Вятр⁴. Председателем "Клуба" был член политбюро ЦК ПОРП М.Ожеховский.

Идеи "клуба", которые были, в частности, высказаны во время его встречи 11 октября 1989 г. с первым секретарем ЦК ПОРП, во многом совпадали с провозглашавшимися "8 июля". "Клуб" высказался за роспуск ПОРП из-за невозможности ее обновления, отрицал единство как самоцель и т.п.

В качестве самостоятельной организации депутатский клуб ПОРП выступил 30 октября с открытым письмом, содержащим платформу по социально-экономическим вопросам, и политико-программной декларацией⁵. В первом из этих документов депутаты от ПОРП заявили о своей готовности участвовать в коалиции гражданской ответственности за будущее Польши, а также сохранить организационное единство и сплоченность в действиях своего клуба независимо от того, продолжит ли свое дальнейшее существование ПОРП или нет, сделать из него парламентское представи-

тельство левых сил. В политико-программной декларации провозглашалось стремление к созданию современной партии демократических левых сил, трактующей свою деятельность как патриотический долг и служение польским национально-государственным интересам, способной эффективно выражать интересы людей, которые живут трудом своих рук и интеллекта и т.д.

Пропагандистская и парламентская деятельность клуба имела своим результатом укрепление его позиций и рост популярности в обществе – по данным Центра исследования общественного мнения, степень доверия общества парламентскому клубу ПОРП было намного выше, чем самой ПОРП⁶.

Среди многочисленных групп и политических клубов, возникших в рамках прекращавшей свою деятельность ПОРП, обращал на себя внимание Варшавский рабочий предсъездовский форум, имевший, несмотря на название, общепольское влияние. Он возник в июле 1989 г. сначала под названием Варшавский предсъездовский форум и опирался прежде всего на первичные партийные организации столицы. Ряд программных положений этого форума не отличался от программных положений других групп и течений. Это – необходимость создания совершенно новой партии левого толка, а не подновление ПОРП; распределение социальной базы будущей партии, то есть будет ли она партией рабочего класса или общепартийной партией; проблемы контроля за партийным руководством и т.д. Наряду с этим уже вскоре после возникновения Варшавского предсъездовского форума особо стали выдвигаться вопросы, связанные с положением трудящихся и прежде всего рабочего класса, высказывались суждения о том, что при многосекторности в экономике доминировать должен обобществленный сектор. Имели место предостережения об опасности далеко идущей приватизации в ходе осуществляемой правительством экономической политики, которая может вызвать его отход от своих обязанностей социально-защитного характера,

безработицу и т.д. Особое значение участники форума придавали вопросам взаимоотношений между партией и рабочим классом, интересы которого, по их мнению, недостаточно защищались ПОРП или даже были преданы ею. Доминирующая точка зрения заключалась в том, что рабочим считался тот, кто не владеет средствами производства и не имеет доступа к возможности ими распоряжаться. Партия же представляла государственного обладателя средств производства, а не рабочих. "Солидарность" в начале 80-х гг. взяла на себя отстаивание ряда справедливых рабочих требований. Многие участвовавшие в дискуссиях форума придерживались мнения, что будущая партия должна приобрести классовый характер. Настроения, доминировавшие на заседаниях форума, склонялись к осуждению множественности мнений, неопределенности и т.д., провозглашалась предпочтительность решения программных вопросов и достижения единства большинством голосов. Дискуссии форума открывались Р.Лукашевичем — председателем группы по уставным положениям модели партии в составе Центральной комиссии по подготовке съезда и руководителем коллектива, работавшего над этими постановлениями при Варшавском горкоме⁷.

В платформе Варшавского рабочего предсъездовского форума, опубликованной 30 октября 1989 г., подтверждался ряд положений, высказывавшихся ранее. Платформа заявляла об утрате ПОРП своей первоначальной социальной базы как итога манипуляций, следования ошибочным концепциям партийного руководства. Совершенно определенно говорилось о том, что политическая жизнь сосредоточена на центральном вопросе: социализм или капитализм? К последнему стремятся "рыночные фундаменталисты", а польские же левые силы и польская марксистская мысль, глубоко укоренившиеся в польской истории и имеющие славные традиции, призваны защитить социальные завоевания трудящихся. Для более успешной полити-

ческой борьбы социалистически ориентирующиеся левые силы, среди которых возникают различные тенденции, призывались в платформе к единению своих мыслей и действий⁸.

Аналогичные призывы и предостережения содержались и в заявлении Варшавского рабочего предсъездовского форума, обнародованном 20 ноября 1989 г. В нем предлагалось возвести заслон против безответственности и волонтаризма, проявляющихся в предсъездовских дискуссиях. Призыв к применению директивно-приказных методов в решении дискуссионных вопросов подкреплялся обращением к партийному руководству широко распространить фотодокументальные материалы, касающиеся современного польского рабочего класса, о прогрессирующем имущественном и социальном расслоении. В заявлении содержалась весьма резкая критика решений состоявшегося незадолго перед этим XVI пленума ЦК ПОРП, а документы, вынесенные им на общепартийную дискуссию, зачислялись в разряд совершенно не предопределяющих того, к чему вся партия должна прийти в предсъездовской дискуссии и на самом съезде. Резкой критике, в частности, подвергся проект модели устава, так как в нем ничего не говорилось ни о социальной базе партии, ни о социалистическом характере государства, ни о общественном характере народного хозяйства. Отчетливо было выражено мнение о том, что для партии ключевое значение имеет присутствие ее ячеек на предприятиях, отрицательно оценивался порядок избрания делегатов на XI съезд ПОРП, которые, как заявлялось, должны быть прямыми. Принятый на пленуме порядок избрания, как было замечено в заявлении, не предоставляет делегатам полномочий для роспуска ПОРП. "Глубокие перемены – да, прекращение преемственности развития – нет" – стержневая идея заявления⁹.

Идеи, выдвигавшиеся Варшавским рабочим форумом, находили отклик среди различных социо-профессиональ-

ных групп, хотя он возник как идейно-политическая репрезентация партийных организаций многочисленных столичных предприятий. Позиции форума были поддержаны на встрече активистов польского рабочего движения, бывших воинов Гвардии людовой и Армии людовой, объединенных в организации ветеранов – Союз борцов за свободу и демократию¹⁰. Находили позитивный отклик его идеи и в среде интеллигенции. Включилась в конкретную работу, проводимую форумом, организация под названием "Пульс", что означает аббревиатуру польских слов Польский союз социалистических левых сил. "Пульс" был создан в партийной организации Польской Академии наук раньше Варшавского рабочего форума и стал даже одним из его организаторов. "Пульс" принимал участие в составлении и редактировании документов форума, а совместно с представителями Академии общественных наук при ЦК ПОРП и Варшавского политехнического института создал лекторскую группу по пропаганде взглядов, которые можно назвать ортодоксальными¹¹. Одной из его ведущих идей было единство левых сил перед лицом наступающей приватизации экономики и "капитализации" государственно-политического строя. В Кракове имело место сотрудничество интеллигенции и первичных партийных организаций на предприятиях. Так, в начале июня 1989 г. в Кракове возникло Соглашение партийных организаций научных учреждений и вузов Кракова. Вскоре к "Соглашению" стали присоединяться первичные партийные организации сферы просвещения и многочисленных промышленных предприятий – всего около 200. Вскоре "Соглашение" приняло название "Движение первичных партийных организаций". Главной идеей и основной программной задачей данного движения при такой важной особенности, как опора на первичные партийные организации в трудовых коллективах, стало достижение единства левых сил. Движение первичных партийных организаций характеризовало соединение в значительной мере ортодоксальности в своей собственной идейно-тео-

реческой ориентированности со стремлением к коалиции с левыми политическими течениями самых различных оттенков. Это движение, отметив, что оно сотрудничает с "Движением 8 июля", заявило о готовности к сближению с течениями революционной мысли, представленными Польской социалистической партией и другими социалистическими и социал-демократическими группами, и синдикалистами и приверженцами IV Интернационала, теми левыми активистами, которые продолжают следовать за идеалами марксизма-ленинизма, новыми левыми и т.д. Уважительное отношение выразилось к "Солидарности", Партии труда, прогрессивным католическим движениям, людовцам, демократам. Предполагалось создание Партии социалистических левых сил¹².

Обновленческое движение, базирующееся на первичных партийных организациях, получило довольно широкое распространение. Будучи ортодоксальным по своей сути, это движение развивалось не только самостоятельно "снизу", но и централизованно "сверху". Так, в октябре 1989 г. в Варшаве был создан Рабочий предсъездовский форум. Это произошло на совещании в ЦК ПОРП секретарей парткомов 208 крупных промышленных предприятий, членов Рабочей комиссии ЦК и рабочих — депутатов сейма от ПОРП. На совещании, проходившем под председательством Л. Миллера, доминировали популистско-ортодоксальные настроения, выражалась тревога по поводу постоянной пауперизации рабочих, раздавались заклинания сохранить преемственность в построении новой партии и т.п.¹³ Создание данного форума не вызвало непосредственных организационных последствий, но несомненно дело определенным идейным импульсом.

К числу одной из наиболее радикальных популистско-ортодоксальных региональных групп, возникшей на базе первичных партийных организаций и имевшей влияние на всю страну, относится Катовицкая рабочая платформа. Она выступила резко против "Движения 8 июля" и идейно близких к нему групп, руководства ПОРП. Именно оно, а не

вся партия, по мнению КРП, несет ответственность за антирабочую и антинародную политику последних лет, стремясь переложить ответственность за развал национальной экономики на плечи рядовых членов партии. КРП выразила принципиальное несогласие с позорным, по ее определению, замыслом ликвидации партии и создания на обломках ПОРП нового политического образования, то есть партии социал-демократического, а значит антирабочего типа, которая не будет защищать жизненные интересы рабочих и бороться со все более распоясывающейся польской и зарубежной буржуазией, нагло грабящей польских рабочих. КРП не соглашалась с мнением руководства польских коммунистов относительно ухода партии с предприятий, а также присоединилась к позиции Всепольского соглашения профсоюзов, заявившего, что руководство ПОРП перестало быть политическим гарантом интересов рабочего класса. КРП в своих документах предлагала обновить ПОРП с точки зрения морали и кадров, принять на съезде новую программу и новое название. КРП намекала на дискриминацию ее со стороны партийных печатных органов, но в Силезии от КРП было избрано больше делегатов на съезд, чем от "8 июля".

Со всеми упомянутыми выше заявлениями КРП выступила в конце декабря 1989 г. По мере приближения съезда происходила поляризация крайних течений левого движения, прогрессирующее усугубление ранее принятых воззрений. Так, Варшавский рабочий предсъездовский форум 17 января выступил с заявлением, в котором наряду с подтверждением своих прежних ортодоксально-популистских позиций выдвинул также идею единства. Как только приверженцы реформаторского направления пошли в интересах единения на создание Социал-демократического блока, "ортодоксы" из Варшавского рабочего форума тут же призвали создать Социалистический блок¹⁴. Идея создания Социалистического блока как ответной меры была высказана на встрече представителей левых течений, воз-

никших в рамках отмирающей ЮРП. На этом, как и на всех семи предыдущих встречах, созывавшихся по инициативе Варшавского рабочего форума, численно преобладали представители ортодоксально-популистских групп, доминировали и выражаемые ими взгляды. Представитель КРП говорил в своем выступлении о начавшейся в стране реставрации капитализма в реакционной форме, в связи с чем партия социал-демократической ориентации не сможет отвечать нуждам трудящихся. В том же духе на встрече выступал представитель "Движения трудящихся", пожалуй, самой массовой организации лево-популистского толка, возникшей 11 октября 1989 г.

Отличительная черта этого "Движения" заключалась в том, что оно было организовано совместно профсоюзами и партией. В состав его организационного комитета вошел М.Краевский - известный ученый-обществовед и публицист реформаторского толка. Он охарактеризовал "Движение" в своем выступлении как общественно-политическое представительство трудящихся, имеющее тенденцию к парламентарной деятельности и открытое для сотрудничества со всеми реформаторскими левыми силами¹⁵. Отмечалось также, что идейным отцом "Движения трудящихся" считается академик Адам Шафф, который несколькими годами раньше был исключен из ЮРП за взгляды, противоречащие официальным идеологическим доктринам партии. Один из важнейших элементов теоретической концепции А.Шаффа - оценка социалистических преобразований в странах Центральной и Юго-Восточной Европы как несвоевременных вследствие неразвитости капитализма и отсутствия предпосылок для социалистических революций. Октябрьская революция характеризовалась А.Шаффом в таких же категориях. В конце 1989 г. решение об исключении его из партии было отменено.

В проекте декларации, принятом тогда же, излагались идейно-программные принципы "Движения трудящихся". В это документе говорилось о распаде сталинской системы

подавления общества и крахе "реального социализма". Нынешнее состояние Польши характеризовалось таким, когда "польское имущество, польская творческая мысль и труд распродаются за гроши. Стремительно расширяется зона бедности. Растут гигантские диспропорции в доходах. Польша утрачивает свою экономическую суверенность". Стремление создать общество свободных трудящихся – главная идея этого "Движения". Его реализация предполагалась через осуществление "повсеместного обобществления государственных предприятий в интересах трудящихся". В условиях активного развития рабочего, территориального и коммунального самоуправления, профсоюзных банков, различных общественных фондов делался расчет на широкое распространение акционерного владения предприятиями. Причем акции должны были принадлежать тем, кто трудится на предприятиях. ПОРП обвинялась в том, что она не смогла, управляя государством, гарантировать приоритет интересов рабочих и мира труда над интересами номенклатуры, бюрократии и аппарата принуждения. "Движение трудящихся" оставляло за собой право создания своей политической партии¹⁶. Оно осуждало, как в этом документе, так и в последующих, методы осуществления реформ экономической системы, как не отвечающих интересам трудящихся, порождающих безработицу, устанавливающих экономическую зависимость от западных стран, и, что особенно нежелательно, от ФРГ¹⁷.

Итак, в рамках ПОРП к концу 1989 г. возникло около 200 политических платформ, позиций, течений и т.п.¹⁸ Имела место дискуссия внутри ПОРП и среди тех, кто не принадлежал к каким-либо группам и платформам. Во многом она повторяла по содержанию ту, которая велась приверженцами тех или иных группировок.

Активно развивались также левые политические формирования, организационно не соприкасавшиеся с ПОРП. К их числу относится внепартийное левое общество "Кузница", находящееся в Кракове. Оно имело уже многолетнюю

историю, представляя собой типично интеллектуальное, четко лево-ориентированное общество, не принявшее приглашение ПОРП участвовать в предсъездовской дискуссии и не желавшее входить в состав какой-либо политической партии¹⁹. В 1989 г. весьма широкую популярность снискала воссозданная Польская социалистическая партия, расколовшаяся на несколько фракций.

Заявление осенью 1989 г. руководства ПОРП о прекращении деятельности партии произошло в период, когда она была настолько расслоена, что перестала быть единым организмом. 6 ноября 1989 г. состоялся XVI пленум ЦК ПОРП. "Исчерпываются источники силы ПОРП и возможности восстановления общественного доверия. Настало время создания новой партии левых сил, уходящих корнями в традиции польской социалистической мысли, базирующейся на опыте и современных поисках реформаторских течений в ПОРП", - заявлялось в Тезисах программной Декларации ПОРП.

"Уставные положения модели партии" содержали ряд совершенно новых элементов, выраженных прежде всего в более свободной трактовке целей партии и членства в ней. Доклад же первого секретаря ЦК ПОРП М.Раковского был выдержан в традиционно-сентиментальных тонах, особенно в отношении истории ПОРП. Этот же пленум постановил, опираясь на решение более раннего XV пленума ЦК ПОРП, провести XI съезд партии и начать его 27 января 1990 г.²⁰ Состоявшийся в январе XVII пленум ЦК ПОРП расширил задачи, ставившиеся перед предстоящим съездом, - он должен был стать XI (и последним) съездом ПОРП и наряду с этим Учредительным конгрессом новой партии левых сил.

27 января в Варшаве начал свою работу съезд, который после нескольких часов заседания трансформировался в конгресс, завершивший работу 30 января. На съезд было выбрано 1633 делегата, из которых 1533 приняли участие в работе конгресса. Центральным событием съезда стал

Политический доклад первого секретаря ЦК ПОРП Мечислава Раковского²¹. В докладе был затронут ряд вопросов, один из которых содержал оценку прошлого и деятельности ПОРП.

2. О роли ПОРП в послевоенной истории страны в оценке ее последнего лидера

В докладе М.Раковского ставился вопрос: могла ли ПОРП, которая возникла посредством объединения Польской рабочей партии (ППР) и Польской социалистической партии (ППС), стать партией, последовательно идущей польским путем к социализму? Докладчик сразу же обращает внимание на то, что момент возникновения ПОРП совпал с периодом мощного усиления влияния Сталина на международное коммунистическое движение в условиях, когда контуры Европы были определены победившими в войне державами и, следовательно, возможности выбора Польшей путей развития были весьма ограничены. В сложившейся ситуации только левое правительство, подчинившееся СССР, было в состоянии сохранить определенную сферу автономности и независимости. Альтернативной же могла быть усеченная территория, управляемая наместниками, и даже без собственной, возможно, государственности. Тех же, кто в этих рамках пытался искать методы решения проблем общественно-экономического развития, присущих стране, соответствующи ее специфике, то есть определить контуры того, что М.Раковский назвал польским путем к социализму, подвергли репрессиям. Среди этой группы центральное место занимала фигура Владислава Гомулки. В выступлении же Александра Квасневского после избрания его на пост председателя Главного Совета Социал-демократии Польской Республики вообще говорилось о насильственном объединении ППР и ППС в декабре 1948 г.²² Та же мысль звучала в речах других ораторов, например, в выступлении Тадеуша Фитсбаха²³, ставшего позднее руководителем Социал-демократического союза. Он заявил, что "инкорпорация ППС"

стала источником идейного и политического вырождения, продолжавшегося вплоть до упоминавшегося выше X пленума ЦК ПЮП, состоявшегося в декабре 1988 г. – январе 1989 г.

Конечно, рядовыми членами ПЮП стали десятки и сотни тысяч добросовестных и честных людей, которые убежденно воспринимали в первое послевоенное десятилетие сталинизм, отождествляя его в своем сознании с социализмом. Об этом говорилось в докладе и других выступлениях, особенно ветеранов. Наступившее же в 1956 г. "прозрение" части партийной массы и руководства ПЮП, их стремление к максимуму автономии своей партии не могли принести никаких результатов по причине того, как подчеркивал М.Раковский, что "политика СССР и КПСС предгорбачевской эры, – конечно, в разное время в разной мере, – носила империалистский характер". Результаты этой политики говорится в докладе, особенно мучительно ощущались в 1981 г. Брежнев и его окружение, будучи не в состоянии понять причины массового рабочего протеста в июле–августе 1980 г., который положил начало процессу глубоких изменений в общественной жизни, оказывали неустанное давление на партийное руководство и требовали от Станислава Кани и Войцеха Ярузельского решительной борьбы с контрреволюцией, отождествлявшейся с "Солидарностью". Более чем критически относился Кремль к программным целям, провозглашавшимся ПЮП в 1981 г. В то же время он требовал предпочтительности истинным коммунистам, то есть тем, кто безоговорочно принимал точку зрения руководства КПСС. М.Раковский заявил в докладе, что "нужно во весь голос сказать о всех обстоятельствах, при которых оказывался нажим группой Брежнева, а также двумя последующими руководящими советскими группами". Особо он выделил Громько, Суслова, Куликова, Замятина как персональных проводников этого давления. "Доктрина Брежнева", резюмировал докладчик, дамокловым мечом висела над ПЮП и ее руко-

водящими кругами, чрезвычайно сужая пространство для маневра, компромисса, способствуя окостенению механизма власти и тем самым неизбежному приближению ее окончательного поражения. Навязанная стране советская модель нового строя, фактически функционировавшая почти до конца 80-х гг., явилась одной из главных причин сокрушительного поражения коммунизма на польской земле. Потерпела это поражение не только ПЮРП, а весь польский народ, позволивший коммунистам управлять собой четыре с лишним десятилетия. Причины столь грандиозного исторического поражения и дела, и идеи коммунизма, как отмечалось в докладе, можно усмотреть во многом, в частности в принятии и настойчивых попытках реализации экономического механизма, основанного на постулатах марксистского социализма, что по существу означало замену объективных рыночных регуляторов народнохозяйственного развития полным или частичным планированием, то есть регуляторами субъективистско-политическими. Но все это оказалось совершенной утопией, породило на практике мощные структуры бюрократической системы управления. Именно тут коренятся причины стагнации в экономическом развитии, исчезновения стимулов к освоению нового и поиску эффективных решений. Именно тут объяснение вопроса, почему Польша оказалась отнесенена на последние позиции в европейской и мировой статистике, что, разумеется, ущемляет национальную гордость поляков.

Попытки реформ, не раз предпринимавшихся с 1956 г., охарактеризованы М. Раковским как половинчатые, когда хорошим намерениям не сопутствовало глубокое понимание существа проблем, решительность, когда даже программа X съезда ПЮРП не вышла из круга рецептов совершенствования политической и экономической системы "реального социализма", тогда как требовалось отторжение этой дискредитировавшей себя системы, выход на принципиально иной путь общественного развития.

Разумеется, тупиковость пути так называемого социа-

листического строительства стала для общественности страны очевидной далеко не сразу, хотя и были политические течения, быстро, правда, подавленные коммунистами, представители которых указывали на искусственность и чуждость польскому народу реализовавшихся коммунистами государственно-политических концепций. Не забывая и не замалчивая этого, все же надо отметить, так сказать, энтузиазм трудящихся масс, когда в первые два послевоенных десятилетия или, быть может, несколько большее время эффективно осуществлялись индустриализация, урбанизация, культурная революция, ограничивались крайности социальной дифференциации, чем воспользовались прежде всего наиболее бедные и отсталые слои общества. В перспективе, однако, все это не пошло на пользу тем, кто лучше трудился и имел более высокую квалификацию. К последней категории относится в первую очередь интеллигенция. И поэтому ничего удивительного, говорится в докладе, нет в том, что именно она оказалась в первых рядах хоронящих так называемый реальный социализм.

Главную слабость коммунистического правления М.Раковский усматривает в отказе от политической демократии, что доктринально коренится в ленинской теории диктатуры пролетариата и что фактически означало диктатуру одной партии, вырождающуюся в олигархическую или персональную деспотию. Следование концепции диктатуры пролетариата привело к утрате коммунистическими партиями своего идейного стрежня. ЮРП также все более становилась государственной партией, делящей посты и льготы.

В докладе отмечается, что в ходе борьбы, которая ведется в ЮРП с октября 1966 г. за изменение гегемонистского, монопартийного правления в сторону демократич, борьбы, хотя и не принесшей, по большому счету, успеха, достигнуты все же определенные результаты. Их не следует преуменьшать. Они выразились в виде большей степени либерализации в Польше по сравнению с дру-

гими странами "реального социализма". М. Раковский заметил также, ссылаясь при этом на свои беседы с руководителями компартии Чехословакии и СЕПГ, что реформы, осуществлявшиеся в Польше, были значительно радикальней тех попыток, которые наблюдались в соседних странах. В этом смысле Польша явила собой пример, который будил активность реформаторов, сторонников радикальной перестройки тоталитарно-коммунистического строя в других социалистических государствах, включая СССР.

Предостерегая от односторонних оценок послевоенных десятилетий, автор доклада не допускает и тени сомнений в том ключевом выводе, что ПОРП, осуществлявшая власть монопольными методами и несущая, следовательно, полную ответственность за бездарную, разрушительную для страны политику, не отвечала в прошлом и тем более не отвечает теперь требованиям эпохи. Все сказанное в докладе, подчеркивает М. Раковский, еще не исчерпывает длинного списка причин того, почему в настоящее время "необходимо признание ПОРП политическим формированием, не имеющим будущего"²⁴.

Прекращение деятельности ПОРП было соответствующим образом обставлено. В материалах съезда не приводились данные о числе членов ПОРП ко времени последнего съезда. Возможно, что такие данные нельзя уже было составить. Достоверно, что партия, достигнув к 80-м годам наибольших количественных показателей, далее численно уменьшалась - с 3091,9 тыс. членов и кандидатов в 1980 г. до 2115,4 тыс. в 1985 г.²⁵ Дальше сокращение ее численности происходило еще более ускоренным темпом. С роспуском ПОРП прекратился выпуск органа ЦК ПОРП газеты "Трибуна люду". Материалы съезда-конгресса печатались в газете "Трибуна конгрессова". Но эта газета оказалась временной - вышло всего 12 номеров. Перестали издаваться и другие печатные органы ПОРП. Газета новой партии стала называться "Трибуна".

Серьезную проблему представило собой решение судьбы

имущества ПОРП. На конец 1988 г. его стоимость оценивалась в 36,5 млрд. злотых. В распоряжении ПОРП находилось 463 строения, из которых 224 были сооружены за государственный счет, 117 – за средства партии, но находящиеся на государственной земле, 13 – выстроено на земле, являвшейся собственностью партии. 55 строений арендовались на различных условиях или сооружались совместно с другими организациями и т.п. Только 16 объектов являлись полной собственностью ПОРП. Значительную часть партийной собственности составляла мебель, оргтехника, полиграфическое оборудование и т.п. Собственности ПОРП были 1173 автомобиля. 95% капитала издательско-кооперативной организации "Прага – Ксёнка – Рух" принадлежало ПОРП²⁶.

Для решения вопросов, связанных с имуществом, а также архивами ПОРП, была создана правительственная комиссия, которая вела переговоры с наследницей ПОРП – Социал-демократией Польской Республики. Все связанное не только с идейным, но и материальным наследием польских коммунистов еще в заключительный период существования ПОРП было окрашено политическими эмоциями, являлось зачастую объектом острых разногласий. В конечном итоге немалая часть имущества бывшей ПОРП перешла государству, а всем партийным, научным и учебным заведениям отказано в госсубсидиях, чем они оказались обреченными на ликвидацию.

3. Теоретические установки СДР и последствия ее создания

В основных чертах эти установки были изложены в докладе М.Раковского. Акцент делался на том, что новая левая партия должна обратиться к "республиканской родословной польского социализма" и ни в коем случае не быть идейным "душеприказчиком" ПОРП – носительницы большевистско-сталинского менталитета. Преодоление прошлого представлялось возможным только за счет возвра-

ждения к европейско-реформистскому пониманию социализма и в этих рамках – к польскому пониманию, авторы которого трактовали его как совершенствование и развитие демократического республиканства.

М. Раковский отметил, что он лично в течение многих лет стремился к глубокому реформированию ПОРП в социал-демократическом направлении, то есть преобразованию ее в партию, "борющуюся за справедливое распределение материальных благ и свободную от сталинских методов управления" (почему, заметим, аппаратный люд на Старой площади в Москве, всякие там секретари цеха и завотделами не очень-то его привечали, считая ревизионистом, и вынуждены были принимать на соответствующем уровне лишь тогда, когда он стал большим партийным начальником).

Вопросы теории и политической практики, связанные с социал-демократической моделью, активно обсуждались и на страницах печатных органов коммунистов в течение года, предшествовавшего последнему съезду ПОРП – первому конгрессу СДРП. В дискуссии обращалось внимание на то, что еще совсем недавно социал-демократия ассоциировалась с оппортунизмом, утратой революционности, воспринималась как нечто идейно совершенно чуждое и даже враждебное. Интерес к социал-демократии возрастал параллельно углублению кризиса в партии, но одновременно выражалось немало и сомнений в возможности и целесообразности замены ПОРП политической организацией социал-демократического толка. Аргументировались эти сомнения всевозможными указаниями на несоответствие организационных и иных структур современной социал-демократии польским условиям. Социал-демократические партии, по мнению ряда авторов, органически вросли в такие экономические и в целом общественные системы, в которых успешно развивается научно-техническая революция, вызывая соответствующие социально-структурные и политические последствия. Иначе говоря, мыслью, проходившей через многие публикации, было утверждение, что для нормальной реализации социал-демокра-

тических положений необходим развитой капитализм; в странах же с неразвитой или расстроеной экономикой социал-демократическую ориентацию неизбежно теснят как правые политические течения с диктаторскими претензиями, так и административно-приказной социализм²⁷.

В докладе М.Раковского содержались сообщения, созвучные приведенным выше. В частности, он говорил о том, что сторонники экономического либерализма, а правительство Т.Мазовецкого определялось им как неолиберальное, отвергают идею социальной справедливости в качестве вредной утопии, ведущей к экономическому застою. Решительно отвергаются при этом запросы тех слоев общества, которые ожидают от правительства реализации принципов социальной справедливости. Но такие ожидания не удастся ликвидировать примитивными и плоскими восторгами по поводу "незаменимых регуляторов" свободного рынка или каких-либо других форм организации экономики. М.Раковский предостерег относительно возможности фатальных последствий введения неограниченной рыночности и заявил о том, что экономическая политика неолибералов нуждается в сильном левом противовесе. Он считал, что левые силы должны бороться за социальную справедливость и социальную защищенность трудящихся методами, которые соответствуют социалистическому, а не коммунистическому идейному арсеналу. На практике это и сведется к деятельности новой левой партии, которую с учетом избранного направления деятельности и целей в сфере экономической и социальной политики, идейной ориентации М.Раковский предложил назвать социал-демократической.

Провозглашавшаяся в докладе оппозиционная направленность новой партии была выдержана в духе лояльности в отношении правительства. М.Раковский выразил благодарность премьер-министру Т.Мазовецкому за то, что он не пошел на конфискацию имущества ЮРП, к чему его настойчиво подталкивали и что лишило бы материальной базы

будущую левую партию.

Наконец, докладчик предложил избрать на руководящие посты новой партии представителей молодого поколения. Председателем Главного Комитета Социал-демократии Польской Республики был избран 36-летний Александр Квасьневский, Генеральным секретарем - 44-летний Лешек Миллер. Конгресс принял декларацию СДПР, устав, платформу по актуальным вопросам внутренней и внешней политики. Ячейки новой партии могут создаваться по месту жительства и по принципу общности интересов.

В числе последствий самоликвидации ПОРП, произошедшей на ее последнем XI съезде, и трансформации этого съезда в I конгресс Социал-демократии Польской Республики оказалось не только идейно-политическое, но и организационно-практическое раздробление левых сил в стране. Не все участники почившего в бозе XI съезда ПОРП вступили в СДПР. Бывший крупный функционер ПОРП Т.Фишбах со своими сторонниками провозгласил создание Социал-демократического союза. В учредительном списке имелось 140 подписей. С поддержкой Союза сразу выступили представители торуньской социал-демократической инициативы, члены которой покинули ПОРП за несколько месяцев до съезда. В декларации намерений СДС, которая не отличалась существенно от программных документов СДПР, важным был отказ от каких-либо претензий на имущество ПОРП. В дальнейшем возникли организации СДС в Гданьске и Силезии. Примерно через месяц после съезда-конгресса Т.Фишбах несколько конкретизировал идейно-политическую ориентацию СДС. Он заявил, что Союз, в отличие от СДПР, является надклассовой партией, отказывающейся от многоступенчатых организационных структур в своем построении и отмежевывающейся от всех коммунистических традиций²⁸. СДС, отвергая всякие формы популизма, формируется в левоцентристскую партию.

В конце февраля 1990 г. появился первый номер печатного органа СДС под названием "Газета вспульна".

Она будет выходить один раз в две недели небольшим тиражом – 2 тыс. экземпляров вследствие скромных финансовых и организационно-технических возможностей СДС²⁹.

Кроме сторонников Т. Фишбаха о разрыве с СДПР заявила также "Группа делегатов на XI съезд, представляющих рабочую платформу". Члены этой группы не смогли, однако, принять программную декларацию. Они заявили о невозможности принять на себя обязанности членов-учредителей новой партии, а свои дальнейшие действия поставили в зависимость от позиций тех, кто их избрал делегатами на съезд-конгресс.

Пока невозможно проследить, какую организационную эволюцию, если она вообще имела место, претерпела Рабочая платформа, а также многочисленные "движения" и группы, возникшие в течение 1989 г. в рамках ЮРП и формально прекратившие свое существование одновременно с ней после создания СДПР. Но среди организационно оформившихся постпорповских образований, продолживших свою деятельность, одной из самых крупных и массовых является "Движение трудящихся". Будучи тесно связанным с Общепольским соглашением профсоюзов, "Движение" стало его политической репрезентацией. В социально-экономических программах СДПР и ДТ много общего, а основное различие между ними лежит в политической сфере. По словам руководителя "Движения трудящихся" Евы Спыхальской, эта организация более левая, чем СДПР, и не приемлет либерализма социал-демократии. ДТ при склонности к популизму присущ также определенный национализм³⁰.

Можно отметить, что в начале марта 1990 г. возникло новое объединение радикального толка под названием "Неконцессионированные внепарламентские левые силы". Оно носит характер блока, в который вошли такие организации, как Движение молодых левых сил, Группа рабочей самоуправляемости, Фронт новых левых сил и в качестве наблюдателя – Группа Международная амнистия. Объединившиеся в блок считают правительственную программу

антинародной, антиобщественной и разрушительной. Не выдвигая своей экономической программы, они призвали польское общество отвергнуть сотрудничество с Международным валютным фондом³¹.

Возникла организация под названием Союз польских коммунистов "Пролетариат". В своей обнародованной в сентябре 1990, платформе она выразила тревогу по поводу обострения ситуации в политической жизни страны, когда все чаще выступают наглость и агрессивность и вместо соперничества программ и концепций идут беспардонные личные междоусобицы, в которых вместо аргументов используются инвективы. СПК "Пролетариат" в своей платформе критиковал усиливающуюся истеричную антисоветскую кампанию, а также затрагивал проблему антисемитизма³². С конца 1990 г. в политической жизни страны заметную роль начал играть возникший примерно в это время Союз свободных кооператоров, четко придерживавшийся левой ориентации.

К скорейшему созыву конгресса польских некоммунистических левых сил, объединению всех групп и лиц социалистической ориентации в конце марта 1990 г. призвала Польская социалистическая партия³³. Этот призыв подразумевает, что СДПР находится вне границ указанной ориентации, поскольку генетически она имеет "коммунистический характер". Одновременно Главный комитет ППС не в первый уже раз подтвердил свои претензии на часть имущества, бывшего собственностью ПОРП³⁴.

Одно из образований, оставшееся после ПОРП, формально имело право на дальнейшее существование и функционирование. Это - Депутатский клуб ПОРП в сейме. После роспуска ПОРП он принял название "Парламентский клуб демократических левых сил". 10 марта 1990 г. на заседании Парламентского клуба демократических левых сил депутаты, связанные с СДПР, выступали за сохранение единства этого клуба, представители же Социал-демократического союза заявили о возможности создания ими сво-

его собственного депутатского клуба³⁵. В конце марта депутаты – члены Социал-демократического союза и тяготеющие к нему заявили о том, что их собственный клуб создан. Остальные же депутаты, как члены СДПР, так и беспартийные приняли решение сохранить Парламентский клуб демократический левых сил. Новым председателем ПДДС был избран 39-летний беспартийный Влодзимеж Цимошевич, его заместителями Иренеуш Секула (член СДПР) и Януш Шиманьский (беспартийный)³⁶. Предыдущий же председатель ПДДС – М.Ожеховский заявил о том, что он тяготеет к идеалам Социал-демократического союза³⁷. Как показала конкретная политическая практика, ПДДС не стал репрезентацией не только всех, но и большинства левых сил, а наиболее тесные связи он поддерживает с СДПР.

Если же вернуться к самой СДПР, следует сказать, что по мере ее пока еще недолгого существования перед ней встант все более серьезные политические проблемы, для решения которых требуется хорошо организованная парламентская деятельность, активная пропагандистская работа. В начале марта 1990 г. СДПР насчитывала 47 тыс. членов³⁸ и являлась весьма многочисленной и внушительной политической организацией левого толка. Налицо обострение и даже антагонизация отношений между СДПР и властями. Серьезно обременяет деятельность новой партии проблема имущества и финансовых дел, оставшихся ей по наследству от ЮРП. Все эти проблемы сильно политизированы, а правительственная комиссия, созданная специально для их решения, находится под сильным давлением правых кругов. Центральный исполнительный комитет СДПР выступил в марте 1990 г. с заявлением, в котором говорится, что "правительство захватило все". В этом заявлении выражается надежда на то, что "имущество бывшей ЮРП будет служить удовлетворению действительных общественных потребностей, а не новой бюрократии". Решительно возражала СДПР против намерения властей конфисковать Рабочий издательский кооператив "Прага-Ксёнька-Рух",

несмотря на официальное предложение передать 80% средств кооператива в распоряжение правительства³⁹. Подобные действия расцениваются СДПР и в кругах ей близких как стремление создать новую информационную монополию "Солидарности" вместо бывшей "парповской".

От решения преимущественно "оборонительных" задач СДПР постепенно начинает переходить к постановке и реализации конструктивных целей, попыткам консолидации вокруг себя слоев и организаций, которые особенно остро страдают от экономической политики, реализуемой правительством. ЦК СДПР выступил с платформой "По проблемам села и сельского хозяйства"⁴⁰, в которой выражается озабоченность по поводу падения сельскохозяйственного производства и "прогрессирующей культурно-цивилизационной деградации села". То есть тенденции развертываемой деятельности СДПР направляются в сторону ее перехода к официальной оппозиции правительству.

Итак, реформирование в 1989 - начале 1990 г. левого движения в Польше, его не очень-то утешительные метаморфозы имеют своими причинами два фактора. Один из них, который можно условно назвать внешним, заключается в эффективной деятельности идейно-политических оппонентов ЛЮРП, отстранивших ее от власти. Второй - внутренний, выразился в недопустимо долгом следовании ставшему не только нежизненным, но просто губительным идейно-теоретическому багажу так называемого марксизма-ленинизма, нежелании радикально пересмотреть устаревшую структурно-функциональную систему коммунистической власти. Если бы еще до июньских (1989 г.) выборов в парламент ЛЮРП не стремилась во что бы то ни стало удержать иллюзорное единство своих рядов и фальшивую прочность коалиции с СКП и ДП, она, быть может, и продлила бы свое существование, хотя краха наверняка бы все равно не избежала.

Общее для всех восточноевропейских стран и Советского Союза теоретическое и организационно-политическое

окаменение государственно-коммунистических структур, неспособность пойти на подлинную, а не словесную децентрализацию, демонополизацию власти – самая, очевидно, характерная черта этих тоталитарных и псевдосоциалистических структур. Их нельзя реформировать, пере-строить, можно только устранить, отбросить с дороги демократического развития общества. И вся суть вопроса в том, чтобы сделать это ненасильственными, цивилизованными методами. В этом отношении Польша явила, разумеется, далеко не худший пример начала перехода к посткоммунистической эре.

Примечания

1. Trybuna Ludu, 12. X 1989
2. Trybuna Ludu, 11. X 1989
3. Trybuna Ludu, 11. XII 1989
4. Trybuna Ludu, 12. X, 30. X 1989
5. Trybuna Ludu, 30. X 1989
6. Trybuna Ludu, 27. XII 1989
7. Trybuna Ludu, 12, 19. X 1989
8. Trybuna Ludu, 30. X 1989
9. Trybuna Ludu, 20. XI 1989
10. Trybuna Ludu, 18-19. XI 1989
11. Trybuna Ludu, 29. XI, 11. XII 1989
12. Trybuna Ludu, 6. XII 1989
13. Trybuna Ludu, 24. X 1989
14. Trybuna Ludu, 17. I 1990
15. Trybuna Ludu, 12. X 1989
16. Trybuna Ludu, 20. X 1989
17. Trybuna Ludu, 20. XI 1989
18. Trybuna Ludu, 29. XI 1989
19. Trybuna Ludu, 17. IV, 28. XII 1989
20. Trybuna Ludu, 7-9. XI 1989
21. Trybuna kongresowa, 29. I 1990
22. Trybuna kongresowa, 31. I 1990
23. Trybuna kongresowa, 29. I 1990
24. Trybuna kongresowa, 29. I 1990
25. Mały rocznik statystyczny, 1986, Warszawa 1986, s. 23
26. Trybuna, 12. II 1990
27. Zob. na przykład: W. Milanowski Socialdemokracja: realność czy złudzenie? – in: Trybuna Ludu, 2. III 1989; W. Milanowski Socialdemokracja: przywódcy, członkowie, idee... In: Trybuna Ludu, 9. III 1989; W. Markiewicz Przyczynek do kwestii socjaldemokratyzacji – in: Trybuna Ludu, 9. III 1989; Wasilewski Seminaryjny sen o socialdemokracji – in: Trybuna Ludu, 2-3. XII 1989
28. Trybuna kongresowa, 30. I 1990; Trybuna, 22. II 1990

29. Trybuna, 28.II 1990.
30. Zycie Warszawy, 2.XI 1990.
31. Trybuna, 13.III 1990.
32. Głos Szczeciński, 26.IX 1990.
33. Trybuna, 26.III 1990.
34. Trybuna, 7.III 1990.
35. Trybuna, 12.III 1990.
36. Trybuna, 25.III 1990.
37. Trybuna, 26.III 1990.
38. Trybuna, 6.III 1990.
39. Trybuna, 20.III 1990.
40. Trybuna, 26.III 1990.

Л. С. ЛЬКОШИНА

ПОЛЬСКИЙ КРИЗИС 80-Х ГОДОВ И ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ

Конец 80-х годов явился временем исторических перемен в жизни польского народа. Ушла в прошлое прежняя система власти, прежняя социальная структура, коренным образом изменился весь облик общественно-политической жизни страны. Эти перемены нельзя уподобить взрыву, внезапно потрясшему польское общество. Хотя вершились они достаточно стремительно, но готовились исподволь, питаясь процессами, разворачивавшимися не только в бытии, но и в сознании. Естественен вопрос о том, насколько идеалы социализма, попытки построения которого заняли более 4-х десятилетий, находили отклик в сознании людей и почему польское общество достаточно легко отказалось от этих, казалось бы, возвышенных и благородных идеалов.

Произошло это, как представляется, во многом потому, что между идеалами и реальностью связь была весьма прозрачной. К какому бы аспекту жизни мы ни обратились, везде очевидным становится именно несоответствие идеала и реальности. Особенно ощутимо это было в сфере распределения. Несоблюдение основополагающего социалистического принципа "каждому по труду" невозможно было скрыть никакими пропагандистскими усилиями: действительность каждый

человек ощущал на себе ежедневно и ежечасно. Данные социологических исследований свидетельствуют о том, что осознание несправедливости в системе распределения имело тенденцию к росту и обострению¹. В 1983/84 гг. добросовестность и трудолюбие как факторы жизненного успеха признавали лишь 66,9% поляков. Причем наибольший скептицизм в оценке соблюдения принципа оплаты по труду проявляли лица с высшим образованием. Только 20,8% инженеров считало, что достичь жизненного успеха могут те, кто хорошо трудится². Совсем иные качества, весьма отличные от умения и желания добросовестно трудиться на благо общества, определяли позиции человека в реальной жизни. Факторами, благоприятствующими успеху, являлись происхождение, связи, знакомства, партийность. Равенство шансов, демократизм, социальная мобильность в ходе истории социализма в Польше имели тенденцию не к утверждению и укреплению, а напротив, к угасанию и потере своего значения. Это проявилось достаточно отчетливо, в частности, в системе образования. Можно ли говорить о равенстве шансов молодежи в получении образования, если в конце 70-х годов (по данным одного социологического исследования) ни одной книги, кроме учебников, не было в большинстве семей сельскохозяйственных рабочих и крестьян, в 50% семей неквалифицированных рабочих и 30% квалифицированных. Антагонистичность социальной структуры общества, все более явное деление его на мир "простых" людей и мир "власть предержащих" получали своеобразную поддержку во всей системе воспитания и образования. Школьное обучение в значительной степени было построено таким образом, чтобы утвердить в сознании детей ощущение своей незначительности, принадлежности к миру управляемых. По наблюдениям польских социологов, в учебниках даже 80-х годов, предназначенных для I-V классов общеобразовательных школ, материал был построен таким образом, что представители власти всегда исполняют функции принятия решений и опекунские по отношению к

обществу, члены же последнего, как правило, пассивны и несамостоятельны. Фигурирующие в учебном материале родители детей, как правило, не занимают значительных должностей. Мир управляемых и мир управляющих разделен пропастью. И ученики в полной мере осознавали наличие таковой и самоидентифицировались с миром управляемых: почти никто из детей в своих планах на будущее не стремился к приобретению властных функций, не причисляя себя и свою семью к числу тех, кто управляет. Тенденция к наследованию социальной позиции достаточно прочно утвердилась в польском обществе. По данным известного польского социолога М.Ярош, дети из семей, в которых предшествующие поколения имели начальное образование, чаще всего очень недалеко продвигались вперед по пути повышения образовательного уровня. Лица, у которых деда и отцы не закончили начальной школы, в 2/3 случаев получили не более, чем начальное профобразование, а в 1/3 случаев — лишь начальное. В связи с элитаризацией доступа к образованию в общественном сознании вновь приобрела приоритетное значение проблема социального происхождения как фактора, во многом определяющего жизненные шансы человека. Все меньшее место в сознании общества занимало представление о Польше как стране равных возможностей, напротив, распространялось убеждение, согласно которому "Социальное происхождение, в случае необходимости подкрепленное взяткой или связями родителей в аппарате власти, играет существенную роль в определении шансов ребенка". И это убеждение, как подтверждают данные статистики, имело под собой реальное основание. В конце 70-х годов 65% поляков признавало, что различия в профессии, социальном положении, степени материальной обеспеченности препятствуют установлению межличностных контактов, заключению браков по любви и т.п. Если сопоставить это с представлением почти 2/3 исследуемых о несправедливости имеющих место социальных различий, то вырисовывается довольно четкая картина убежденности в

неоправданности, необоснованности созданной коммунистическим режимом стратификации польского общества конца 70-х годов. По мнению М.Ярош, выравнивание шансов в доступе к социальным и культурным благам, достижение желаемой в социальном плане профессиональной позиции являлось скорее одной из тенденций, чем уже достигнутым состоянием (8).

Колоссальная диспропорция между официально декларируемым высоким статусом рабочих профессий (горняка, шахтера) и исключительно тяжелыми условиями их труда, очень незначительными реальными возможностями влияния на принятие социальных решений, трудности, переживаемые в связи с изменением традиционных ролей в семье, порождали настроения отчаяния и бессилия. Примечательно, что в 70-е годы больше всего самоубийств было именно среди рабочих. Отнюдь не единым представлялось "общество реального социализма" в сознании людей. Его дифференциация в зависимости от отношения к власти, от политической ориентации, деление на "они" и "мы" – наиболее существенные элементы в сознании поляков 80-х годов. Причем люди, относящие себя к категории "мы", отнюдь не стремились к исполнению одной из основополагающих заповедей книжного социализма – героическому, самоотверженному труду на благо общества, презрев личные интересы, особенно на фоне использования теми, кто относился в общественном сознании к категории "они", различного рода неза заслуженных привилегий.

Для конца 70-х годов характерно господство в обществе настроений умеренности и реализма. Труд для большинства – средство заработать деньги (и лишь для немногих способ самовыражения).. Образование – путь к материальным благам и лишь для очень не многих (в основном из семей интеллигенции) – ценность сама по себе. Даже среди молодежи были редки высокие амбиции. Романтические образцы жизни привлекали немногих. Жизненная позиция, предполагающая стремление к высоким целям, была далеко

не так популярна, как позиция, которая позволяла удовлетворяться средним уровнем, лишь бы только этому сопутствовало отсутствие длительных усилий, напряженности, серьезных преград. Эта "заземленность", стремление к стабильности, покою, обеспеченности как явления, характерные для польского общества, отмечались в работах польских социологов и в 50-е, и в 70-е годы. Причины усматривались в послевоенной усталости, наследии прошлого в виде мелкобуржуазных идеалов и ценностей, в бюрократизации общественной жизни, сковывающей энергию и побуждающей к конформизму; в неблагоприятной ситуации в школе, воспитывающей конформистов и девальвирующей романтические ценности. Судя по результатам социологических исследований, существенных изменений не произошло и в 80-е годы (10).

Не находя соответствия между декларируемым и реальным социализмом, стремилось ли общество к глубокому осмыслению социалистической теории, поиску в ней ответов на возникающие вопросы? Многочисленные требования молодежи 80-х годов о ликвидации преподавания марксизма, слабое знание марксистской теории, характерное даже для студенческой молодежи, отсутствие эффективных результатов в попытках активизировать деятельность системы политического образования - все это склоняет скорее к отрицательному ответу на данный вопрос.

Анализ знания студентами работ классиков марксизма-ленинизма (проведенный в середине 80-х годов) показал, что 60-80% респондентов не только не читали основные работы классиков, но и вообще с ними не сталкивались, лишь немногие были знакомы с марксистской теорией классовой борьбы и вообще с определением классов, государства, политических партий, принятых в марксистской науке (11). Материалы социологических исследований 2-ой половины 80-х годов свидетельствуют о падении престижа социалистического пути развития страны. В 1986 г. каждый пятый молодой поляк отрицал желательность социалистического общественного устройства в Польше, а 24,3% не

высказывали своего мнения на этот счет. Больше половины участников исследований негативно оценивало реализацию идеалов социализма в стране (12).

Следует отметить, что поступательный характер снижения степени приверженности принципам социализма был характерен во второй половине 80-х годов не только для молодежи, но и для польского общества в целом. Так, по данным Центра исследования общественного мнения, в 1983 г. за политическую систему социализма выступало 63%, а в 1987 лишь 45% (12). Несколько иные цифры содержатся в материалах Института философии и социологии ПАН. Согласно им, уже в середине 80-х годов за социализм высказывалось не более 44% поляков (13). Однако, указанная тенденция сочеталась с одобрением большинством общества таких традиционно присущих социализму (во всяком случае декларативно) ценностей, как социальная справедливость и равенство, демократия, свобода, право на труд, уважение к человеческому достоинству. Очевидно, в сознании польского общества 2-ой половины 80-х годов достаточно четко наметилось разграничение между декларативным и реальным социализмом.

Неблагоприятной для идей и практики социализма в стране явилась и специфика исторического сознания польского общества. Фатальным для судеб так называемого нового строя оказалось замалчивание многих сложных и неоднозначных проблем в истории Польши, польско-советских отношений. Одностороннее освещение истории советско-польской войны, событий в Катыни, варшавского восстания, деятельности Армии Крайовой и т.д. отнюдь не привело к формированию в сознании желаемого стереотипа.

Неправдоподобие сведений, содержащихся в учебниках, несоответствие их тому, что молодежь сама видела, что слышала от родителей и родственников, неубедительность и нетерпимость школьных учебников приводили к разочарованию "школьной историей", к существованию истории "на парте" и "под партией". Причем роль первой играла офици-

альная история, а второй – различного рода издания, с увлечением читаемые школьниками. Это приводило к раздвоению личности ученика, отрицательно сказывалось на его моральном облике, способствовало формированию нигилистического отношения к школьной истории в целом, так как, усомнившись в правдивости одного исторического эпизода, ученик невольно ставил под сомнение и все остальное.

По данным одного из социологических исследований, представительного для всей Польши, лишь 5% учеников и 3% учителей в середине 80-х годов считало, что школьным учебникам "можно доверять" (14). Важно учитывать при этом, что и сама историография испытывает влияние особенностей исторического сознания данного общества. Кроме того, известно, что даже самое аргументированное исследование может встретить сопротивление со стороны общества, если оно не соответствует сложившимся представлениям. Восприятие научного исторического содержания определяется, таким образом, не только его познавательной или научной ценностью, но и мировоззрением данного общества, функционирующей в нем системой ценностей. Одни и те же факты могут служить аргументами для обоснования совершенно различных позиций. Показателен в этом отношении вопрос о "белых пятнах". Ведь в польской историографии есть работы и о Пилсудском, и о Сикорском, и об Армии Крайовой, и о межвоенной Польше. Но на сознание среднего человека воздействуют скорее не монографии, а популярные издания, телепередачи. Следует принять во внимание и то, что общество ждет не просто освещения событий, а освещения их в соответствии с бытующими стереотипами, изменение которых – дело весьма непростое.

К примеру, все усилия официальной коммунистической пропаганды, направленные на формирование представлений о дружбе советского и польского народов, оказались, очевидно, во многом тщетными, если нынешние юные поляки (по результатам опроса 1990 г., имеющего, правда, не всепольское значение, но все же...) твердо уверены в

том, что Россия — страна плохих людей, русские — это прежде всего те, кто захватил Польшу в период разделов, уничтожил польских офицеров из Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей, а сейчас довел свою страну до полного разорения и неустройства. А причины такого отношения и вместе с тем недостатки всей системы проаганды неплохо сформулировал ученик VIII класса, заявивший: "Значительная часть поляков с предубеждением относится к русским. Правильно ли? Трудно ответить на этот вопрос. Я думаю, что русские неодинаковы. Меня всегда больше всего раздражало то, что этот народ мы называли друзьями. Всегда брали с них пример" (15).

Польский опыт со всей очевидностью показывает бесплодность попыток искусственного конструирования исторического сознания, не учитывающего специфику традиций народов и стран, национальной самобытности и пытающегося произвольно трактовать неудобные факты. Не оправдалась и упование на то, что в результате целенаправленной агитационно-воспитательной работы можно в желаемом направлении изменить сложнейший феномен государственного сознания. На формирование его оказывают влияние (по определению А.Бурды) три фактора: духовное наследие прошлого, содержащееся, в частности, в национальных традициях и в историографии; генетическое наследие, выражающееся в обычаях, верованиях, навыках, воззрениях прежних поколений; влияние среды, что включает в себя воспитание, официальную пропаганду и т.д. В государственном сознании, помимо рациональных моментов формирования позиций граждан по отношению к целям и способам действия механизма власти и управления присутствует еще и эмоциональный, иррациональный элемент. Позиции масс во многом определяются национальным характером. Некоторые его черты, выражающиеся в коллективных навыках, склонностях, обычаях, опосредствованно влияют на политическое устройство государства, особенно когда это влияние не тормозится запрограммированны-

ми, к примеру, действиями того же государственного аппарата.

Для польского народа, по мнению ряда исследователей, характерно понимание государства не в качестве института власти, аппарата принуждения, а как института обеспечения единства населения, территории и суверенитета. Поляки разграничивают эти два подхода. Не приемлет польское общество отождествление государства с системой, понимаемой прежде всего как политические партии, профсоюзы и пр. "...Стремление к сохранению независимого государственного существования, - подчеркивает С.Гебетнер, - не следует путать с лояльностью по отношению к конкретному политическому руководителю или руководителям, либо с требованием безусловного послушания" (17). Не принесла желаемых результатов апелляция к историческим традициям поляков, стремление представить социалистическую Польшу наследницей всего лучшего, что было в польской истории. В середине 80-х годов (т.е. в период относительной стабилизации) около 50% поляков выражали уверенность в том, что социализм в стране держится лишь благодаря соседям (причем около 40% от ответа уклонялось) (17). На этом фоне стремительность распада в Польше системы реального социализма показала готовность общества к отказу от него. Такую готовность невозможно объяснить лишь происками деструктивных элементов или частными ошибками руководства. Очевидно, при сложившихся благоприятных обстоятельствах проявилось действие неких объективных факторов, до поры до времени как бы дремавших. По мнению А.Шаффа, роль таких факторов сыграло и "навязывание обществу, причем в виде импорта, революции из страны, которая вызывала по разным причинам особую неприязнь среди населения, "не принимавшего даруемого ему социалистического строя" (18). Это был "первородный грех" польской послевоенной истории, предопределивший все дальнейшее развитие событий. А.Шафф, далеко не одинокий в отрицании органичности социализма на польской земле, особенно подчеркивает этот факт "первородного греха", придавая ему универсальное значение.

Реальный социализм, оказавшийся далеким от прекрас-

ных идеалов добра и справедливости, в сознании общества отнюдь не всегда воспринимался в качестве строя, экономически эффективного и имеющего преимущества перед капитализмом. В середине 80-х годов более 50% поляков не поддерживало мнения о том, что социализм имеет большие возможности народнохозяйственного развития, чем капитализм, примерно столько же сомневалось в большей общецивилизационной прогрессивности социализма по сравнению с капитализмом и склонялось к мнению о том, что социализм по уровню эксплуатации человека превосходит капитализм. Менее половины общества было убеждено в том, что именно социализм позволил Польше добиться после войны определенных экономических успехов, а почти каждый третий поляк или был согласен с тем, что в Польше при социализме живет хуже, чем до войны, или уклонялся от четкого выражения своего мнения по этому поводу.

Разочарование в социализме, отказ от его классово-революционных, уравнилельных идей и ценностей проявились и в сфере экономического сознания. По данным середины 80-х годов, более 80% поляков одобряли: значительную разницу в заработной плате в зависимости от уровня квалификации; увольнение плохо работающих, введение законов рыночной экономики и конкуренции; около 60% выступали за расширение частного сектора в экономике. Причем, чем выше был образовательный и квалификационный уровень респондента, тем более четко были выражены их антиэгалитаристские настроения. Именно специалисты и квалифицированные рабочие являлись той социальной группой, которая всячески поддерживала рыночную по сути модель развития экономики. В середине 80-х годов большинство поляков было решительными сторонниками дифференцированной оплаты по труду. Но такое положение вещей сложилось не сразу. В 1980-82 гг. положение о том, что "раз все имеют одинаковый желудок, то все должны иметь одинаковые доходы", имело еще немало сторонников. Но с течением времени ситуация менялась. Так, если в 1980 г. за огра-

ничество зарплаток самых высокооплачиваемых групп населения было 89,7% поляков, то в 1984 г. - 56,1%; за реализацию политики полной занятости в 1980 г. выступали 77,8% населения, а в 1984 г. - 53,4% (19).

Очевидно, сама меняющаяся действительность, в частности попытки реализации экономической реформы, а также соответствующее влияние системы экономического образования, не остались безрезультатными. Причины отказа польского общества от социалистического пути развития - проблема сложная и многогранная. Но одно уже можно смело констатировать: прежде чем "Новая Польша" стала страницей истории ее народа, в сознании общества свершились процессы переоценки всей системы ценностей социализма, критическое их осмысление и в значительной мере - отрицание. Не потому, что идеалы социализма не находили отклика в умах и сердцах поляков, а потому, что они оставались лишь идеалами, ничего или почти ничего общего с жизнью не имеющими.

Примечания

1. Raport z badania Polacy'84. Dynamika konfliktu i konsensusu/ Pod. red. Adamskiego W. et al. - W-wa, 1986. - 828 s.
2. Nierówności i upośledzenia w świadomości społecznej/ Pod red. Wnuk-Lipińskiego E. - W-wa, 1987. - S.75.
3. Ibid. - S.75, 76.
4. Pohoski M. Ruchliwość społeczna a nierówności społeczne// Kultura i społeczeństwo. - W-wa, 1983. - №. -S.140.
5. Ślaska B., Gesicka G., Zaborowski W. Struktura społeczna w dziecięcym obrazie Polski//Ibid. - 1989. - N 1. - S.19-20.
6. Jarosz M. Bariery życiowe młodzieży. - W-wa, 1986. - S.32.
7. Społeczeństwo polskie drugiej połowy lat 80-ych: Proba diagnozy stanu świadomości społecznej / Pol. towarzystwo socjol. Zarząd główny. - W-wa, 1987. - 37 s.
8. Jarosz M. Dezorganizacja w rodzinie i społeczeństwie /Pol.akad.nauk. Inst.nauk ekon. - W-wa, 1987. - S.66-67.
9. Jarosz M. Bariery życiowe... S.56-57.
10. Koralewicz-Zebik J. Niektóre przemiany systemu wartości, celów i orientacji życiowych społeczeństwa polskiego// Studia socjol. - Wrocław etc., 1979. - N 4, S.175-190; Kwiatkowski S. Opinie o najważniejszych obecnie i w

- przyszłości problemach Polski i Polaków // Biul. CBOS. - W-wa, 1936. - R.2, N 4. - S.5-21; Kwiatkowski S. Polskie zachęty // Polityka. - W-wa, 1988. - R.32, N 48. - S.3.
11. Barański M., Wróbel S. Wiedza polityczna studentów // Pokolenia. - W-wa, 1987. - N 4. - S.60-68; Gesicki J., Nowaoki G. Udział młodzieży w życiu publicznym // Pokolenia. - W-wa, 1987. - R.13, N 6. - S.52-64; Kalota A. Aspiracje egzystencjonalne młodzieży miejskiej // Studia sociol. - Wrocław etc., 1987. - N 1. - S.175-186.
12. Polska młodzież 1986 // Pod red. Bogusza J. - W-wa, 1987. - S.69, 72.
13. Raport z badania... 3.239.
14. Lipiec J.S. Świadomość historyczna uogólnienia i wnioski z badań // Pokolenia. - W-wa, 1985. - R.II, N 12. - S.78.
15. Tuszyńska A. "Nie jestem rasistką..." // Kultura. - Paryż, 1990. - N 6. - S.19.
16. Gebethner S. Współczesna polska kultura polityczna // Lrd. - W-wa, 1987. - R.5, N 1. - S 6,7,11.
17. Raport z badania ... S.224.
18. Shaff A. Polskie requiem dla realnego socjalizmu // Nowe drogi, W-wa 1990, N 1. - S 45.
19. Raport z badania ... S.224, 616, 620.

Н.Д.КАЛАШНИКОВА

РУМЫНИЯ-1989: КОНЕЦ "ЗОЛОТОЙ ЭПОХИ"

Заканчивался 1989 г., оставив на оуд истории первые шаги демократизации в СССР, новые политические преобразования в Венгрии и Польше, "нежную революцию" в Чехословакии, падение авторитарного режима в Болгарии и "берлинской стены", а также XIV съезд РКП, на котором в сопровождении здавиц единогласно в шестой раз Н.Чаушеску был избран генеральным секретарем партии. Этот год, начавшийся в Румынии кампанией всенародного празднования руководителя государства, на первый взгляд, мало отличался от предыдущих: поездки правящей четы по стране, произнесение речей, встречи с трудящимися. Речи по-прежнему повторяли одна другую и строились по испытанной схеме: внутренние дела (грандиозные успехи страны на пути к всесторонне развитому социалистическому

обществу) и международное положение (углубление мирового экономического кризиса, накал общественной напряженности, активизация ядерного противостояния и неуклонное стремление Румынии в лице ее лидера выступать в роли миротворца и третейского судьи как в рамках ООН, так и в советско-американских отношениях).

Румынское телевидение все два часа, отведенные режимом экономии электроэнергии, изо дня в день демонстрировало хронику политической жизни правящей четы и посвященные ей поэтико-музыкальные программы. Центральные газеты подробно и однообразно информировали о руководящей деятельности вождя румынских коммунистов, публиковали восторженные отзывы о ней из-за рубежа; в качестве телеграфных сообщений, без комментариев передавали информацию о международной жизни, среди которой, как правило, не находилось места для сообщений о пробуждающихся народах Восточной Европы и СССР. Пустовали из-за холода залы и темнота на улицах театры. Крыши домов обрастали самодельными антеннами, по необъяснимому попустительству служб "безопасности" открывавшимися по вечерам телеокна в СССР, Венгрии, Югославию, Болгарию. С рассветом улицы оживали, выстраивались многосотенные очереди у магазинов в ожидании возможного подвоза продуктов. Шла обычная жизнь, воспринимавшаяся в Румынии с начала 80-х годов как злая неизбежность.

XIV съезд РКП, открывшийся 21 ноября 1989 г., проходил по хорошо отработанному сценарию. Скандировались лозунги "Чаушеску - РКП", "Чаушеску - Румыния - наша гордость и честь", "Переизберем Чаушеску на XIV съезде", "Чаушеску - Румыния - мир и дружба" - все лозунги в рифму. Первой после доклада вождя выступила Е. Чаушеску, подчеркнувшая твердую позицию партии и ее руководителя в отстаивании принципов научного социализма и выразившая полное согласие с документами (?) съезда и докладом, представленным генсеком¹. Выступления в прениях по докладу начинались обращениями "Торачо любимый уважаемый товарищ

Чаушеску! Глубокоуважаемая товарищ Елена Чаушеску!" и заканчивались соответствующими здравицами. В качестве личного творческого вклада ораторы добавляли эпитеты "герой среди героев нации", "гениальный стратег в создании новой истории страны", "выдающаяся личность современного политического мира". В течение следующих двух недель бурным потоком шли телеграммы с поздравлениями Н.Чаушеску по случаю триумфального избрания руководителем страны. "Исполнилось желание всей нации иметь на корме своих достижений Вас, товарищ Н.Чаушеску, воплощение гонимого, поборника создания на древней румынской земле социализма и коммунизма... Воздаем чувство глубокого уважения товарищу Е.Чаушеску, выдающемуся политическому деятелю, ученому, получившему широкое международное признание, за огромный вклад в разработку политики партии, в процветание образования, национальной культуры..."² Приведенная телеграмма от Союза журналистов исчерпывает содержание множества подобных.

До трибунала и расстрела правящей четки Чаушеску осталось три недели...

I. Наследник по прямой

Накануне и сразу после XIV съезда РКП политики и специалисты-румыноведы задавались риторическим вопросом: наступит ли черед демократических перемен в Румынии? Американский историк К.Вердери отвечала однозначно: полицейские репрессии, дезорганизованная оппозиция, единое партийное руководство, проявившееся в Румынии в более жестких формах, чем в других странах, оставляют минимальные возможности для вступления страны на путь демократических реформ. Во-первых, утверждала Вердери, уровень слезки и репрессий в коммунистической Румынии выше, чем в любой другой стране Восточной Европы. Сила правительства поддерживается широко распространенным осведомительством, которое стимулируется доступом к дефицитным товарам, предоставлением жилья и т.д., что повышает эффективность

тайной полиции. Во-вторых, у населения мало опыта в создании оппозиции. Лидеры движений, аналогичных чехословацкой "Хартии 77", ушли из жизни при таинственных обстоятельствах или высланы на Запад. Причем дезорганизации диссидентского движения в Румынии сам Запад и способствовал: в отличие от польских, чешских или венгерских, румынские диссиденты не пользовались его поддержкой, ибо сам официальный режим в Румынии до определенного времени был удобной Западу "занозой в глазу у Кремля". В-третьих, в чехословацком, польском, восточногерманском, венгерском и частично болгарском партийном руководстве существовал раскол между консерваторами и реформистами. В Румынии реформисты систематически изгонялись из руководства в рамках жесткого следования принципу ротации кадров на всех уровнях государственного и партийного управления³. И, наконец, как справедливо отметил американский политолог Т.Барнет, Чаушеску последовательно искоренял всех сторонников Москвы, сделав румынский национализм пробным камнем проверки лояльности, а потому он готов противостоять "политическим потрясениям, вызванным перестройкой Горбачева"⁴.

Авторы довольно многочисленных вопросов сходились в основном выводе: в ближайшей перспективе контроль Чаушеску над властью представляется прочным, что еще раз убедительно доказывал XIV съезд РКП. И если события в Восточной Европе, возможно, застали врасплох Запад, то стабильность Румынии указывала на то, что Чаушеску готовился к этому 20 лет.

Внимательное изучение документов за 1989 г. дает возможность убедиться, что вождь румынских коммунистов не оставлял без внимания события в Восточной Европе, наращивая и ужесточая хорошо известную ему форму противостояния: скрытую полемику. Вот несколько примеров.

Январь 1989 г. В СССР бурно идет подготовка к первой демократической выборной кампании. Кое-кто в Румынии выражается "крамоллой перестройки". А между тем в стране в

это время идет чествование "гения Карпат". В порыве благодушной откровенности в речи по случаю своего дня рождения Чаушеску заявил: "Я вновь посмотрел в нашу Конституцию! Просмотрел Устав партии — формы демократических выборов сверху донизу, — систему организации советов трудящихся, функционирование органов демократии. У нас, товарищи, замечательные рамки! Нет сегодня в мире таких демократических рамок, в которых все социальные категории организовано, в той или иной форме участвовали бы во всей деятельности общества!"⁵ Поводов для нагнетания чувства глубокого удовлетворения Н. Чаушеску находил немало. Так, голодающему населению, получившему в отдельных районах страны пайку хлеба в 300 г., между прочим сообщалось, что "если несколько лет назад в стране производилось по 1 т зерна на душу населения, то в 1989 г. эта цифра выросла в три раза"⁶. (Заметим, кстати, что правительство новой Румынии обнаружило в "закромах родины" лишь 16,8 млн т хлеба вместо обещанных 60). Октябрьский (1989 г.) Пленум ЦК РКП обнародовал информацию, согласно которой "Румыния числится среди первых стран Европы и мира по темпам развития, а некоторые данные выдвигают ее на первое место по социально-экономическому развитию"⁷.

Летом, когда в СССР проходил I съезд народных депутатов, активизировалась политическая жизнь в Польше и Венгрии, а в самой Румынии появилось так называемое "Письмо шести" и ряд других проявлений инакомыслия, Чаушеску впервые заговорил об "определенных попытках в некоторых странах отступить от научного социализма". В номере от 21 августа американский "Ньюсуик" поместил интервью президента Румынии. На вопрос, как он расценивает демократические преобразования в Венгрии и Польше, Чаушеску ответил, что "если бы они осуществили их полностью, это было бы катастрофой".

Массированные нападки на процесс демократизации в Восточной Европе начались на октябрьском (1989 г.) пленуме ЦК РКП, где Чаушеску остановился на вопросе о "де-

тельности реакционных, антисоциалистических кругов, их акцией вмешательства во внутренние дела социалистических стран с целью дестабилизации"⁸. Тезис о вмешательстве империалистических кругов, сдобренный версией об иностранных шпионах и наймитах, использовался Чаушеску достаточно широко. Оценивая упомянутое "Письмо шести" бывших деятелей РКП, содержащее критику существовавшего режима, Чаушеску заверил американского корреспондента, что один из авторов этого письма - агент Советского Союза, другой - агент США, третий - Англии, еще один - наймит Франции.⁹ На октябрьском пленуме руководитель РКП призвал к осуждению тезисов о "так называемой рыночной экономике", о "совершенствовании, обновлении, перестройке" и других формах преобразования общества. Не была обойдена вниманием и внешнеполитическая деятельность М.С.Горбачева, совершившего в это время ряд визитов в страны Западной Европы. Со всем сарказмом политического трибуна, кем несомненно являлся Чаушеску, он заметил: "Хорошо бы напомнить о вопросе, который задавал себе социалист Бебель в прошлом веке, при Бисмарке: "В чем ты ошибся, бедный Бебель, если тебя хвалит реакция?" Некоторые должны задать себе вопрос не только в чем они ошиблись, но и какой социализм они хотят построить. Социализм, который прославляют и хотят финансировать империалистические круги?"¹⁰ Вряд ли стоит вспоминать, что среди первых политических шагов самого Чаушеску было наведение мостов с Западом на фоне предпринимаемых им же мер по частичной демократизации общества, восторженно там приветствовавшихся. Румынская оттепель длилась, к сожалению, недолго, менее 4 лет, но принесла немалые финансовые дивиденды со стороны Запада, обернувшиеся затем долговым яром для народа. Уже тогда, в середине 60 - начале 70-х годов, стал очевиден основной принцип политики нового румынского руководителя: политическое маневрирование, традиционное "сидение на двух стульях" при полном нежелании и обязанности экономических и демократических реформ.

Доклад на XIV съезде РКП в целом повторил приведенные выше тезисы. Однако, достигшие апогея события в Восточной Европе к началу съезда (21 ноября 1989 г.) делали для Чаушеску все более очевидным неизбежность конца или прямой конфронтации. Из агитационной, идеологической обертки в его руках остался, пожалуй, последний боевой патрон: разжигание страстей по поводу советско-германского договора 1939 г., а именно, бессарабский сюжет. Поднимая вопрос о советско-германских договоренностях 1939 г., Чаушеску преследовал цель и уколоть лишний раз советское руководство за активизацию отношений с ФРГ, а главное, за падение "берлинской стены", а затем и правления коммунистов в ГДР, лишивших его преданного союзника. Прозвучал призыв перейти к переговорам всех "заинтересованных сторон" по "ликвидации последствий" договора 1939 г.¹¹ Были ли эти заявления продиктованы действительной заботой о судьбах Европы? Скорее всего - нет. На октябрьском (1989 г.) пленуме ЦК РКП резкому осуждению была подвергнута идея общеевропейского дома, а также тезис "деидеологизации международных отношений"¹². Была ли в многочисленных заявлениях о событиях в Восточной Европе искренняя забота о судьбах социализма? Еще в августе 1989 г. Чаушеску откровенно определил свои политические симпатии: "За двадцать лет Сталин превратил Россию из отсталой страны во вторую по своему могуществу державу мира. Конечно, он допускал ошибки. Сейчас легко говорить, что Сталин не сделал ничего хорошего. Но он выиграл войну. Он создал ядерное оружие. Он сделал все, что должен сделать человек в его положении. Когда я впервые посетил Москву в 1950 г., в магазинах было полно продуктов, одежды и других товаров... Сейчас все плохое в Советском Союзе связывают со сталинским временем, хотя его нет уже сорок лет"¹³. Можно признать за Чаушеску право на критику, если бы его политические идеалы не определяли судьбу целой нации и если бы вознесся он в середине 60-х годов не на критике догматизма и сталинизма.

От скрытой полемики румынский лидер перешел к конкретным действиям. Состоявшийся 1 декабря 1989 г. пленум ЦК РКП дал ему карт-бланш на вступление в контакт с другими социалистическими и коммунистическими партиями с тем, чтобы как можно скорее созвать конференцию "для обсуждения проблем социалистического строительства". 5 декабря 1989 г. Чаушеску провел в Бухаресте переговоры о северо-корейским министром иностранных дел Ким Ен Намом, приехавшим в Румынию через две недели после встречи руководителя РКП с премьером этой страны. Обе стороны осудили "любое вмешательство империалистических кругов, стремящихся дестабилизировать положение в социалистических странах"¹⁴. По заявлениям западной печати, румыно-северокорейские переговоры явились звеном в цепи активизировавшихся контактов Чаушеску с руководителями наиболее консервативных коммунистических режимов. Поступали сведения об установлении им тесных контактов и соответствующих договоренностей с руководителями рухнувших вскоре "братских" правительств Болгарии, Чехословакии и ГДР.

11 декабря 1989 г. состоялось заседание политисполкома ЦК РКП, на котором подводились итоги прошедшей накануне в рамках встречи руководителей стран-участников Варшавского договора беседы между Н. Чаушеску и М. Горбачевым. Ход этой встречи, на которой присутствовали новые руководители обновляющейся Восточной Европы, произвел тяжелое впечатление на румынского лидера и побудил к новым оборонительным действиям. Решением политисполкома был срочным порядком создан очередной партийно-государственный орган — Верховный совет по координации контроля над экономической, финансовой и социальной деятельностью со странной миссией: осуществлять контроль над контролем, а также принимать "решительные меры по укреплению ответственности, порядка и дисциплины во всех областях деятельности". Логическим продолжением этого был указ о переводе пограничных войск из подчинения Министерства национальной обороны в Министерство внутренних дел. Была

проявлена забота и о подконтрольном досуге народа: по случаю нового, 1990 г. планировалось организовать "политико-идеологические мероприятия с богатым воспитательным, патриотическим и революционным содержанием"¹⁵.

Не вызывает сомнения, что "патриарх" чувствовал конец своей "золотой осени". Уже после декабрьских революционных событий была опубликована стенограмма заседания постоянного бюро прлитисполкома ЦК РКП, состоявшегося 14 декабря 1989 г. Есть смысл процитировать ее. "Чаушеску: Если мы уедем завтра с визитом в Иран, постоянное бюро будет отвечать за всю деятельность. Работу будут координировать Елена Чаушеску и Маня Мэнеску. Никто из членов постоянного бюро не должен уезжать из Бухареста в эти дни... Я приказал прекратить любую туристическую деятельность. Из-за границы не должен больше приезжать ни один турист, потому что они все трансформировались в агентов и шпионов. Должна быть прекращена приграничная торговля... Из социалистических стран тоже больше не должны приезжать, кроме Кореи, Китая и Кубы. Потому что все соседние страны не вызывают доверия. Оттуда приезжают агенты. Во всех уездах нужно объявить тревогу. Подразделения МВД и госбезопасности нужно поддерживать в боевой готовности... У меня складывается впечатление, что на съезде положение было не совсем понято. Все должны знать, что мы находимся в состоянии войны. Все, что случилось и происходит в Германии, Чехословакии и Болгарии сейчас и в прошлом - в Польше и Венгрии, - дела, организованные Советским Союзом при поддержке Америки и Запада... Все, что случилось в ГДР, Чехословакии и Болгарии, - государственные перевороты, организованные отбросами общества при поддержке заграницы... Мы переживем эту ситуацию. У нас была подобная ситуация в 1968 г., сейчас положение еще хуже, потому что процветает демагогия, народ обманывают антикоммунистическими лозунгами, потому что хотят ликвидировать социализм"¹⁶.

Ценность приведенного документа возрастает с учетом

того, что относится он к тому времени, когда до волнений в Тимишоаре оставалось 3-4 дня, т.е. о массовых народных выступлениях еще не могло быть и речи. Можно было бы отнести этот сюжет к одному из многочисленных вопросов и загадок декабрьской революции: если события действительно носили внезапный характер, то что толкнуло Чаушеску на превентивные введение таких мер? Можно предположить, что сам дух народного бунта носился в воздухе и предпринятые меры были вызваны одолевшей "патриарха" манией преследования. Но если считать, что определенная подготовка свержения Чаушеску все-таки была, то введение чрезвычайного положения могло стать результатом просочившейся информации. Проанализированные документы и события, при учете двух предыдущих поводов, делают очевидным третий: боязнь вмешательства извне в той или иной форме на фоне наэлектризованного, располагающего к революционному взрыву общественного климата. Так или иначе, Чаушеску готовился к событиям и был готов именно в тот момент, когда готовность эта стала необходимостью.

Генерал-лейтенант И.Пачепа, возглавлявший в течение длительного времени службу безопасности и бывший близким помощником Чаушеску, а затем, в 1978 г. оставшийся в США, написал книгу о диктатуре и имевшейся в распоряжении лидеров страны системе безопасности. Пачепа утверждал, что Чаушеску израсходовал миллиарды долларов на строительство подземных ходов под Бухарестом, где хранились оружие, боеприпасы, запас воды и провианта. В соответствии с планом "М" ("Мобилизация") Чаушеску и его жена, ведущие помощники имели бы возможность спрятаться во внутреннее кольцо тоннелей, в то время как вооруженные до зубов части "секуритате" должны были занять внешнее кольцо и оказывать сопротивление через бункеры, специально оборудованные квартиры в черте города. Во время "секуритате" располагали запасами бактериологического и химического оружия¹⁷. Система тотального подавления и контроля подкреплялась практикой передачи ключе-

вых руководящих постов в государстве представителям многочисленного семейного клана, подкачки, шантажом и запугиванием.

Однако, какую бы большую роль в условиях парткратического диктаторского социализма не играли Первый и Второй кабинеты страны, было бы недальновидным преувеличивать значение этих злобных фигур. Двухдцатипятилетний период "золотой эпохи Чаушеску" произошел на хорошо возделанной для него почве и явился своего рода закономерностью, логическим продолжением событий, связанных с приходом к власти РКП.

Образованная 8 мая 1921 г. компартия Румынии, носившая первоначальное название "социалистическо-коммунистической", к своему V съезду (январь 1932 г.) практически полностью определила позиции по ключевым вопросам революционного движения. Принятая на этом съезде стратегия и тактика означали неуклонное движение партии в сторону "большевизации". На первой национальной партконференции, состоявшейся в октябре 1945 г. в легальных условиях, эти позиции были подтверждены и конкретизированы. В сентябре 1945 г. партия насчитывала в своих рядах 253 тыс. членов, а спустя два года уже 710 тыс., из которых 44% составляли рабочие и 39% - крестьяне¹⁸. Первый опыт участия КПР в составе Народного демократического правительства после выборов 6 марта 1945 г. в значительной степени был обусловлен прямой политической поддержкой со стороны СССР. Внутри блока партий* не было единства. 4 декабря 1946 г. лидер союзной КПР либеральной группировки Г. Татареску провозгласил свое несогласие с экономической и политической стратегией коммунистов. В меморандуме, внесенном им на обсуждение, критиковались вмешательство правительства в хозяйственную жизнь, создание "атмосферы неу-

* Помимо КПР, в блок Народно-демократического фронта входили: Социал-демократическая партия, единые профсоюзы, "Фронт земледельцев", "Союз патриотов", молодежные, женские организации, МАДОС и др.

веренности в стране, ведущей к нарастающей волне недовольства". Татареску настаивал на необходимости укрепления монархии, церкви, частной собственности в любых формах, выступал против экспроприации в деревне и в городе. Остонавливаясь на вопросах внешней политики, Татареску подчеркнул, что "с Советским Союзом Румынию связывает географическое положение", в то время как "с западными странами – долголетние традиции и симпатии". В ответ на эти заявления Г.Георгиу-Деж недвусмысленно заметил, что "сотрудничество с группой Татареску подходит к концу. В правительственном лагере произошла перегруппировка сил, связанная с более твердым курсом"¹⁹.

На выборах 19 ноября 1946 г. компартия в блоке с упомянутыми партиями получила почти 80% избирательных мандатов. Под давлением сил внутри страны и позиции СССР король Михай отказался от предложения руководителей "исторических партий" – Национал-цэрэнистеской и Национал-либеральной – бойкотировать парламент. Вскоре мандаты этих партий были аннулированы, а часть руководителей и членов партии – арестованы. Летом 1947 г. Национал-цэрэнистеская и Национал-либеральная партии были распущены.

После такой очевидной политической победы над внешними оппонентами компартии в русле "твердого курса" приступила к борьбе со ставшими ненужными союзниками. Открытые репрессии против "кулацких и реакционных элементов" коснулись в первую очередь "Фронта земледельцев", заявлявшего многократно о "необходимости тесного сотрудничества с коммунистической партией". Аналогичный процесс затронул Венгерский народный союз, Социал-демократическую партию. В рядах последней обнаружились "реакционные, антисоветские правые элементы", вскоре исключенные из партии и выведенные из состава правительства²⁰. На повестку дня был поставлен вопрос о создании единой рабочей партии.

С уничтожением политических противников и устрани-

нием неблагонадежных союзников единственным препятствием, мешавшим полной и окончательной победе компартии, оставалась монархия. 24 декабря 1947 г., за три дня до возвращения короля из Великобритании, военное министерство перешло в руки коммунистов. 30 декабря 1947 г. глава правительства Петру Гроза и генеральный секретарь компартии Г.Георгиу-Деж явились на аудиенцию к королю и потребовали подписать акт об отречении, предварительно приведя в боевую готовность спецвойска и блокировав дворец. 30 декабря 1947 г. в 15 часов пополудни Михай отрекся от престола, а вечером депутаты парламента единогласно проголосовали за ликвидацию монархии и провозглашение Румынии народной республикой.

Вскоре, в феврале 1948 г. открылся I съезд Румынской рабочей партии (РРП) – единой и практически единственной политической партии в стране. Напомним, что вслед за роспуском "исторических партий" в 1947 г., весной 1948 г. прекратила существование Национал-крестьянская партия, была разогнана "группа Татареску", 6 февраля 1949 г. объявила о самороспуске Национал-народная партия, в начале 1953 г. произошел самороспуск МАЮСа, а в апреле 1953 г. – "Фронта земледельцев". Структура и механизм народной демократии были полностью разрушены; компартия Румынии все более теряла черты политического движения и срасталась с государством, олицетворяя собой уже не "часть народа", а административную бюрократическую силу, одну из наиболее ортодоксально-сталинских.

Принимая во внимание факты сектантско-догматического давления со стороны ВКП(б), а затем КПСС и Советского Правительства, было бы неверным абсолютизировать роль этого давления в развитии социально-экономических и политических процессов в послевоенной Румынии: "сталинские сапоги" пришлось в пору тем силам, которые взяли власть в Румынии в декабре 1947 г. Начавшаяся в конце 40-х годов "демократизация" органов государственного и партийного руководства была сведена в целом к изгнанию имевшихся специалистов высшей квалификации, интеллигенции. Отказ

от использования имеющегося интеллектуального потенциала находился в русле жесткого идеологического монизма в выборе направления дальнейшего развития страны. В июле 1946 г. коммунисты четко сформулировали свою точку зрения на эти вопросы: "в руководстве нашей партии нет и не может быть разногласий... Ошибки и отклонения подвергаются открытой критике и самокритике, в результате чего члены партии, в том числе и те, кто эти ошибки допустил, осознают их, а политическое и идеологическое единство и единство действий нашей партии остается нерушимым"²¹. Как говорил М. Горький, "если враг не сдается, его уничтожают". Наряду с устранением внешних оппонентов, борьба за единомыслие коснулась членов руководящего партийного ядра. Пример тому - "дело" Л. Патрашкану, историка-интеллектуала, одного из старейших членов компартии, выдвинувшего в 1946 г. отличные от "генеральной линии" тезисы о союзе со всем крестьянством, о свободной торговле, о переходе на золотую валюту (конвертируемый лей). Каждое из предложений имело большую практическую ценность. Между тем все высказанные тезисы были признаны контрреволюционными, а сам Патрашкану объявлен классовым врагом и расстрелян²². Борьба за единство внутри и за пределами партии вылилась в политику по отношению к интеллигенции как носителю реакции, классовому врагу. Процесс коллективизации интеллекта распространялся на все виды искусств, литературу, общественные науки.

В целях воспитания профессиональных идеологических и руководящих кадров в Бухаресте была создана Высшая школа общественных наук "А.А. Жданов", куда принимались для обучения члены партии в возрасте до сорока лет по специальностям "история ВКП(б)", "исторический и диалектический материализм", "политэкономия"²³. Преподавание строилось на произведениях марксизма-ленинизма в интерпретации "Краткого курса" истории ВКП(б)", работах И.В. Сталина, решение об издании сочинений которого было принято ЦК РРП в сентябре 1948 г., т.е. на год раньше издания произведений В.И. Ленина²⁴.

Причины такого идеологического и политического послушания коренились как в политическом и экономическом давлении со стороны "старшего брата", так и непосредственно в румынской почве. Во-первых, аграрно-патриархальная структура страны предопределяла собой социального заказчика и потребителя предлагаемой компартией программы, основанной на уравниловке и сильной руке; во-вторых, низкий уровень культуры, резкий отрыв широко образованной интеллигенции от большинства населения, неразвитость рабочего класса делали невозможным консенсус всех политических сил и поступательное развитие парламентских форм демократии; в-третьих, заполнение в этих условиях политического вакуума коммунистической партией, опирающейся на необладающее политической культурой полупролетарское большинство, удаление с политической арены интеллигенции, отсутствие внутри компартии теоретически грамотного руководящего ядра создавали все условия для восприятия готовых советско-большевистских схем.

Уже в первые годы правления румынская компартия осуществила политико-экономические преобразования, заложившие основу командно-административной системы: речь идет о мерах по национализации и централизации экономики, проведении соответствующей чистки госаппарата с целью избавления от "недорольных". Основой стратегии экономического развития была объявлена индустриализация по широкому фронту при строгом контроле со стороны государства. В середине 1949 г. РРП приступила к кооперированию деревни. Переход от аграрной к аграрно-индустриальной модели потребовал огромных физических и материальных затрат и оставил разрушительный след на развитии сельского хозяйства — традиционной отрасли румынской экономики. Именно оно стало на долгие годы поставщиком рабочей силы, материальных средств для промышленности, продуктов питания не только для обеспечения страны, но и для продажи за границу в целях получения валюты. Оголив и разорив деревню, окрепшая румынская индустрия развивалась по замк-

нугому кругу, производя продукцию для обеспечения собственных же нужд. Это, однако, стало заметно не сразу, и на первых порах политика администрирования в экономике принесла ожидаемое улучшение жизни, повышение ее уровня. Нарастив использование экстенсивных факторов развития, Румыния удивляла мир высокими темпами экономического роста, выигранными статистическими сопоставлениями с крайне низкими показателями ее военного и довоенного уровней.

Доклад Н.С.Хрущева на XX съезде КПСС, разоблачивший многие стороны культа личности Сталина, застал руководство РРП врасплох. Несмотря на уход из жизни "вождя и учителя" в 1953 г., за три последующих года в Румынии не появилось каких бы то ни было ростков демократизации: "сталинские сапоги" были хорошо пригнаны и в отсутствие самого хозяина не только не беспокоили, но и согревали.

Процесс "отказа от догматических методов в управлении общественной жизнью", начатый после расширенного мартовского (1956 г.) пленума ЦК РРП "Об итогах XX съезда КПСС", шел медленно и имел форму косметической чистки. Изменялись названия городов, улиц, вузов - с русских, часто не связанных и именем Сталина и его оподвижников - на национальные. Менялись репертуары театров в пользу румынской и зарубежной драматургии. Таким образом, было положено начало отторжению тех или иных проявлений влияния СССР на политическое развитие Румынии. В то время как внутренние факторы, способствовавшие становлению командно-бюрократического режима сталинского типа на румынской почве, оставались прежними.

Вывод советских войск из Румынии в значительной степени ознаменовал начало качественно нового этапа в развитии страны, связанного с оформлением особой политической доктрины румынской компартии, получившей в западной историографии название "национального коммунизма", а если точнее, - национально-тоталитарного государства. Именно в конце 50-х годов под руководством Г.Георгиу-Дежа ком-

партия Румынии определила тенденции последующего тридцатилетнего периода, получившие официально-программное оформление уже в "золотую эпоху" Чаушеску.

К концу 50-х годов в стране завершилась смена старой политической элиты новым поколением, не связанным с традициями революционного рабочего движения. Высокие темпы промышленного роста наряду с политическими призывами к независимости в коммунистическом блоке обнадеживали румынское руководство в его стремлении к экономической автаркии, к развитию "своими силами". Следует иметь в виду и расширявшиеся в этот период экономические контакты с Западом - все это усилило разлад Румынии с союзными странами. На выбор нового политического курса повлияли и внешнеполитические шаги, предпринятые правительством Г.Георгиу-Дежа: несогласие с СССР в его конфликте с Китаем, оппозиция по вопросам интеграции с СЭВ. Однако кульминационным пунктом в официальном оформлении нового курса стала "Декларация о позиции РПР в вопросах коммунистического и рабочего движения", принятая ЦК РПР в апреле 1964 г.

Гром из Румынии прогремел достаточно неожиданно. 22 апреля 1964 г. "Скынтея" отвела большую часть своей площади материалам, связанным с 94-й годовщиной со дня рождения В.И.Ленина. Вопросы революционного движения, основные позиции марксизма-ленинизма толковались в традиционном духе. А уже 26 апреля появилась Декларация, основными пунктами которой были: равные, без приоритета СССР, отношения со всеми социалистическими странами; роспуск всех военных блоков и создание безъядерных зон; равноправное положение всех государств в СЭВ; строгое соблюдение принципов международных отношений нового типа на основе суверенитета, независимости, невмешательства во внутренние дела. Декларация РПР отклоняла принципы экономической интеграции и координации народнохозяйственных планов. Судьба данной Декларации стала, пожалуй, первым наглядным примером того, как увядают, не развив-

шись, любуясь ростки нового политического мышления, брошенные на почву административно-партийной системы сталинского образца. Политика особого внешнеполитического курса стала на деле не более, чем выражением национального эгоизма как средства поддержания устоев прежних государственно-партийных институтов. Новый курс теснейшим образом смыкался с концепцией "национального государства". Понятие "суверенитет" (политический, экономический, культурный) стало олицетворением все в большей степени основным условием политической, и идеологической программы партии и имел значение только с точки зрения "национального государства" или неизбежности партийно-бюрократических устоев.

Приход к политической власти нового молодого лидера - Николае Чаушеску - был обусловлен необходимостью преемственности и активизации уже заявленного курса. За спиной нового партийного руководителя были яркие эпизоды революционной молодости и отсутствие очевидных просчетов, связанных с периодом ортодоксального сталинизма 1944-1956 гг. Каких-либо личных или идущих от существа самой системы моральных и политических обязательств перед руководством СССР, чем "грешил" его предшественник, новый "наследник" не имел. Его первые годы у власти (1965-1969 гг.) умножили и развили политическое наследие Г.Георгиу-Дежа настолько, что на Западе заговорили о румынской оттепели.

В первой же "тронной речи" на IX съезде РКП (1965 г.) Чаушеску заявил о необходимости "принципиального, свободного обсуждения вопросов творчества, теории и истории искусства"²⁵, что после длительного периода травли неортодоксальных деятелей культуры было воспринято как коренной поворот в политике по отношению к интеллигенции. В области внешней политики провозглашалось последовательное развитие заявленного в Декларации 1964 г. курса. С этого момента "особое мнение" Румынии фигурировало практически в каждом международном документе.

Успехи, связанные с созданием современной промышленности, реорганизацией сельского хозяйства, укрепление позиций РКП как внутри страны, так и – в связи с введением элементов демократизации – за рубежом создавали возможность для модернизации в экономической сфере в том случае, если проявилась бы трезвая готовность поступиться определенными принципами. Однако именно этого и не произошло.

Приняв в середине 60 – начале 70-х годов курс на восторженное развитие, РКП выдвигала задачи пропорционального движения во всех отраслях экономики. При этом, в русле выполнения энергетического плана, к 1985 г. промышленные нужды на 90% должны были быть обеспечены за счет своих ресурсов; к 1990 г., как предполагалось, Румыния должна была стать независимым с энергетической точки зрения государством²⁶. На деле же уже к 1980 г. страна столкнулась с проблемой нарастающего энергетического голода.

Потому и достижения страны в повышении уровня жизни наблюдались лишь в 1950–1972 гг., когда давало известную отдачу формирование экстенсивных факторов роста экономики. Но с конца 70-х годов положение изменилось. Уровень жизни по сравнению с серединой 70-х годов упал в 1983 г. на 40%²⁷. В течение 1982 г. цены на предметы потребления выросли на 12%, на электроэнергию – на 30%²⁸, на газ – в 1,5 раза²⁹. В 1981 г. были введены ограничительные нормы потребления на основные продукты питания, к середине 80-х годов они были еще более ужесточены. По данным западной печати, внешний долг Румынии вырос с 1,1 млрд долларов в 1971 г. до 10,1 млрд долларов в 1981 г. и снизился до 9 млрд в 1983 г.³⁰ Однако, за счет так называемого "валютного риска" сумма задолженности была взвинчена до 14 млрд долларов. Ставка Чаушеску на лобезно предоставлявшееся в 1965–1970 гг. займы не оправдала себя: экстенсивная экономика как губка впитывала валютные инъекции, давая одну дефицитную брешь и обнажая другие.

Определенное время прикритием и оправданием "временных трудностей" служила концепция "национального государства". В эмоциональных, исполненных артистизма речах Чаушеску "среднему румыну" эти трудности объяснялись примерно так: единая великая Румыния освободилась от диктата Советов. Как бы трудно не было, она своими силами, самостоятельно станет процветающей страной, независимой и суверенной. Запад дает займы, и мы обратим туда взоры, не поступившись, однако, принципами своего, национального социализма. Какое-то время эти установки находили отклик в обществе, тем более, что сопровождалась сначала ростками демократизации, которые, правда, вскоре были решительно затоптаны охранно-репрессивной системой. Руководство РКП уже к концу 60-х - началу 70-х гг. вернулось на испитанные позиции жесткой централизации и тотального подавления и с тех пор уже больше никогда не сходило с этих позиций.

Все более и более замыкаясь в узком кругу наиболее преданных аппаратчиков, Чаушеску устранил любые проявления несогласия со своей политической линией. Лишь после революционных событий 1989 г. стало известно о целой сети политических тюрем, о практике ссылки неугодных на принудительные работы, в частности, в соответствии с известной в СССР практикой, на строительство канала Дунай-Черное море. В условиях закрытого общества большая часть таких операций осуществлялась негласно. Однако, на XII съезде РКП один из старейших членов партии К.Пырвулеску открыто высказал свое несогласие и возмущение действиями Чаушеску. Договаривать ему пришлось при выключенной радиотрансляции и микрофонах в зале, но резонанс был огромен. По стране прокатилась волна реакции и политических репрессий. Разрозненное, глубоко законспирированное диссидентское движение являло собой цепочку локальных всплесков внутри страны и все более перетекало на страницы западной прессы. Во второй половине 80-х годов единственным источником правдивой информации для румын стали

западные "голоса". Выступления шахтеров в долине Жиу, волнения в Брашове носили неорганизованный, спорадический характер и не стали определяющими в консолидации недозволенных, оставив немногочисленных представителей оппозиционной интеллигенции в изоляции.

По мере нарастания оппозиционных движений в Восточной Европе, проявления инакомыслия в Румынии стали носить более направленный характер. В марте 1989 г. появились два документа, с содержанием которых посредством западного вещания могли ознакомиться практически все румыны. Так называемое "письмо шести", адресованное лично Чаушеску, было подписано уже упомянутым К.Пырвулеску, бывшим генеральным секретарем компартии в довоенные годы; К.Бырлодяну, бывшим заместителем премьер-министра, председателем госплана; К.Мэнеску, бывшим министром иностранных дел; С.Бруканом, бывшим главным редактором газеты "Скинтея", представителем СРР в ООН и посланником в США; Г.Рэчану, ветераном РКП. В письме жестко критиковались практика разорения сел, декрет, запрещающий вступать в контакт с иностранцами, преследования и аресты, затраты на строительство "гражданского центра" в Бухаресте, деятельность служб безопасности, контроль за перепиской и прослушивание телефонных разговоров, осуществление форсированной ассимиляции национальных меньшинств, рост политической изоляции страны, когда ряд стран закрыл свои посольства в Бухаресте. Авторы письма призывали положить конец экспорту продовольствия, который "ставит под угрозу биологическое существование" румынской нации³¹. Реакция властей не заставила долго ждать. Через несколько дней после его опубликования на Западе румынская печать сообщала о "раскрытии органами безопасности акта государственной измены, совершенной дипломатом Мирчей Рэчану". Последний — приемный сын одного из авторов письма. Его обвинили в связях с иностранной разведкой. Волею за этим сообщением румынская печать заперestreла призывам к повышению бдительности, соблюдению

правила общения с иностранцами. Автор этих строк была лично ознакомлена с анонимным посланием, которое получила одна "неортодоксальная" румынская семья: в чистом конверте лежала вырезка из "Смынтейи" с заметкой об аресте сына Рачану, где от руки было приписано: "имейте в виду!" В этой семье тоже был взрослый сын, имелись дети и в других домах, получивших аналогичные весточки от "секуритате".

17 марта 1989 г. французская "Либерасьон" опубликовала интервью с румынским поэтом Мирчей Динеску, ставшим впоследствии героем революции. По словам Динеску, "личное мнение в стране давно упразднено". "Румыния, которую называли когда-то романским островом в славянском мире, стала островом во всех смыслах этого слова... Когда политические архитекторы в Париже или далекой Москве набрасывают очертания общего европейского дома, то в нем не будет хватать одного окна - Румынии". Давая оценку волнениям рабочих в Брашове в ноябре 1987 г., М. Динеску рассказал о жестоких репрессиях, последовавших вслед за этим, в то время как "у правосудия не только завязаны глаза, но и рот заткнут клешней".

26 августа газета "Таймс" опубликовала статью с изложением доклада профессора Д. Мазилу, содержавшего решительные нападки на политику Чаушеску. Профессору Мазилу было поручено подготовить этот доклад, когда он работал в подкомиссии по предупреждению дискриминации и защите меньшинств Комиссии ООН по правам человека. Ему не дали возможности выехать из Румынии, чтобы представить этот доклад сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1987 г., а Центру ООН по правам человека не удалось связаться с ним, и доклад был переправлен нелегально. В докладе описывались трагические эпизоды быта румынских семей, когда "миллионы людей просто голодают. После многолетнего недоедания организм женщины не в состоянии выносить плод, а после родов у женщины нет молока и нечем выкормить детей. Из-за отсутствия отопления сильные простуды уносят из жизни тысячи детей и стариков". Трагичен был

и вывод о том, что "отец, который тратит свои силы на то, чтобы накормить своих детей, спасти их от смерти или переохлаждения, не имеет сил для того, чтобы сосредоточить свое внимание на том, как улучшить деятельность правительства". Впоследствии, вплоть до ноября 1989 г. румынское руководство препятствовало организации встречи Д.Мазилу с официальными представителями ряда западных стран, угрожая предпринять в противном случае "жесткие меры".

В конце сентября в западной печати промелькнуло сообщение о неизвестной до сих пор румынской оппозиционной группе "Фронт по спасению нации", которая выступила с призывом к делегатам предстоящего съезда РКП не голосовать за Чаушеску. По мнению авторов призыва, вся экономическая жизнь страны поражена оппортунизмом и некомпетентностью, что проявилось в банкротстве экономической политики Чаушеску и его семьи.

14 декабря Европейский парламент вновь осудил нарушения прав человека в Румынии. Выразилась озабоченность депутатов о судьбе 14 человек, подписавших обращение с протестом против переизбрания Чаушеску. Европарламент обратился с призывом к членам ЕЭС заморозить все экономические контакты с Румынией.

"Золотая эпоха" подошла к концу.

2. Между тоталитаризмом и хаосом

16 декабря 1989 г. в трансильванском городе Тимишоара произошли столкновения между силами правопорядка и демонстрантами, организовавшими живую цепочку вокруг дома протестантского священника Ласло Текеша, которому грозила депортация. Выступления в защиту священника-инакомыслящего переросли в протест тысяч людей против режима Чаушеску. Различные телеграфные агентства сообщали свидетельства очевидцев происходящего побоища, видевших окровавленных молодых людей и плывущие по каналу портреты Чаушеску. Мно-

гие из демонстрантов были арестованы. В ночь на 17 декабря более 4 тыс. человек как венгерской, так и румынской национальности окружили церковь, где скрывался священник. Держа в руках зажженные свечи, пикетчики пели "Вставайте, румыны, проснитесь!" Подразделения милиции, которым противостояла толпа, вынуждены были отступить. По сообщениям агентства ТАИОГ, против демонстрантов были применены слезоточивый газ и огнестрельное оружие.

20 декабря, возвратившись из Тегерана, Н. Чаушеску обратился к народу по радио и телевидению. Действия демонстрантов в Тимишоаре были охарактеризованы им как "инцидент с участием хулиганствующих, антинациональных, террористических элементов". События, по утверждению Чаушеску, были организованы и начаты "при поддержке реакционных, империалистических, ирредентистских, шовинистических кругов, шпионских служб различных зарубежных стран". Докладчик подчеркнул, что эта кампания против Румынии является частью общего плана, направленного на подрыв независимости и суверенитета народов.

21 декабря в полдень в Бухаресте был созван митинг. Чаушеску еще раз подчеркнул, что беспорядки в Тимишоаре были подготовлены и инспирированы враждебными силами, которые хотят территориального расчленения страны. Он также сообщил, что на утреннем заседании политисполкома ЦК РКП принято решение о "дополнительных мерах по улучшению благосостояния народа": повышение зарплат, пенсий, пособий по рождаемости. Во время митинга была взорвана петарда, что внесло нервозность в настроение толпы. Чаушеску так и не удалось закончить выступление. Митинг был сорван. Одновременно на центральной бухарестской магистрали Магэру скопилось большое количество людей. Они сплотились в тесный круг и стали выкрикивать антиправительственные лозунги, требовать отставки руководства страны. Раздавались взрывы гранат со слезоточивым газом. Милиция и силы безопасности стали разгонять толпу. По центральной улице румынской столицы волею за

шеренгой автоматчиков двигались танки. Раздавались автоматные очереди, взрывы. Протестующих вытеснили на Университетскую площадь. Над городом кружили вертолеты.

22 декабря после восьми часов утра, когда окончательно рассело, над городом вновь закружили вертолеты, слышались выстрелы. Основная масса демонстрантов была вытеснена с Университетской площади на бульвар Республики. Сотни людей, держа в руках зажженные свечи, продолжали скандировать антиправительственные лозунги. Около 11 часов мощный поток демонстрантов, выкрикивая "Армия с нами!", "Мы - народ!", смешался с солдатами, стоящими на бульваре Республики. Демонстранты залезали на танки и бронетранспортеры и развешивали транспоранты "Мы - за свободу!", "Хотим демократии!" К полудню обстановка продолжала накаляться. Колонны демонстрантов, заполнившие весь центр города, насчитывали несколько сот тысяч человек. В некоторых местах проходили братания с солдатами. В это же время у себя в кабинете был застрелен генерал В.Миля, министр обороны, как выяснилось позже, противостоявший использованию войск для подавления волнений в Тимишоаре и Бухаресте.

Во второй половине дня стало известно, что чета Чаушеску бежала на вертолете. Бросив затем вертолет в сельской местности, они сменили его на машину "секуритате". В нескольких километрах от г. Тирговиште (70 км от Бухареста) они захватили гражданский автомобиль. Его хозяин Николае Петришор около 2 часов дня мыл свою машину, когда к нему, угрожая пистолетом, подошел человек и приказал взять двух пассажиров. Согласно сообщению "Либерасьон", Петришор заявил, что за время поездки Елена Чаушеску высказывалась за то, чтобы скрыться в лесах, а Николае предполагал, что надо идти к рабочим на предприятия. Однако во время первой же остановки чета была арестована. По словам Петришора, Чаушеску был очень расстроен этим и расплакался: "Во времена моей молодости здесь ничего не было. Я дал им все, я дал им все..."³² Вечером состоял-

ся первый митинг, где на трибуне стояли члены образованного Совета Фронта национального спасения.

23 декабря всю ночь продолжались ожесточенные уличные бои между перешедшими на сторону восставшего населения армейскими подразделениями и верными прогнившему коммунистическому режиму частями сил госбезопасности. Особенно ожесточенными они были в районе зданий телевидения и радиовещания, а также на Дворцовой площади, где перестрелка велась между силами повстанцев и окопавшимися во дворце Государственного совета подразделениями особого назначения из личной охраны Чаушеску. Свободное румынское телевидение передало обращение главы Совета Фронта национального спасения И.Илиеску*. Он объявил, что вся власть в стране переходит к Совету ФНС, в который вошли видные деятели оппозиции, бывшие руководители партии и правительства, отстраненные в разное время Н.Чаушеску, военные. Цель Фронта — утверждение демократии, свободы и достоинства румынского народа. Распускаются все структурные власти клана Чаушеску. На следующий день газета "Роминия либерэ" ("Свободная Румыния") опубликовала полный текст обращения Совета ФНС и первое интервью с И.Илиеску. В программу Фронта входили положения об отказе от однопартийной системы и установлении демократической плюралистической политической системы; организация свободных выборов в апреле 1990 г.; осуществление принципа разделения властей; перестройка всей национальной экономики на принципах рентабельности и эффективности; прекращение практики разорения села и его перестройка; реорганизация системы образования в соответствии с современными требованиями;

* Председатель Совета ФНС И.Илиеску родился в 1930 г. Окончил политехнический институт в Бухаресте, учился в Москве, инженер-энергетик. Общественной деятельностью стал заниматься с момента вступления в Союз коммунистической молодежи в 1944 г. В 1956 г. был секретарем ЦК СКМ. В 1953 г. вступил в РПР; избирался членом ЦК РКП, секретарем ЦК РКП (1971 г.) За выступления против курса Чаушеску был освобожден от руководящих должностей. Последнее место работы — директор научно-технического издательства в Бухаресте.

уважение прав и свобод национальных меньшинств; прекращение экспорта сельскохозяйственной продукции, обеспечение граждан страны электроэнергией и теплом; проведение политики дружбы и сотрудничества на мировой арене в духе создания единой Европы, соблюдение всех прежних договоренностей, в том числе и в рамках Варшавского договора. ФНС называл себя политическим движением, объединившим все здоровые силы общества³³.

24 и 25 декабря в Бухаресте продолжались локальные перестрелки. Наиболее горячей точкой оставалось здание телевидения. Подать огонь антиповстанческих сил, называемых "террористами", оказалось очень сложно: они были достаточно мобильными и со знанием дела пользовались тайными подземными ходами и конспиративными квартирами в разных районах города. Однако вечером многие семьи, несмотря на звуки выстрелов, встречали первое свободное Рождество.

25 декабря состоялся трибунал над четой Чаушеску. Вынесенный смертный приговор был немедленно приведен в исполнение. Снятые на видеопленку кадры были продемонстрированы по телевидению многих стран мира. Спущенная стенограмма трибунала вызывает разные размышления. Все поведение супругов Чаушеску свидетельствовало о том, что они не воспринимают происходящее на суде всерьез. По свидетельству М. Теодореску, взявшего на себя функции адвоката Н. и Е. Чаушеску, на суде присутствовали три гражданских наблюдателя, а также пять судей и судебных заседателей, два прокурора, два защитника и оператор видеозаписи. Свидетели на суд не приглашались, вся процедура заняла 2-3 часа. Теодореску пытался разъяснить своим подзащитным, что их единственной надеждой избежать смертного приговора было доказать свою умственную неуравновешенность. Оба подзащитных сочли это возмутительным. После этого помощь адвоката была ими отвергнута. Самым поразительным фактом в сви детельстве Теодореску является то, что чета Чаушеску не была казнена с привле-

чением исполнителей, обычно в таких случаях назначаемых. "Они впервые реально осознали, что должны умереть, когда в них попали первые пули," – сказал М. Теодореску. – Прошло всего лишь четверть часа после объявления приговора. Они думали, что пересекают двор между казармами, направляясь в камеру, когда неожиданно раздался мощный залп". Если рассказ Теодореску точен, а существуют и иные точки зрения, то, судя по всему, тела расстрелянных были уложены у стены лишь впоследствии для того, чтобы сделать видеозапись. "Чаушеску все время был убежден, что секундите спасет его. Он никогда не думал, что этот суд имеет силу и не демонстрировал ничего, кроме презрения когда был зачитан смертный приговор," – заявил Теодореску³⁴.

На обратном пути автомобиль Теодореску был обстрелян, и он получил тяжелое ранение. Несколькими днями позже он узнал о смерти своего сына, новобранца, только что начавшего службу в армии. Позднее при невыясненных обстоятельствах ушел из жизни генерал Г. Попа, который возглавлял военный трибунал, судивший Чаушеску. Эта страшная история не закончилась расстрелом: в обстановке полной секретности трупы убитых перемещались из одного места в другое и были захоронены лишь 30 декабря, т.е., спустя пять дней. Весь процесс был заснят на пленку, составив вместе с трибуналом многочасовой фильм. Вероятно, откроются новые подробности этого кульминационного события декабрьской революции, разные чувства может вызвать видеозапись трибунала и погребения, очевидно одно: доведенный до отчаяния жесточайшими лишениями румынский народ не был способен осуществить гуманный суд над тиранами. Им был вынесен единственно возможный в той ситуации приговор.

26 декабря премьер-министром Румынии был назначен Петре Роман*. Фронт национального спасения обратился к

* Премьер-министр правительства Петре Роман родился 22 июля 1946 г. в Бухаресте. Окончил гидротехнический факультет Бухарестского политехнического института. С отличием закончил Высшую политехническую школу в г. Тулузе (Франция). Был аспирантом, преподавателем, заведующим кафедрой гидротехнического факультета Политехнического института в Бухаресте. Имеет ученую степень доктора наук.

народу с первым пакетом декретов, опубликованных в печати днем позже. Учитывая, что после осуждения и казни Н. и Е. Чаушеску террористические действия продолжались, Совет ФЖ постановил учредить чрезвычайные военные трибуналы для рассмотрения дел, связанных с терроризмом. Суд должен был проходить в срочном порядке, и приговор приводиться в исполнение немедленно. Террористам давался срок до 28 декабря для сдачи оружия и боеприпасов³⁵. Несмотря на угрожающую суровость указа, террористы предпочли себя не обнаруживать. Среди многих загадок декабрьских событий находится и то, что нигде и ни при каких обстоятельствах народу не был предъявлен ни один террорист ни живым, ни мертвым. Статистика жертв и численность чаушистов в пылу массовых выступлений и перестрелок варьировались. Чета Чаушеску инкриминировалась политика геноцида, результатом которой за годы их правления стала гибель 60 тыс. человек. Павших в революционных событиях декабря 1989 г. оказалось, к счастью, в десятки раз меньше. Хотя и не в точной цифре дело: гибли молодые ребята, студенты и учащиеся лицеев. Не случайно румынские события были названы "революцией детей". Долгое время на Университетской площади Бухареста горели свечи и стояли таблички "Здесь погиб мой сын". Победа досталась кровью и слезами. Тем острее вопрос: кто ответит за эти молодые жизни? Кто они, и куда растворились эти "террористические силы"? И кто давал им приказы, когда чета тиранов уже была под арестом?

Во исполнение провозглашенной программы Совет ФЖ принял декрет, отменяющий ряд законов и нормативных актов периода правления Чаушеску, в том числе: все декреты, согласно которым Н. и Е. Чаушеску награждались орденами и медалями; закон о создании, организации и функционировании Совета обороны СРР; закон о систематизации территории, городским и сельским населенным пунктам; закон о нормах обращения друг к другу - отменялось ставшее односторонним при Чаушеску обращение "товарищ" и возвращалось

традиционное для Румынии "домнул, доамна, домнишоара" ("господин", "госпожа", "барышня"); закон, закрепляющий обязанность граждан жить в тех населенных пунктах, где они работают; закон о регламентации прерыва беременности; декрет с режиме множительной техники; статьи об абортах и публичной клевете в адрес государственных или общественных организаций и т.д. Специальным постановлением Министерство национальной обороны объединялось с Госдепартаментом госбезопасности и другими органами, подчинявшимися МВД³⁶.

29 декабря "Романиа либерэ" опубликовала декрет-закон Совета ФНС о переименовании страны. Она стала называться просто Румыния при республиканской форме правления. Флаг страны - традиционный трехцветный, но без прежнего герба. Совет ФНС брал на себя следующие обязанности: издание декретов, обладающих силой закона, назначение и отзыв премьер-министра и утверждение состава правительства, назначение и отзыв председателя Верховного суда и генпрокурора, регламентация законодательной и избирательной системы, одобрение госбюджета, ратификация международных соглашений и т.д. В состав Совета ФНС вошли 145 человек, исполнительное бюро составили 11 его членов. В рамках Совета ФНС были сформированы 10 комиссий по различным аспектам его организационной, законотворческой, внутри - и внешнеполитической деятельности. Было предусмотрено создание местных Советов ФНС, иерархически подчинявшихся Совету ФНС. Декретом от 2 января 1990 г. были учреждены ряд министерств и госкомиссии, а также регламентировалось создание, организация и деятельность правительства Румынии. Важным шагом к правовому демократическому государству явился закон-декрет о деятельности партий (2 января 1990 г.), вводивший свободу образования партий (за исключением фашистских), деятельность которых должна осуществляться только на территориальной основе. Одно и то же лицо не могло участвовать в двух партиях. Для регистрации каждая политическая партия или

общественная организация должна была представить устав, программу, объявив о месте расположения штаб-квартиры и финансовых средствах, и доказать, что имеет не менее 251 члена. Кадровые военнослужащие и гражданский персонал Министерства национальной обороны и МВД, судьи, дипломаты, а также работники свободного румынского телевидения не могли быть членами политических партий³⁷.

Определяя политический плюрализм основным столпом нового демократического общества, руководители ФНС изначально высказывались о невозможности определить политическую ориентацию Румынии. Член исполкома Совета ФНС видный политолог (впоследствии вышедший из состава ФНС) С.Брукан отметил в одном из интервью, что такие понятия как коммунизм, социализма, сегодня не имеют в Румынии никакой основы. "При сверхнадстроечной структуре феодального типа, близкой к абсолютной монархии, при экономике, в которой национальный доход в два-три раза меньше, чем в ряде европейских капиталистических стран, — словесная атрибутика не имеет никакого смысла"³⁸.

В условиях возникновения десятков новых партий и политических организаций, ФНС как руководящая сила общества, все более консолидирующаяся как левоцентристская партия, подвергался нападкам и критике слева и справа. Дискредитировавшая себя за весь послевоенный период и особенно в "золотую эпоху" социалистическая идея вызывает в Румынии священный ужас. Именно приверженность ей стала основным пунктом обвинения в адрес ФНС. 27 января 1990 г. "Румыния либерэ", в ответ на заявление Фронта об участии в свободных выборах, высказалась достаточно откровенно: "Не происходит ли под маской ФНС возвращение к коммунистическим путям развития. Нет, не к тоталитаризму Чаушеску, а к социализму с человеческим лицом, который, однако, через свою идеологическую сущность может в любое время привести к политическим извращениям. Сам того не желая, господин Илкеску усиливает это убеждение!"

В условиях назревающего раскола в рядах участников

декабрьского движения и в обществе в целом И.Илиеску обратился по свободному румынскому телевидению с заявлением, что Фронт национального спасения признает себя самостоятельной политической партией со своей структурой и программой. Фронт организуется по территориальному принципу и примет участие в предвыборной и выборной кампаниях. В уставе ФНС предусматривались две категории членов: индивидуальные и коллективные. Создавались территориальные организации на местном уровне в соответствии с определением избирательных округов³⁹.

Учредительная конференция ФНС состоялась в конце марта 1990 г. В качестве первоочередной политической задачи объявлялась защита страны и управление ею в момент глубокого общественного кризиса, Затронув вопросы, касающиеся экономической программы ФНС, И.Илиеску подчеркнул, что в ней заложены основы перехода к рыночной экономике при создании, однако, рычагов, призванных контролировать и обеспечивать национальные интересы. В этом контексте оратор высказался за введение различных форм собственности: государственной, кооперативной, создание предприятий на основе смешанной и индивидуальной собственности. Глубокие изменения предусматривались в аграрном секторе: более 30% сельхозугодий должны быть переданы в собственность и длительное пользование. Эти меры станут важным элементом создания эффективного сельского хозяйства и будут стимулировать аграрное производство. И.Илиеску подчеркнул, что, по его мнению, высокоэффективное сельское хозяйство нельзя создать, разделив всю землю на мелкие наделы⁴⁰. Нацеленная на демократизацию, гуманизацию общественных отношений, на постепенное включение Румынии в единую Европу, программа Фронта не связывала себя теми или иными идеологическими шорами.

Почти четырехмиллионная компартия Румынии, давно разделенная на патрициев и плебеев, осуществляла длительное время роль государственной администрации. Со словом существовавших прежде структур она потеряла не только по-

литическую силу, но в перспективу. В конце декабря 1989 г. инициативная группа членов РКП обратилась с предложением о созыве чрезвычайного съезда, целью которого явится роспуск партии, а также передача ее имущества. Под жестким давлением общественного мнения, ФНС принял декрет о признании РКП вне закона, не дожидаясь ее самороспуска. Это решение, явно противоречащее закону о политических партиях, было неоднозначно воспринято как внутри самого Фронта, так и в обществе в целом. "Компартия Румынии сама исключила себя из политической жизни, — признавал С. Брукан, — в общественном сознании РКП ассоциируется с Чаушеску, и я хорошо понимаю ненависть молодежи и всего населения к этой партии. Но совсем иное — запрещать ее декретом. Запрещение партии — принципиальная ошибка, ибо является антидемократической мерой"⁴¹. Между тем весь исторический путь РКП был оценен общественностью негативно. В передовице "Румыния либерз" компартия инкриминировалось: а) деятельность в 1921—1944 гг. как политической партии, управляемой и финансируемой из-за рубежа и действовавшей вопреки национальным интересам; б) приход к власти с помощью иностранных армий, внедрение идеологии, чуждой румынскому народу; в) уничтожение политических партий и арест их руководителей; г) насильственная коллективизация крестьянства; д) насильственная индустриализация страны с нерациональным использованием энергии и фондов; е) уничтожение церквей и других памятников культуры; ж) аресты десятков тысяч невинных людей"⁴². Одновременно с конфискацией всей недвижимости и финансов РКП было принято решение о роспуске партийной Академии им. Шт.Георгиу и Академии социальных и политических наук.

С преобразованием ФНС из политического движения, возглавлявшего здоровые силы нации в их борьбе против диктатуры, в политическую партию завершился первый этап революции, и начинался предвыборный марафон.

Новый этап, связанный с устранением диктаторского

режима Чаушеску, всех государственно-политических структур, в которых этот режим был материализован, оформлением новых политических институтов, не был равным с точки зрения расстановки участвовавших в этом процессе сил. Необходимость падения диктатуры жила в умах всей нации за исключением узкой группы наиболее преданных Чаушеску лиц. Накаляющаяся в стране обстановка привела к расколу и в этом лагере. Пример тому - непопавшие в крупные военные чины, перешедших на сторону расставшего народа. В последнее время на страницах западной и румынской прессы высказываются сомнения в спонтанном характере декабрьской революции. Анализируя события 22 декабря 1989 г., независимый бухарестский еженедельник "Экспресс" сформулировал целый блок оставленных без ответа вопросов. Являлись ли события государственным переворотом или все-таки носили стихийный характер? Имело ли место и в какой форме иностранное влияние на непосредственный ход событий? Существует ли связь между декабрьскими событиями и встречей на Мальте? Какую роль в событиях сыграли некоторые члены высшей номенклатуры, например, В.Миля, столь "беспомощно" поведший себя в Тимишоаре и оставивший войска без боекомплектов? Кто дал приказ стрелять в Тимишоаре и сколько жертв там было? Кто, наконец, посоветовал Чаушеску в обострившейся до предела обстановке провести 21 декабря митинг в Бухаресте и кто там взорвал петарду, вызвавшую неуправляемое движение толпы? Кто дал команду стрелять на Университетской площади? Как погиб В.Миля? Почему чета Чаушеску бросила вертолет - растерянность или действие человека кое-что знающего и понимающего в происходящем? А если решение бросить вертолет принял не он, то кто же? Почему на митинге 22 декабря "террористы" не стреляли по новым лидерам ФНС? И вообще, кто стрелял на Дворцовой площади и где эти "террористы"? Кто отдавал им приказы? Зачем в ночь с 22 на 23 декабря звучали призывы защитить здание телевидения и что могли сделать там люди с голыми руками? Почему удалось так быстро пе-

подключить к действиям людей из ближайшей обслуги Чаушеску – переводчиков, личных секретарей, пресо-атташе? Почему чета Чаушеску была так быстро ликвидирована, не потому ли, что они располагали не только внутренней, но и не допустимой к разглашению международной информацией?⁴³ Перечень вопросов можно было бы продолжить. Почему не сработал план "М"? Существовала ли предварительная договоренность между людьми, в столь быстрые сроки сформированным новое политическое руководство? Если да, то была ли у них связь с ближайшим окружением Чаушеску? Имелись ли свои политические альтернативы внутри этого окружения? и т.д.

Достаточно сенсационным стало заявление активных участников декабрьской революции политолога С.Брукана и генерала Н.Милитару, опубликованное 23 августа в "Адевърул". В заявлении говорилось, что жизнь бывшего диктатора Чаушеску "окончилась в результате дворцового переворота, который готовился с середины 70-х годов". Это не было спонтанным событием, как утверждает правительство, сместившее и казнившее его. С.Брукан и Н.Милитару, в прошлом деятели временно правительства фронта Национального спасения, заявили, что лица, длительное время готовившие заговор, в том числе и лица сами, обеспечили поддержку армии и большей части тайной служб "секуритате" еще до событий в Тимишоаре. Таким образом, утверждают они, была предотвращена гражданская война. "Представление о том, что поворот армии на 180 градусов был спонтанным, абсолютно ложно", – заявил С.Брукан. У заговорщиков также имелась договоренность о том, что Чаушеску сменит Ион Илиеску. Однако, по словам Брукана и Милитару, Илиеску, очевидно, не был участником этого заговора, по крайней мере на ранних его этапах. Как они утверждают, именно генерал Милитару открыл двери здания ЦК 22 декабря в тот момент, когда Чаушеску выступал с балкона этого дома, и это вынудило диктатора бежать на вертолете. Брукан и Милитару свидетельствуют, что заго-

ворщики не принимали участия в организации восстания в Тимишоаре. Эти события застали их врасплох. Согласно их интервью, заговор против Чаушеску начался в середине 70-х годов, когда три генерала – Милитару, Ионица и Костял – создали изолированные диссидентские ячейки для внедрения в три опорные группировки Чаушеску: армию, "секуритате" и компартию. К 1989 г., по словам С.Брукана, была обеспечена поддержка большей части армии и всех регулярных войск "секуритате" численностью 25 тыс. человек. Однако, остальные 4 тыс. сотрудников "секуритате", проходившие службу в четырех спецподразделениях, сохранили верность Чаушеску. Эти агенты, а также 60 палестинцев, проходивших подготовку на базах "секуритате", и были теми "террористами", которые пролили так много крови, утверждали Брукан и Милитару. С.Брукан, подчеркнул также, что заговорщики считали Илиеску подходящей заменой для Чаушеску уже в конце 70-х годов. Однако первоначально эта кандидатура отвергалась, так как Илиеску считался "слишком ортодоксальным коммунистом".

Вопреки ожиданиям, интервью не произвело эффекта разорвавшейся бомбы: разговоры о нем быстро утихли, ибо разнообразные слухи "о реальной сути" декабрьских событий давно носились в воздухе. Сам Илиеску выказал удивление упрощенным подходом к событиям со стороны Брукана и Милитару. "На самом деле, – отметил Илиеску, – исторический процесс был намного сложнее. Декабрьские события носили характер подлинно народного взрыва, обусловленного продолжительным накоплением сильного недовольства вследствие деградации экономической, социальной, политической, духовной и моральной жизни румынского общества. Это не значит, что не было многочисленных попыток найти выход из положения, изменить структуру, не было индивидуальных и коллективных протестов. Поэтому, если и вести речь о заговоре, скорее нужно говорить о "многих заговорах". Весь народ участвовал в своего рода заговоре против Чаушеску".

Если и имела место определенная подготовка смещения Чаушеску среди сформировавшихся Фронт бывших партийных работников, диссидентов и военных, то назвать это заговором или переворотом было бы несправедливым: их действия, если таковые были, отвечали чаяниям всей нации. Кроме того, мощное движение снизу воспрепятствовало бы любой паллиативной мере, сняв всю прежнюю государственно-партийную структуру. До свержения Чаушеску и в самом акте одобрения решения трибунала вся нация была едина.

Разногласия начались позже. Можно предположить, что появление "террористов" также связано с определенными противоречиями между теми, кому эти силы были приданы, и другими руководителями движения. Хотя все это в сфере догадок. Быстрый процесс формирования и возрождения партий, активизация контрактов с зарубежными, в том числе эмигрантскими, политическими организациями усилили поляризацию сил и давление на ФНС. Не было полного согласия и внутри его руководства. Создание новых государственных структур, введение принципа свободы слова и плюрализма мнений, возвели нарастающую политическую активность в русло закона. Опрос общественного мнения от 31 января 1990 г. свидетельствовал о приверженности большинства населения программе ФНС. Почти треть опрошенных, высказавшихся за политический плюрализм, откровенно признавали, что не представляют себе, что это такое и не располагают опытом и знаниями о плюралистической демократии⁴⁴. Освободившееся от жестокой тирании общество впало в деструктивное и в определенной мере не предсказуемое состояние. Определенная его часть легко поддавалась влиянию новоявленных дельцов от политики. В этих условиях Фронт принял решение об участии в свободных выборах.

Партии, в большинстве своем карликовые, росли как грибы, а программы часто повторяли друг друга. С принятием решения о выделении каждой партии средств на проведение выборной кампании, этот процесс еще более активизировался. Нередко учредительные и пропагандистские

собрания проводились в фешенебельных отелях в форме коктейлей. За четыре месяца число партий перевалило за семь десятков – от крайне левых до крайне правых.

Практически все они изначально выразили поддержку программе ФНС, не являвшемуся в тот период самостоятельной политической партией. Впоследствии, в процессе предвыборной борьбы позиции ряда руководителей менялись, хотя выражалось это преимущественно в виде лозунгов и плакатов на стенах домов ("Долой коммунизм!", "Долой номенклатуру из правительства!", "Долой ФНС"). За редким исключением, программы партий не содержали какой-либо научно-обоснованной концепции вывода страны из экономического и политического кризиса. Общее место в программах практически всех партий и движений – форма государственности – парламентарная республика, политический плюрализм. В области экономических преобразований имелись разночтения – от децентрализации до полной приватизации. Редкими были аргументированные предложения по аграрному вопросу.

Среди наиболее влиятельных (кроме "исторических" и социал-демократической) достаточно определенную программу имели следующие партии.

Венгерский демократический союз. (Председатель Домокош Геза). Союз был создан 25 декабря 1989 г. В одном из его первых обращений указывалось, что декларация движения Фронта национального спасения является "историческим документом". В первые месяцы новой Румынии Венгерский демократический союз практически полностью разделял платформу ФНС. Выступал за обеспечение прав меньшинств при уважении территориальной целостности и суверенитета свободной Румынии. Большое внимание в программе Союза уделялось обеспечению права на образование венгерского национального меньшинства на родном языке⁴⁵. Социальной основой Союза являлось почти двухмиллионное венгерское население Румынии.

Крестьянская партия. (Председатель оргкомитета К.Маринеску). Партия была создана, по словам ее лидера 6-ав-

густа 1976 г. политзаключенными тюрьмы Жилава. В программе содержались требования роспуска сельскохозяйственных кооперативов и передачи земли в собственность крестьянам, а также по 2 га тем, кто проживает в городах⁴⁶.

Демократическая партия. Как подчеркнул в интервью член национального комитета партии В.Койчу, ДДР выступает за свободную экономику, основанную на рынке. Предприятия могут принадлежать как государству, так и являться частной, смешанной собственностью. Румыния должна полностью открыться для мира, для чего необходимо создавать смешанные предприятия с участием как румынского, так и иностранного капитала. В области сельского хозяйства – предоставление крестьянам полной свободы в выборе форм пользования землей⁴⁶.

Социалистическая демократическая партия. Как заявил ее председатель М.Кырчумару, была создана 22 декабря 1989 г. в г.Тырговиште, затем переведена в Бухарест. К началу марта насчитывала 66 организаций во всех уездах страны. Партия выступала за узаконивание всех форм собственности, однако, те, кто создает материальные ценности, должны контролировать их распределение. Партия выступала также за сохранение государственной собственности на землю, но за передачу ее крестьянам в аренду⁴⁸.

Свободно-демократическая партия социальной справедливости. Партия характеризовала себя как центристское политическое образование. Экономическая программа: рыночная экономика; приватизация экономики рассматривалась как переход от государственной собственности к индивидуальной или собственности ассоциаций, созданных на условиях контактов. В области сельского хозяйства: передача земли в собственность крестьянам без права перепродажи в течение 10 лет. При этом могут сохраняться наиболее рентабельные госхозы⁴⁹.

Национал-демократическая партия. Называет себя центристской организацией. Экономическая программа: переход к рыночной экономике в несколько этапов. Принимая во

внимание социальные последствия этого процесса, предусматривала использование рабочей силы за рубежом. Предприятия торговли и сервиса, в соответствии с программой НДП, должны были передаваться в аренду с последующей приватизацией. Предлагалось создать систему кредитования населения, сеть частных банков. В аграрном вопросе, как заявил президент партии К.Бутушина, симпатии апартии отданы долгосрочной аренде с последующей приватизацией земли⁵⁰.

Социалистическая либеральная партия. Образована 6 января 1990 г. По словам ее руководителя Н.Червени, идея ее создания родилась у него еще в 1949 г., в студенческие годы, как альтернативы РКП и "историческим партиям". Основополагающие принципы: собственность, церковь, государство. В области экономики: признание всех форм собственности. Партия рассматривает социализм, как идею, воспринявшую гуманистические учения прошлого. Либерализм партии - в ее тенденции избежать той или иной догматизации, в стремлении играть роль политического клуба⁵¹.

Указанные и многие другие мелкие партии не смогли развиваться в самоценные, влиятельные политические образования. Наиболее мощный резонанс как внутри страны, так и за рубежом произвели так называемые "исторические партии": Национал-цэренистская (крестьянская), Национал-либеральная и Социал-демократическая, олицетворившие тенденцию к возрождению, реставрации докоммунистической Румынии.

Одной из первых к избирателям обратилась Национал-цэренистская (демократическая и христианская) партия, впервые появившаяся на политической арене в 1926 г. после слияния Национальной трансильванской и Цэренистской (крестьянской) партий. По утверждению ее председателя К.Копосу, после насильственного роспуска в 1947 г. НДП продолжала деятельность в подполье. В 1987 г. НДП вошла в Международный союз христианско-демократических партий, уточнив свою идеологическую принадлежность

добавлением к прежнему названию слов "демократическая и христианская". 22 декабря 1989 г. партия перешла на легальное положение.

В программе НЦП содержались тезисы о создании правового государства, рыночной экономики, восстановлении крестьянской собственности на землю, широком распространении христианской морали, религиозного воспитания. НЦП объявила себя прежде всего партией крестьянства. Ее аграрная политика преследовала цель возвращения крестьянам земли с правом наследования. Эти участки должны обрабатываться трудом крестьянской семьи и при использовании совершенной сельскохозяйственной техники. С целью создания необходимой техники предполагалось перепрофилировать ряд нерентабельных предприятий на создание средств малой механизации, которые будут продаваться под долгосрочный кредит. Размер участка земли предполагалось определять в соответствии со способностью той или иной фермерской семьи обработать его. Не возбранялось создание крестьянских товариществ⁵².

Временный комитет НЦП состоял из "старших" членов партии и молодежи. По заявлению руководителя партии К. Копосу, в сельской местности уже в январе 1990 г. партия занимала "монопольное положение"⁵³. В то же время руководство НЦП выразило озабоченность решением Совета ФНС провести выборы весной и предлагало перенести их на осень⁵⁴, что было вызвано явной неуверенностью в своих познаниях.

5 февраля 1990 г. вышел первый номер возрожденной национал-цэрэнистской газеты "Дрептатя" ("Справедливость"), ставшей трибуной борьбы с коммунизмом, социализмом и "их носителями" Фронтом национального спасения, который, в соответствии с февральской декларацией НЦП, "потерял нейтралитет и доверие народа", захватил монополию на власть и "ведет страну к тоталитаризму"⁵⁵.

В начале февраля на политической арене появился вто-

рой лидер НШ Ион Рацу^{*}, возвратившийся из длительной эмиграции. Обладая мощными финансовыми средствами, связями с эмигрантскими и политическими кругами на Западе, в частности с филиалом НШ во Франции, к финалу предвыборного марафона он стал практически полновластным лидером партии и был выдвинут кандидатом на президентский пост.

Другой достаточно сильной политической организацией стала "историческая" Национал-либеральная партия. НЛП образовалась в 1866 г. и со дней основания проявляла интерес к привлечению иностранного капитала и поощрению созданных на его основе предприятий. Была распущена в 1947 г. В программе НЛП указано, что она продолжает свою политику, опираясь на "прошлые великие свершения" - революцию 1948 г., объединение княжеств в 1859 г., обретение независимости в 1977 г., великое национальное объединение 1918 г., В своей программе партия выступала за гарантии свободы вероисповеданий и признание греко-католической церкви. В сфере экономики: постепенное введение частной собственности, свобода торговли, поддержка личной инициативы, роспуск сельскохозяйственных кооперативов и госхозов, запрещение существовавших сельхозпоставок⁵⁶. В разъяснении к программе, на пресконференции НЛП отмечалось, что средства производства должны стать собственностью трудящихся. Для этого необходимо найти экономические, структурные формы; например, часть капитала в акциях должна быть разделена между рабочими. В каких-то случаях это может быть 100%, в других, когда речь идет об освоении новых технологий, в том числе с участием иностранного капитала, такое соотношение может показаться невыгодным.

* Ион Рацу родился 6 июля 1917 г. в г. Турда в семье политических деятелей, дипломатов. С сентября 1940 г. находился в эмиграции, сохраняя румынское гражданство. Учился в Клужском и Кембриджском университетах юридическим и экономическим наукам. Доктор политических наук. В 1965-1985 гг. возглавлял культурную ассоциацию румын в Англии "Аккарда". С 1984 г. - член и учредитель Всемирного союза свободных румын.

Основной принцип партии – либерализация Румынии как в политическом так и в экономическом смысле. Лидер НДП Р.Кымплину* был выдвинут кандидатом в президенты Румынии.

К традиционным, "историческим" партиям примыкала воссозданная Социал-демократическая партия. СДП была основана в 1893 г. В 1924 г. была реорганизована, ее представители вошли в парламент, в 1938 г. распущена королевским указом. Летом 1944 г. СДП совместно с "историческими партиями" сформировала политический блок. После 1946 г. в рядах партии начался раскол, в 1948 г. она прекратила существование. Председатель партии С.Кунеску в своих выступлениях подчеркивал, что несмотря на сохранение слова социализм в названии, партия не признает основных положений марксизма-ленинизма о наличии классов и классовой борьбы⁵⁷.

Действуя с момента своего воссоздания согласованно, "исторические партии" и СДП заявили в январе-феврале 1990 г. о создании ими блока. Очевидные совпадения взглядов на будущее Румынии позволяли лидерам партий объединиться в общем неприятии ФНС и создать оппозицию в политических структурах Румынии. Действия трех партий поддерживались из-за рубежа. Стоит упомянуть о деятельности филиала НДП во Франции и его руководителя А.Херля, эмигрировавшего из Румынии в 1972 г. В интервью газете "Дрептатя" А.Херля практически поставил знак равенства между партией Чаушеску и ФНС и идентифицировал свое мнение с мнением правительства Франции. Французский филиал организовал визит лидера НДП К.Копоу в Париж и его встречи с многими в дни политическими деятелями Фран-

* Раду Кымплину родился в 1924 г. в Бухаресте в семье либерала, префекта у.Думбовица. Окончил факультет юридических и экономических наук. Вступил в НДП в 1943 г., в 1947 г. был арестован. 9 лет находился в заключении и ссылке, затем работал разнорабочим. В 1973 г. эмигрировал во Францию. Бел активную работу в эмиграционных организациях. Издатель бюллетеня для румын в изгнании.

ции. Силами филиала была организована Ассоциация в поддержку демократии в Румынии. Указанная Ассоциация, по словам А.Херля, делает "все возможное для пропаганды идей НЦП во Франции и за ее пределами". В этих целях действует радиостанция ("подарок голлистской партии"), организуя вещание как на Румынию, Францию, так и на другие страны Европы. Ассоциация работает в тесном контакте со Всемирным союзом свободных румын, организованным И.Рацу в Женеве в 1984 г.⁵⁸

В условиях развернутой "историческими партиями" конфронтации с ФНС по инициативе последнего 28 января 1990 г. началось первое заседание Круглого стола с участием представителей всех партий, что, однако, не привело к политическому консенсусу. В Бухаресте прошли манифестации с призывами к Фронту отказаться от власти. Формы проведения этих акций выпадали за рамки парламентской демократии.

По вопросу создания руководящего государственного органа на основе политического консенсуса было проведено второе заседание Круглого стола, где 1 февраля 1990 г. был создан коалиционный орган Временный Совет национального согласия (ВСНС) во главе с И.Илиеску.

Тем не менее попытки государственного переворота повторились еще раз 18 февраля, когда несколько сот демонстрантов врвались в здание правительства и учинили там погром.

Деятельность "исторических партий", направленная на реставрацию докоммунистических государственно-политических структур не обрела массовой поддержки населения, подтверждением чему явились результаты парламентских и президентских выборов (около 6% голосов получил председатель НЦП И.Рацу и 11% - кандидат от НЛП Р.Кымпяну). Среди причин такого сокрушительного поражения не только кардинальные изменения в социальной и политической структуре общества, размывшие имевшуюся у этих партий прежде социальную основу, но и ряд субъективных моментов. Лиде-

ры этих партий, прошедшие длительный период жизни в эмиграции, что совпало с наиболее тяжелыми годами для румынской нации, наживавшие личный капитал в то время, когда большая часть народа голодала, не были восприняты на родине как "свои", радеющие за ее судьбу и обладающие панацеей для спасения отчизны. В глазах народа даже их внешний имидж не совпадал с представлениями о демократизме. Безукоризненные костюмы и неизменная бабочка в горшечек лидера НЦП И.Рацу, вернувшего в Бухарест уже после свержения диктатуры Чаушеску, обещания процветания страны на основе имевшихся у него амикашонских связей в европейском мире бизнеса невыгодно контрастировали со свитерами и расстегнутыми воротничками измученных бессоницей, вернувшихся с баррикад лидеров ФНС. При практическом отсутствии политической культуры большинство румынского населения, в особенности крестьянская масса, считавшее виновником всех бед клан Чаушеску, ограничивало свои политические устремления свержением его диктатуры. Развернувшаяся затем межпартийная борьба была многим просто непонятна и вызывала раздражение и, следовательно, рост поддержки Фронту. Сыграла свою роль и крайне сложная процедура самих выборов, когда избирательные бюллетени представляли собой целые брошюры, а кандидаты в парламент обозначались значками и эмблемами партий. Люди, мало разобравшиеся в такой ситуации, голосовали за тех, кого чаще слышали и видели по телевидению. Так или иначе, победа И.Илиеску и депутатов ФНС была столь убедительной, что указанные моменты имели самое минимальное значение.

Результаты первых свободных выборов, однако, не привели страну к единению и согласию. В середине июня 1990 г. в воздухе Бухареста снова повеяло порохом и дымом: не прекращающиеся пикеты на Университетской площади, штурм здания телевидения и избивание его сотрудников вызвали ответные меры со стороны правительства.

Основные претензии к ФНС и его руководителю можно было бы обобщить одной фразой, ставшей лозунгом незави-

сисого движения интеллигенции "Группы за социальный диалог" "22": "Нет перестройке!" С.Тэнасе, главный редактор печатного органа этого движения, отвечал, что "в Румынии состоялась революция, в ходе которой народ яростно проявил свои антикоммунистические чувства, а не только "античаушистокие", как от ремится убедить нас ФНС. Главная ошибка лидеров ФНС состоит в том, что он хочет утвердить "гласность" и "перестройку" в Румынии. И, может быть, они были бы правы, если в свое время боролись бы против диктатуры, сделали бы что-либо, чтобы свергнуть ее раньше. Однако, такого движения внутри аппарата не произошло, а значит не будет и "мирного" перехода от диктатуры к "перестройке", то есть к коммунизму с человеческим лицом... старые активисты не способны расстаться со своим прежним управленческим мышлением, которое не выходит за пределы так называемой "партийной демократии", то есть минимальной децентрализации процесса принятия решений"⁵⁹.

Не была "нежной" декабрьская революция в Румынии, не представляется таковым и ее дальнейший путь к демократизации. В условиях разоренной экономики, поставившей народ в тяжелейшее положение, первоочередной задачей является выведение страны из экономического и, обусловленного им, политического кризиса. Румынский народ доверил свою судьбу Фронту национального спасения и президенту И.Илиеску. От того, насколько новому руководству страны удастся в короткий избирательный срок оправдать этот мандат доверия, зависит не только судьба этих людей, но и форма будущего социально-политического и экономического устройства Румынии.

Примечания

1. "Scinteia" 22.11.89
2. "Scinteia" 02.12.89
3. "New-York times" 17.12.89
4. "Christian Science Monitor" 14.12.89

5. Н. Чаушеску "Речь по случаю празднования его дня рождения и длительной революционной деятельности". Бух. 26 января 1989 г. Бух. 1990. С. 6
6. "Revista economica" 1989. № 12. P. 5
7. Н. Чаушеску "Речь на октябрьском (1989 г.) Пленуме ЦК РКП". Бух. 1989. С. 5.
8. Там же. С. 3
9. "News week" 21.08.1989
10. Н. Чаушеску. Речь на октябрьском (1989 г.) Пленуме ЦК РКП. С. 8.
11. "Scinteia" 06.12.89
12. Н. Чаушеску Речь на октябрьском (1989 г.) Пленуме ЦК РКП. С. 16.
13. "News week" 08.01.90
14. "Scinteia" 06.12.89
15. "Scinteia" 12.12.89
16. "România liberă" 13.01.90
17. "U.S. News and World Report" 08.01.90
18. Г. Георгиу-Деж. Статьи и речи. Т. I, II. М. 1966.
- T. I. С. 107.
19. Там же. С. 104.
20. Там же. С. 104.
21. Там же. С. 84.
22. "Rezoluții și hotărârile al CC PCR" Buc. V. 1.2.1956. V. 1. P. 14.
23. Ibid: P. 126-128; 532
24. Ibid: P. 126-128; 532
25. Н. Чаушеску. Доклад на IX съезде РКП. Бух. 1965.
- C. II 2.
26. "Scinteia" 17.12.82
27. "Frankfurter Allgemeine Zeitung" 22.04.82
28. "Anuarul Statistic al RSR" Buc. 1983. P. 243
29. "România liberă" 30.06.82
30. "Frankfurter Allgemeine Zeitung" 22.04.82
31. "Советская молодежь" 14.06.89
32. "Liberation" 02.01.90
33. "România Liberă" 24.12.89
34. "Times" 24.01.90
35. "Adevărul" 27.12.89
36. "Adevărul" 27.12.89
37. "România Liberă" 02.01.90
38. "Известия" 12.02.90
39. "Adevărul" 06.02.90
40. "Dimineața" 24.03.90
41. "România Liberă" 28.01.90
42. "România Liberă" 13.01.90
43. "Expres" 29.02.90
44. "Adevărul" 31.01.90
45. "România Liberă" 17.03.90
46. "România Liberă" 26.01.90
47. "Tineretul liber" 03.02.90
48. "România liberă" 11.02.90
49. "România muncitoare" 11.04.90

- 50. "Oblio" N 1. 24.02.90
- 51. "România Liberă" 14.02.90
- 52. "România Liberă" 16.01.90
- 53. "România Liberă" 11.02.90
- 54. "Tineretul Liber" 19.01.90
- 55. "Dreptatea" 05.02.90
- 56. "Tineretul Liber" 14.01.90
- 57. "Tineretul Liber" 06.02.90
- 58. "Dreptatea" 07.04.90
- 59. "22" 12.01.90

Ю.А.ЩЕРБАКОВА

НАЧАЛО "НЕЖНОЙ РЕВОЛЮЦИИ" В ЧСФР (осень 1989 г.)

События ноября 1989 г., приведшие к радикальным изменениям политической системы в Чехословакии, получили название "нежной", "бархатной" революции. Практически в течение двух недель Коммунистическая партия Чехословакии, главенствующее положение которой в обществе казалось весьма прочным, если не сказать неизменным, вынуждена была передать власть в Праге общественному движению "Гражданский форум" (ГФ). В Словакии властные функции перешли к "Общественности против насилия" (ОПН).

Краткое перечисление событий свидетельствует о том, с какой отрешительностью КПЧ и ее тогдашнее руководство уступали ведущие позиции. 17 ноября 1989 г. около 15 тыс. студентов высших учебных заведений вышли на улицы Праги, чтобы отметить 50-ую годовщину ноябрьских событий 1939 г., когда нацистская полиция расстреляла манифестацию пражской молодежи. Против демонстрантов были использованы подразделения сил по поддержанию порядка, в результате действий которых 143 человека получили ранения, свыше 100 были арестованы. Действия сил безопасности вызвали протест у самых широких слоев чехословацкого общества. В течение трех последующих дней начали забастовку пражские студенты, к ним присоединились учащиеся в

других городах, деятели творческой интеллигенции. Чехословацкая социалистическая партия, Чехословацкая народная партия, Социалистический союз молодежи заявили о своей поддержке бастующих и потребовали объективного расследования событий 17 ноября. Когда же 21 ноября 1989 г. генеральный секретарь ЦК КПЧ М. Якеш выступил по национальному телевидению с призывом к гражданам страны проявить ответственность и флагоразумие, то ответом ему стал новый 150-тысячный митинг в центре столицы, на котором появились лозунги, свидетельствующие о поддержке рабочими акций протеста: "Рабочие поддерживают студентов!", "Рабочие на площади!" 24 ноября состоялся внеочередной пленум ЦК КПЧ, на котором была принята отставка членов и кандидатов в члены Президиума и секретариата ЦК КПЧ в полном составе. Генеральным секретарем ЦК КПЧ был избран К. Урбанек. А уже 29 ноября Федеральное собрание внесло изменения в Конституцию ЧССР. Были упразднены 4-я и параграф 6-й статьи конституции о ведущей роли КПЧ в обществе и Национальном фронте, обновлена статья 16-я, в которой прежде говорилось об обучении молодежи в духе марксизма-ленинизма, а после изменения - о том, что обучение молодежи будет вестись в духе научного познания и в соответствии с принципом патриотизма, гуманизма и демократии. Ушел в отставку председатель Федерального собрания А. Индра. 7 декабря Президиум ЦК КПЧ исключил из партии М. Якеша и М. Штепана (первого секретаря Пражского ГК КПЧ) за грубые политические ошибки в попытках разрядить напряженную общественную ситуацию, в особенности 17 ноября 1989 г. в Праге. 8 декабря ушел в отставку Л. Адамец, председатель совета подновленного 3 декабря правительства ЧССР¹, а 10 декабря сформировано и приведено к присяге новое правительство ЧССР во главе с М. Чалдой: в него вошли 10 коммунистов, 7 беспартийных и по 2 представителя от Чехословацкой социалистической и Чехословацкой народной партии. В этот же день ушел в отставку президент Чехословакии Густав Гусак.

До конца 1989 года прекратили свою деятельность органы и организации КПЧ в Чехословацкой народной армии, пограничных войсках, войсках министерства внутренних дел, в корпусе национальной безопасности, в органах прокуратуры, юстиции, государственного арбитража, аппаратах президиумов федерального и республиканского правительств. Сессия Федерального собрания Чехословакии завершилась в 1989 г. избранием А.Дубчека председателем, а В.Гавела – президентом республики.

Радикальность и быстрота проведенных преобразований властных отношений при многотысячной эмоциональной поддержке самых разнообразных групп чехословацкого общества (исключение не оставляли многие рядовые члены КПЧ) свидетельствовали о том, что кризисные явления давно и глубоко пронизали все общество. Многочисленны были свидетельства общественного неблагополучия. Так, в материалах по изучению общественного мнения, подготовленных специально для X пленума (1987 г.) ЦК КПЧ, отмечалось, что примерно девять граждан из десяти убеждено в необходимости перестройки хозяйственного механизма, демократизации общественной жизни и большей информированности людей. Сравнение с данными, полученными в первой половине 80-х гг., показывало, что вера людей в перспективы социализма слабеет. По мнению чехословацкого общественности, повысилось значение протекции и знакомств, наблюдалось небрежение моральными ценностями, составляющими нравственный кодекс социализма. Росла неудовлетворенность работой депутатов местных органов власти.

Изучение проблематики авторитета КПЧ в обществе привело исследователей к выводу о том, что у значительной части граждан подорвана вера в политику партии. Более чем половина граждан считала, что в деятельности КПЧ налицо разрыв между словом и делом, что в сочетании с аморальностью многих парт- и госфункционеров сильно вредит авторитету партии. Из членов и кандидатов в члены КПЧ, по их собственным высказываниям, в партию снова вступи-

ли бы лишь 68%. А изучение мировоззренческой ориентации граждан Чехословакии свидетельствовало, что взгляды общественности в значительной степени испытывают влияние либерализма и ориентированы в основном на модель западного образа жизни. Материалы опроса общественного мнения указывали на проявление более сильной критической тенденции в оценке проблем чехословацкой экономики.

Как известно, социальные гарантии являются одним из главных условий благоприятного общественного климата. Из материалов же опроса общественного мнения явствовало со всей очевидностью, что усиливаются настроения неудовлетворенности. Немало замечаний было по вопросам жилищной политики, охраны окружающей среды, торговли, служб быта. Предметом частой критики являлись и недостатки в системе медицинского обслуживания, в работе медицинского персонала. Наибольшую неудовлетворенность своим жизненным уровнем проявляли пенсионеры и молодежь.

Тревожные и предупреждающие замечания и выводы сохранились в целом ряде научных публикаций, появившихся непосредственно перед превращением латентного кризиса в открытое противостояние².

Чехословацкие ученые писали в основном о нарастании негативных моментов в народном хозяйстве (Пробиться в открытую печать с критикой политической системы или идеологических догматов правящей КПЧ было в то время практически невозможно). Наиболее общим из них выступала понижающаяся динамика среднегодовых темпов роста национального дохода (1961-1975 гг. 6%; 1976-1980 гг. - 3%; 1981-1985 гг. - 1%)³. Негативные явления в экономике отражались на способе жизни: сокращалось свободное время из-за того, что люди вынуждены были постоянно искать нужные товары и работать с перегрузкой в субботу и сверхурочно, между ними создавались напряженные отношения, снижался уровень воспитательного процесса в семьях.

Достаточно болезненно в чехословацком обществе воспринималась проблема нетрудовых доходов и нелегальные

или полулегальные процессы перераспределения денежных средств. По расчетам М.Фасмана, в Чехословакии ежегодно полулегально и нелегально перераспределялось денежных средств и других ценностей минимум на сумму 18–20 млрд. крон. Этот процесс имел не сыструю, но возрастающую тенденцию⁴.

Сталкиваясь с подобными явлениями, люди переставали верить в социальную справедливость системы коммунистического правления, в провозглашаемые ею принципы, например в такой, как "От каждого по способностям, каждому – по труду". На каком-то отрезке времени чехословацкое общество еще ожидало от КПЧ мер по оживлению народного хозяйства, укреплению социальных гарантий, демократизации управления, защите нравственных ценностей. Но это время оказалось не беспредельным. К середине 80-х годов кредит народного доверия коммунистами был полностью исчерпан. Ожидание перемен трансформировалось в их требование, в то время как власть имущие демонстрировали неспособность пойти навстречу этим требованиям и уповали на насилие, на жесткие охранно-репрессивные меры, в частности против демонстрантов, состоящих преимущественно из молодежи.

Ставшие доступными в последнее время широкому кругу исследователей документы позволяют проследить возникновение все новых и новых оппозиционных группировок, критикующих деятельность правительства Чехословакии и руководства КПЧ. Частичное представление об этом процессе может дать перечень независимых инициатив, существовавших в Чехословакии в 1989 г.⁵:

– "Чешские дети" – считали себя "вольным духовным сообществом". Издали в мае 1988 г. Манифест "Чешских детей";

– "Чехословацкий хельсинский комитет" – был образован в ноябре 1988 г. в поддержку основных положений и принципов Заключительного акта, подписанного в Хельсинки;

- "Демократическая инициатива" - свободное содружество чехословацких граждан, которое, начиная с осени 1987 г., обращалось к правительственным организациям с конкретными предложениями по осуществлению в обществе демократических принципов;

- "Движение за гражданскую свободу" - образовалось вокруг манифеста "Демократия для всех" (октябрь 1988 г.), основным требованием которого было соблюдение принципов плюрализма в общественной жизни;

- "Хартия 77" - гражданская инициатива, возникшая в январе 1977 г. и борющаяся за реализацию кодекса прав личности и гражданина в соответствии с подписанными и ратифицированными в Чехословакии международными договорами;

- "Инициатива работников культуры" - возникла в январе 1989 г. вокруг письма председателю правительства, которое подписали более двух тысяч работников культуры и которое содержало требование правдивой информации и диалога с правительством;

- Клуб социалистической перестройки "Возрождение" - возник в феврале 1989 г. с программой гуманных, нравственных и социальных ценностей социалистического устройства чехословацкого общества;

- "Общество Т. Г. Масарика в Праге" - основано в конце 1987 г., ставило своей целью широкую пропаганду идей и произведений Т. Г. Масарика, поддержку научных исследований в этой области;

- "Всемирный клуб Джона Леннона" - с декабря 1988 г. выступал за развитие международных отношений ненасильственными методами, развивал культурную деятельность;

- "Независимое мирное содружество" - инициатива, которая возникла весной 1988 г. и объединила молодежь с пацифистским мировоззрением;

- "Петиция чехословацких граждан по поводу событий 15-21 января 1989 г." - одноразовая гражданская инициатива, объединившая вокруг себя более двух тысяч граждан,

осудивших вмешательство полиции и призывавших к развертыванию диалога о причинах кризиса в обществе и возможных путях его преодоления;

- "Польско-чехословацкая солидарность" - с июля 1987 г., выступала за сотрудничество независимых чехословацких и польских инициатив;

- "Общество друзей США" - с мая 1987 г. выступавшее за развитие культурных связей чехословацкой и американской общественности на неформальной основе "как линии доверия между чехословацкими и американскими гражданами";

- "Комитет защиты несправедливо преследуемых" - возник в апреле 1978 г. и объединил граждан, преследовавшихся за свои убеждения или ставших жертвами судебных ошибок.

Процесс формирования целой структуры независимых инициатив, начавшийся в 1987 г., с детальностью о политизации чехословацкого общества. Во многих программных документах и заявлениях их представителей отрицался принцип руководящей роли коммунистической партии как несовместимый с принципами равенства граждан и с кодексом гражданских прав, а манифест "Движения за гражданскую свободу", названный "Демократия для всех", призывал к дискуссии о принципах демократической системы, которая основана на политическом и духовном плюрализме, смешанной экономике и взаимной терпимости⁶.

Демонстрации на улицах Праги в августе и октябре 1988 г., в январе, августе и в октябре 1989 г. также весьма наглядно свидетельствовали о пробуждении общества. А кампания сбора подписей под воззванием "Несколько фраз" -- о том, что общество постепенно избавляется от страха. Тот факт, что под этим воззванием, вопреки его критике на страницах средств массовой информации как антисоциалистического документа, составленного "отщепенцами", подписалось более 30 тыс. граждан (среди которых были известные деятели культуры, получившие официальное признание в Чехословакии), выделяет его из ряда анало-

гичных документов. Авторы воззвания обвинили тогдашнее чехословацкое руководство в том, что, манипулируя словами "перестройка" и "демократизация", в действительности оно отчаянно сопротивлялось всему тому, что способствовало бы демократии или хотя бы отдаленно ее напоминало. В то же время, указывалось в документе, растет социальная активность, и обществу грозит опасность открытого кризиса. "Поэтому мы призываем руководство нашей страны к осознанию того факта, что пришло время **действительных и значительных системных изменений** и что эти изменения состоятся и окажутся успешными лишь тогда, когда им будет предшествовать действительно свободная и демократическая дискуссия"⁷. Любые изменения, начиная с принятия новой конституции и кончая экономической реформой, будут иметь смысл только в случае изменения общественного климата, указывалось в воззвании. А для этого необходимо: освободить всех политических заключенных, обеспечить полную свободу собраний, официально признать существование независимых инициатив, отменить запрет на организацию новых гражданских движений, в том числе независимых профсоюзов, союзов и содружеств, отменить скрытую цензуру, предоставить независимым средствам информации равные права с официальными, уважать справедливые требования верующих граждан, незамедлительно представить на всенародное обсуждение все проекты, касающиеся изменения окружающей среды, начать свободную дискуссию не только о 50-ых годах, но и о "Пражской весне", вводе на территорию ЧССР войск пяти государств — членов Варшавского Договора и последующей "нормализации".

Правящие круги Чехословакии, противопоставили ожиданию перемен, охватившему все общество, лишь тактику жестких репрессивных мер. Процессу нарастания недовольства в обществе сопутствовал процесс эскалации насильственных действий со стороны правящих структур. 17 ноября 1989 г. стало как бы кульминационной точкой этих

процессов. Жестокая расправа над молодежью, вышедшей на пражские улицы почтить память пяти студентов, полвека назад казненных нацистами, болью и протестом отзывалась в чехословацком обществе. Безразличная жестокая расправа полицейских над безоружными студентами, которые пели песни, несли цветы и свечи, показывая мирный характер своих намерений, сделала протест против правящих кругов общим для разных поколений и социальных групп.

Организационным выражением этого протеста стала возникшая 19 ноября 1989 г. новая политическая инициатива "Гражданский форум", провозгласившая себя общественным политическим движением, открытым объединением граждан. Уже 26 ноября 1989 г. были распространены основные программные принципы ГФ "Чего мы хотим"⁸. В них указывалось, что Чехословакия очутилась в глубоком моральном, духовном, экологическом, социально-экономическом и политическом кризисе. Этот кризис — свидетельство неэффективности существующей политической и экономической систем. Монополия КПЧ на все виды власти в государстве парализовала живые общественные силы, лишила граждан Чехословакии основных гражданских и политических прав.

ГФ предложил краткую, но всеобъемлющую программу, в которой были освещены вопросы правового государства, политической системы, внешней политики, народного хозяйства, социальной справедливости, окружающей среды, культуры. Ее анализ представляет интерес в той степени, в которой ГФ сумел на первых порах "нежной революции" добиться поддержки большинства чехословацкого общества, а по результатам июньских выборов 1990 г. в Федеральное собрание сформировать правительство страны.

По замыслу авторов программы "Чего мы хотим" Чехословацкая Республика должна была стать правовым демократическим государством в духе традиций чехословацкой государственности и международных принципов, а отношения между гражданами и государством — регулироваться новой конституцией. В программе формулировалось требование

коренного, последовательного и необратимого изменения политической системы чехословацкого общества. Для этого КПЧ предлагалось отказаться от закреплённого в конституции положения о ее руководящей роли в обществе и от монополии на средства массовой информации. Намечалось создание или восстановление демократических институтов и самоуправленческих механизмов, которые обеспечили бы участие всех граждан в решении общественных дел и предоставление всем существующим и вновь возникающим политическим партиям и другим политическим и общественным организациям равных условий для участия в свободных выборах во все представительные органы. Заявлялось о сохранении принципа федеративного устройства страны.

Авторы программы предлагали полностью отказаться от существовавшего способа хозяйствования, который отбивает охоту работать, неэффективно распоряжается результатами труда, истребляет природные ресурсы, уничтожает окружающую среду и приводит ко все большему отставанию Чехословакии от мира. В области народного хозяйства они ставили цель создания недеформированного рынка, ликвидации монопольных позиций нынешних крупных предприятий, обеспечения условий для равноправного существования различных типов собственности и постепенного раскрытия чехословацкой экономики миру.

Предполагалось, что государство будет и впредь выполнять ряд незаменимых функций: оно должно гарантировать равные для всех условия хозяйствования, проводить на макроуровне политику регулирования, чтобы справиться с инфляцией, ростом внешней задолженности и грозящей безработицей. "Лишь государство может гарантировать необходимый минимум общественных и социальных услуг и охрану окружающей среды", - указывалось в программе⁹.

Понятие социальной справедливости авторы программы связывали с предоставлением каждому одинаковых условий и одинаковых возможностей для развития и реализации своих способностей, с оказанием помощи в старости, в

случае болезни, в трудных жизненных ситуациях. Важной предпосылкой существования общества социальной справедливости, говорилось в программе, является процветающее народное хозяйство. Формирование сети социальных услуг, которому может содействовать церковь, местные органы власти, предприятия, различные государственные и общественные организации, должны основываться на чувстве взаимной солидарности людей, их ответственности и милосердия, на гуманных принципах, так необходимых для сплочения общества.

Решение проблем охраны окружающей среды рассматривалось в программе как поиск путей восстановления гармонии между человеком и окружающей его средой. Улучшение основных условий жизни человека, обеспечение его качественной питьевой водой, чистым воздухом и безвредными для здоровья продуктами питания авторы программы связывали прежде всего со снижением потребления энергии и сырья, с изменением иерархии ценностей и образа жизни.

Культура, по замыслу авторов программы, должна быть деидеологизирована и стать образом жизни всего гражданского общества, государственную монополию на образование предлагалось отменить, покончить с наивной и демагогической завышенной оценкой науки и научной работы, равно как с ее унижительным положением служанки правящей партии.

В области внешней политики признавались международно-правовые обязательства страны и в то же время предлагалось пересмотреть те соглашения, "которые были мотивированы неадекватными амбициями руководителей государства"¹⁰.

Эта программа, на наш взгляд, вполне соответствовала социально-психологической атмосфере в чехословацком обществе: она была как бы пронизана духом отрицания всего прежнего, больного и отжившего, провозглашаемые ее благородные цели были сформулированы достаточно общо, пути их достижения не конкретизированы. Все это позво-

лило ПФ объединить вокруг себя на первых порах самые широкие слои населения страны.

К числу первых результатов "нежной революции" осени 1989 г. в Чехословакии можно отнести коренное преобразование политической системы, создание условий для реальной многопартийности, полный отказ от идеологии предшествующего периода, официальной носительницей которой была КПЧ, и широкую пропаганду таких идеальных постулатов, как свобода и права личности, христианские добродетели, призыв "назад в Европу". В числе результатов реформа отношений собственности, начало процесса разгосударствления и приватизации, либерализация цен, новые по своему характеру выборы и т.д. Реализация подобных радикальных по своему характеру структурных изменений в повседневной жизни чехословацкого общества не проходит безболезненно и ставит ряд весьма острых и интересных вопросов, несомненно заслуживающих отдельного подробного анализа.

Примечания:

1. 3 декабря во главе с Л.Адамецом было сформировано правительство, в состав которого вошли 16 членов КПЧ и 6 человек из числа членов других партий и беспартийных.

2. Подробнее см.: Матвиевская Э.Д. О некоторых негативных явлениях в социально-экономическом развитии ЧССР (По материалам еженедельника "Господарске новины"). М., ИЛИО АН СССР, 1989.

3. Nova K. J. Vývoj ekonomiky rozhoduje o způsobu života. // Hospodarske Noviny, Pr., 1987, № 36, S. 3.

4. Fossman M. Fondy stinové ekonomiky. // Ibid. 1988.

5. Подробный анализ деятельности этих организаций не входит в задачу автора. Перечень составлен на основе публикации: Vladislav J., Prečan V. Horký leden 1989 v Československu, Pr., 1990, 164 с.

6. Ibidem.

7. Demokracii pro všechny (Manifest Hnutí za občanskou svobodu). -

8. Nekolik vět - Vladislav J., Prečan V. Op.cit. S. 15.

9. Co chceme. S. 2.

10. Ibidem.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТИНА В СЛОВАКИИ ПОСЛЕ НОЯБРЬСКИХ СОБЫТИЙ

Ситуация в Словакии следовала за "бархатной революцией" в Праге, не выходясь из общего контекста событий. Уже в декабре 1989 г. в политической жизни республики четко обозначился аналог чешскому Гражданскому форуму — движение "Общественность против насилия", а вслед за ним на политической арене стали появляться старые, десятилетиями не обнаруживавшие себя политические партии, возникать новые.

Существовавшие при коммунистах так называемые союзнические партии повели себя совершенно иначе, чем в те годы и десятилетия, когда они могли сохраняться только за счет безоговорочного признания руководящей роли КПЧ. Из некоммунистических партий такого типа наиболее быстро и активно откликнулась на события 17 ноября Партия словацкого возрождения. Эта партия была создана после февраля 1948 г. на развалинах Демократической партии, которая в период "Пражской весны" предприняла было попытку возрождения в прежнем качестве, но после интервенции пяти "братских стран" в августе 1968 г. оказалась вновь вынужденной прекратить свое существование. Вслед за ноябрьскими (1989 г.) событиями состоялось 2 декабря чрезвычайное заседание ЦК Партии словацкого возрождения. На этом, по определению тогдашнего председателя партии И. Шимута, "первом свободном заседании ЦК ПСВ после 1948 г." было принято решение отмежеваться от предыдущего периода формального сотрудничества с Национальным фронтом и переименовать Партию словацкого возрождения в Демократическую партию. "В духовном отношении, — подчеркнул Шимут, — мы были нелегальной Демократической партией"¹. Новая партия считает своим долгом "защищать свободу человека, его права и исполнение им своего долга от зло-

употреблении политической власти". В своем первом заявлении в новом качестве Демократическая партия объявила себя членом большой европейской семьи, открыв в свои ряды доступ всем, вне зависимости от национальной принадлежности, — от того, словак это или чех, поляк или украинец. Уже на этом заседании ЦК была сделана заявка на переоценку роли коммунистов в Словацком национальном восстании. "Компартия, — говорил В. Фарбаки, — бесспорно, сыграла свою роль в организации и проведении Словацкого национального восстания, но не настолько однозначную, как это утверждают некоторые историки. На Ораве всю тяжесть восстания несли на себе массы беспартийных энтузиастов"².

10 декабря 1989 г., в День защиты прав человека, состоялся чрезвычайный съезд новой Демократической партии, прекратившей свое существование в 1948 г. Часто упоминались выборы, проходившие в Словакии в 1946 г., на которых эта партия получила по республике преобладающее большинство голосов — 62%, в то время как Коммунистическая партия Словакии — 30,3%, Партия свободы — 3,7%, а Партия труда — 3,1%, доказав тем самым, что "она является силой, с которой надо считаться"³.

В ходе дискуссии лишь изредка встречались высказывания со ссылками на перестройку в СССР, а также упоминание слов "социализм" "социалистический". В опубликованном перед съездом проекте программы обновляемой Демократической партии (далее "ДП") говорилось, что она основывает свою деятельность на европейских христианских культурных и моральных традициях. Об идеологической ориентации ее членов можно судить по абзацу о том, кого она объединяет. Там недвусмысленно говорится, что ДП объединяет граждан независимо от их мировоззрения: "христиан и агностиков (наверно определяемых как атеистов: — неверно потому, что атеизм включает в себя принцип активного сопротивления и борьбы против христиан и других верующих, что несовместимо с принципом толерантности в ус-

ловиях демократии)"⁴. Эта формулировка, по мнению членов партии, предоставляла возможность для деятельности людей с различным мировоззрением в рамках ДП. Более конкретно идеологическая ориентация определяется следующим образом: "В наших условиях возможны в сущности лишь две идеологические ориентации — материалистическая и христианская. Последовательно продуманная материалистическая ориентация ведет к марксизму, а от него — к принципам социалистической концепции общественного строя, в которой общество — понятие, подчиняющее личность, индивидуума. Христианская идеологическая ориентация, наоборот, начинается человеком, индивидуумом, по отношению к которому понятие "общество" является производным, подчиненным. Хотя в обеих системах речь идет, в конечном счете, о благе человека, но на основе различной иерархии ценностей. Для практической реализации христианской иерархии ценностей (т.е. от человека к обществу) установилось понятие "демократия", в то время как для иерархической концепции "от общества к человеку" сложилось понятие "социализм". Демократическая партия, — говорится в комментарии к проекту программы, — склоняется к концепции: "от человека к обществу" и не признает концепции противоположной. Вместе с тем ДП выступает и против "безбрежной демократии, которая вела бы к анархии".

Отличие программы ДП от христианско-демократической концепции виделось в отказе от мировоззренческих дискуссий, в полной свободе мышления при одновременном признании конкретных программных положений партии и необходимости придерживаться их в своей деятельности⁵.

Проект программы поддерживал федеративное устройство государства как союза двух равноправных республик с центральным управлением в области обороны, финансов и внешней политики, возможно, и в других областях, в зависимости от договоренности между республиканскими и федеральными органами. В области экономических отношений проект базировался на принципе "независимой частной".

оботвенности", а также наличия различных форм общественной собственности, включая и государственную в размерах, соответствующих национальной политике правительства. В документе нашли отражение вопросы о социальной обеспеченности и защите пенсионеров, инвалидов и т.д., об охране семьи как основной ячейки общества, но все это утверждалось неконкретно, чисто декларативно. На чрезвычайном съезде Партия словацкого возрождения была переименована в Демократическую. На вновь избранное руководство (во главе с оставшимся председателем Й.Шимутом) была возложена задача приступить к немедленным переговорам с правительством республики о реабилитации прежней ДП и ее членов и о возмещении партии материальных потерь, "понесенных ею при ее незаконном закрытии в 1948 г."

Возрожденная партия сразу после съезда активно включилась в политическую жизнь республики. На страницах газеты "Люд" - органа ДП - развернулась дискуссия о принципах политической организации общества, о проходящих в стране выборах президента, необходимости идеологизации воспитания и обучения молодежи и т.д.

Съезд принял в ряды партии - в качестве коллективно-го ее члена - Постоянную конференцию словацких демократических эмигрантов во главе с ее председателем, д-ром Мартином Кветко (членом Президиума бывшей ДП), со штаб-квартирой в США. Как следствие этого акта в середине января 1990 г. в страну прибыли представители Совета свободной Чехословакии в США во главе с М.Кветко, которые были приняты правительством Словацкой Республики совместно с новым руководством ДП и руководством движения "Общественность против насилия" (далее "ОПН").

Характерно совпадение позиций руководства ДП и представителей эмиграции в вопросе укрепления федералистских основ государства и недопущения сепаратистских устремлений, а также неприятия политического союза с так называемыми "радикально-экстремистскими партиями", под которыми прежде всего подразумеваются коммунисты, в оценке

Словацкого национального восстания и участия в нем коммунистов и членов ДП⁶. Так, пресса много внимания уделила беседам с эмигрантом доктором Паулини, являвшимся в 40-е гг. председателем организации "Молодые демократы" в Словакии, который опроверг в течение многих лет распространявшуюся Коммунистической партией легенду о "партизанском восстании". Он отметил, что партизаны имели лишь 20 тысяч человек, тогда как участвовавшая в восстании словацкая армия - до 60 тысяч. Кроме того, координация действий кадровой армии и партизан была, по его словам, очень затруднена вследствие негативной в этом плане политической роли советских инструкторов. В послевоенные годы, - рассказывал Паулини, - коммунистические "комитеты содействия", опираясь на советских представителей, постепенно подвергли репрессиям руководителей политических движений в Словакии, тысячи членов этих движений, подчинили себе армию и установили в республике господство одной партии - коммунистической⁷.

27 января 1990 г. на заседании ЦК ДП ее председателем был избран проживавший до того времени в США Мартин Кветко. В своем выступлении уже в качестве председателя ДП М.Кветко*, в частности, подчеркнул, что он против централизма, но за прочную федерацию чехов и словаков, за государство двух братских народов, построенное на принципах равенства и демократии, "той демократии, которую посеял в наших краях Масарик". Разъясняя, почему

* Газета "Люд" опубликовала краткую биографическую справку нового 77-летнего председателя ДП. В 1936 г. он окончил Высшую ветеринарную школу, был членом и одним из ведущих представителей Словацкой национальной партии и сотрудником ее печатного органа, газеты "Заридне новины". Во время Словацкого восстания был членом повстанческого совета в городе Банска-Бистрица. В 1945-47 гг. - уполномоченный по сельскому хозяйству и земельной реформе, в 1947-48 гг. - по питанию, т.е. был одним из главных проводников сельскохозяйственной политики ДП, С 1945 г. - депутат Словацкого Национального Собрания (далее СНС). После февраля 1948 г. уехал в эмиграцию в США. В Канаде основал организацию демократических эмигрантов, был издателем журнала этой организации "Наше Снаги".

ДП, партия, исходящая из христианского мировоззрения, тем не менее не называется христианской и даже "отвергает монополию тех партий, у которых слово "христианская" содержится в названии, Кветко подчеркнул что ДП стремится избежать разделения общества на различные вероисповедания и конфессии и хотела бы стать "партией всех религиозных слоб и всех общественных групп"⁸.

Еще в ноябре 1989 г. в Словакии безуспешно добивалась своей регистрации Либерально-демократическая партия, которая считает себя основной частью чехословацкой демократической инициативы, возникшей после 1948 г. Как и ДП, она открыта и для верующих, и для атеистов. В ее документах отмечалось, что ДДП "исходит из гуманистических и демократических традиций Масарика, Штефаника и Штура и выступает за все гражданские свободы и свободу предпринимательства, за права человека и свободу самореализации личности"⁹. Относительно малочисленная (в январе в ней насчитывалось приблизительно 600 членов), она выпускала в Праге раз в неделю свой орган "Демократичке новины".

13 января 1990 г. начал свою работу съезд Партии свободы (второй некоммунистической партии, официально существовавшей в Словакии до ноябрьских событий 1989 г.) Несмотря на попытку председателя партии Душана Яноши обелить политическое лицо ее руководства (с 1946 г., по его словам, партия строила свою деятельность на принципах свободы, христианского гуманизма и демократии), делегаты съезда признали, что Партия свободы стала своего рода прикрытием для КПЧ в ее игре в демократию и политический плюрализм¹⁰. Было избрано новое руководство, сделан вывод о необходимости разобраться в ошибках прошлого и одобрена программа, в которой заявлено, что Партия свободы есть "своего рода идейно-либеральная или идейно-открытая, независимая политическая партия". Подобная туманная формулировка свидетельствует о том, что плюрализм, скорее всего, застал врасплох эту небольшую

партию и единственным определенным результатом съезда явилось то, что она отмежевалась от ошибок прошлого и выразила стремление быть независимой от КПЧ, как, впрочем, и все остальные партии.

В конце января 1990 г. в Братиславе состоялась встреча вновь возникающих в Словакии партий и движений, на которой они договорились о координации своих действий в свете нового закона о партиях, принятого Федеральным Собранием 23 января. Во встрече, как говорилось в соответствующем сообщении, приняли участие Партия демократического социализма, Социал-демократия в Словакии, Либерально-демократическая партия, Партия независимых демократов и другие партии (эти партии, правда, конкретно не назывались).

С начала 1990 г. постепенно активизировалось Христианско-демократическое движение. 17 февраля в Нитре проходил съезд движения. Так как оно не имело в тот период своего печатного органа^ж, а по своим целям и программе было близко к ДД, газета "Люд" поместила довольно подробную информацию о съезде. На нем присутствовало около 300 делегатов и гостей из Чехословакии¹¹. Открыл его глава словацких христианских демократов и в тот период зам. председателя федерального правительства Я. Чарнегурский. Затем выступил ряд ораторов, в том числе словацкий политик д-р Кемпны (в газете без инициалов - прим. автора статьи), "неоднократно осуждавшийся коммунистами на тюремное заключение. Он призвал католиков и евангелистов к сотрудничеству в духе соглашения между ними от марта 1945 г. и "краткой послевоенной демократической эры, прерванной февральским путчем"¹².

Среди гостей съезда были представители христианско-демократических партий из Австрии, ФРГ, Голландии, Ита-

^ж Первый номер еженедельной газеты ХДД "Словенский денник" вышел в Братиславе 16 апреля 1990 г.

лии, Франции и Эстолии, а также различных чехословацких и зарубежных общественных организаций. "Некоторые из них, — отмечалось в прессе, — более или менее явно обратились к населению Словацкого государства времен второй мировой войны, но, хотя одно из таких выступлений даже сопровождалось восторженными аплодисментами, от стола президиума такие ораторы получили недвусмысленный ответ, что существует демократическое право выражать свои взгляды, однако руководство Движения подобные взгляды категорически не одобряет. Со стороны организаторов съезда был четко высказан призыв к словацко-чешскому сотрудничеству и к федерации".

На рабочем заседании затем шла дискуссия о том, будут ли христианские демократы Словакии партией или движением, а также о программе, которая исходит из традиций светских христиан, из современного экуменизма, национальных корней, признания чехословацкой федерации и христианско-демократической идеологии.

Й. Дубничек, временно замещавший председателя ДД Кветко, приветствуя делегатов съезда, подчеркнул, что его партия стремится к "сестринским" отношениям с этим движением. Напомнив о "42-х годах тоталитарного режима", он заявил: "Мы должны вернуть нашему народу все долги того периода. Политические цели Демократической партии в целом не отличаются от целей Христианско-демократического движения. Они направлены на то, чтобы все мы жили в демократическом государстве в атмосфере свободы, в Европе, которая является нашей общей матерью".

Через месяц, 18 марта, три малых партии — Либерально-демократическая, Партия независимых демократов и Партия национального благоденствия выступили с совместным заявлением, призывавшим граждан Словакии содействовать укреплению "партии центра", к которым они отнесли себя: "Нашу обеспокоенность, — говорилось в заявлении, — вызывает возможность возникновения такой ситуации когда общественное мнение будет представлено, с одной стороны,

"гражданским блоком" (этот блок принимает все более четкие очертания в составе Демократической партии, движения "Общественность против насилия" и Христианско-демократического движения. - прим. корр.), с другой стороны, - компартией. Мы, - заявлялось в документе, - призываем всех граждан вовремя осознать угрозу подобного разделения власти и понять, что партии в центре политического спектра являются единственным гарантом равновесия на политической арене"¹³.

В конце марта в Словакии была создана Партия гуманизма и социальной справедливости, "стремящаяся к социальной защите граждан от политической и административной структур и от руководства предприятий; к созданию для граждан социальных гарантий; к защите национальных прав словацкого народа и меньшинств, живущих в Словакии; защите прав человека и нейтралитету Чехо-Словакии как гарантии мирной жизни людей в стране..."¹⁴

Возникшая ранее Партия христианского социализма вынуждена была "защитить себя от необоснованных обвинений в том, что ее программа якобы полностью взята из программы КПЧ", и доказывать, что социализм совместим с христианством. Эта партия, по утверждению К.Дубчека, члена ее комитета действий, стоит на трех опорах - демократии, христианстве и социализме и исходит из идей позднего утопического социализма Сен-Симона. "Возможность же симбиоза христианства и социализма, - пишет он далее, - лучше всего доказывает современный политический климат, то, что в настоящее время у нас открыта дорога христианству"¹⁵.

К сожалению, в прессе этого периода почти нет более или менее внятной информации о Словацкой национальной партии (о времени ее возникновения, программе и т.д.) Вместе с тем обращает на себя внимание заявление ДН¹⁶, подписанное ее председателем М.Кветко и двумя другими членами ДН, являвшимися ранее, еще до членства в прежней ДН, руководителями старой и весьма известной Словацкой национальной партии, которая была основана в 1870 г. .

В заявлении говорится о том, что эта партия во время Словацкого национального восстания вошла в Демократическую, которая в своей деятельности придерживалась и основных положений национальной программы СНП. Далее авторы заявления утверждали, что новая партия незаконно присвоила себе название "Словацкая национальная партия", в то время как ее члены не являются последователями этой организации. Скорее всего, это заявление уже в тот период (в апреле) объяснялось позицией новой СНП по национальному вопросу, хотя в самом заявлении прямых доказательств этому нет.

Движение "Общественность против насилия" (ОПН) — одна из ведущих политических сил Словакии, на протяжении всего периода после ноября 1989 г., принимающая активное участие во всех наиболее важных событиях внутривнутриполитической жизни республики. В конце апреля, на заключительном этапе подготовки к парламентским выборам в Мартине состоялся пятый сейм (конференция) ОПН¹⁷. Рассматривались основные принципы и вопросы корректного проведения предвыборной кампании, а также будущего ОПН.

Опросы общественного мнения в этот период показали, что ОПН начинала терять политические симпатии. Более того, газеты помещали письма читателей, в которых не одобрялись некоторые ее действия, в частности попытки везде вмешиваться в кадровую политику. В адрес движения в некоторых газетах, прежде всего в органе компартии Словакии, газете "Правде", начали даже раздаваться упреки в том, что оно стремится установить новый тоталитаризм взамен старого. В Мартине эта "естественная потеря симпатий" мотивировалась данью нарастающему плюрализму в обществе. Участники сейма детально обсудили программу ОПН, список выдвинутых движением кандидатов в депутаты Федерального и республиканского парламентов. Среди кандидатов в депутаты ФС — А.Дубчек, председатель федерального правительства М.Чалфа, глава словацкого правительства М. Чич, советник президента М.Княжко.

"Шанс для Словакии" - так называлась предвыборная программа движения ОПН. Представляя ее на пресс-конференции в Братиславе, руководители ОПН подчеркивали: наше яркое будущее - сильную и процветающую Словакию - мы не получим просто так. Было бы дешевым трюком обещать быстрые благоприятные изменения. В то же время руководители ОПН считали реальным за пять лет добиться стабилизации экономики, а за десять - выйти на уровень развитых стран демократической Европы. "ОПН, будучи движением демократической общественности, рассматривает свою программу как служение Словакии при ее переходе от тоталитаризма к демократии. Новый дом Словакии - а он должен быть прочным и уютным - требует вновь поставить, укрепить и реконструировать его основные опоры: общественно-политическую, национальную и национальных меньшинств, экологическую, духовно-нравственную"¹⁸.

В программе говорится, что ОПН с самого своего возникновения выступает за демократическую политическую систему, правовое государство, плюралистическую парламентскую демократию. Основой демократического общества является свободный гражданин. Соблюдение прав и свобод человека - пробный камень демократии. ОПН выступает за развитие инициативы, предприимчивости, творчества каждой личности и ее правовую защиту. Очень важно, что в настоящее время появилась возможность для подлинного участия граждан в общественной жизни. Далее подчеркивается, что ОПН - за полное самоопределение словацкого народа. Словацкую государственность ОПН видит "как естественное и неотъемлемое право завершить осуществление всех аспектов суверенитета современного европейского народа. Ее воплощение, - говорится далее в программе, - мы видим в единой демократической федерации с таким же суверенным чешским государственным элементом. Федерацию мы понимаем как совместные действия, как взаимовыгодное соединение сил, объединенных общими внутри- и

внешнеполитическими, экономическими, культурными и другими интересами".

Что касается левых партий, то 24 марта 1990 г. в Братиславе проходил учредительный конгресс Партии демократического социализма, который принял программу, представляющую собой ориентацию ПДС на социальную защиту граждан, самоуправление на предприятиях, на последовательную федерализацию Чехо-Словакии и создание системы эффективной охраны окружающей среды, а также "на поддержку каждого, кто стремится к созданию современной Словакии и к ее достойному вхождению в Европу". Заявлялось, что члены ПДС будут стремиться к созданию с другими политическими партиями и движениями "левого центра", в который войдут Социал-демократическая партия Словакии, члены клуба "Возрождение", словацкая организация Чехословацкой социалистической партии, профсоюзные и молодежные организации. По их мнению, это была бы "коалиция граждан, объединенных принципами социальной справедливости, демократии и гуманизма"¹⁹.

Не остался пассивным и Национальный фронт Словакии. В середине марта 1990 г. он объединял 72 формирования, включая 14 политических партий и 28 общественных организаций, единогласно принятых в него на заседании ЦК НФ 13 марта. О современных задачах и программе деятельности информировал председатель ЦК НФ Антон Тяжкий. Он подчеркнул, что при новом соотношении общественных сил НФ должен был бы выступать как объединение политических партий, общественных организаций, организаций по интересам и других инициатив и обществ таким образом, чтобы политическую и государственную власть не могла узурпировать ни одна партия. "Национальный фронт", - заявил далее А. Тяжкий, - хочет быть выразителем равноправного положения наших народов - чехов и словаков - и будет добиваться реализации оправданных требований и интересов других народностей, живущих у нас"²⁰.

В разгар предвыборной борьбы в Словакии между партиями и движениями предполагалось, что 8-9 июня во всеобщих

выборах в Чехо-Словакии примут участие 23 политических партии, движения и коалиции. Это сообщил председатель Центральной избирательной комиссии Э.Загорский. Он также заявлял, что закон не препятствует тому, что некоторые политические партии получают поддержку из-за рубежа и что в выборах примут участие и чехословацкие граждане, находящиеся за границей.

Весь этот посленоябрьский период компартия Словакии находилась в весьма сложном положении, т.к., лишённая руководящей роли, она в целом и любой коммунист, порой независимо от своей личной деятельности, подвергались не только справедливой критике, но и нередко несправедливым, враждебным нападениям. Вместе с тем КПС не покинула политической арены, боролась за восстановление доверия граждан Словакии. Нарушение стабильности в словацком обществе, неблагоприятные процессы в экономике вызвали оправданное беспокойство коммунистов. В конце февраля на одной из своих пресс-конференций председатель Исполкома ЦК КПС П.Вайс подчеркнул, что коммунисты заинтересованы в преодолении неблагоприятных тенденций и что сделаны первые шаги на пути перестройки партии в современную демократическую политическую силу. Руководство, в частности, проявляет терпимость к многочисленным платформам, возникшим в партии. Далее Вайс сообщил, что раздающиеся в адрес коммунистов обвинения в сохранении монополии на средства массовой информации несправедливы, т.к. представители КПС практически лишены возможности выступать по радио и телевидению, а из органов печати сохранилась лишь газета "Правда", которая с начала марта переходит на уменьшенный формат²¹.

В конце февраля, судя по одержанию "Правды", деятельность КПС заметно оживилась. Была создана Братиславская организация компартии Словакии взамен пяти отдельных районных организаций в словацкой столице. С одной стороны, это объяснялось сокращением численности членов партии, необходимостью сокращения партаппарата, эконо-

мии финансов и материальных средств, о другой – необходимостью лучшей подготовки к предстоящим выборам.

Стремление словацких коммунистов к консолидации общества выразилось, в частности, в постановлении февральского пленума ЦК КПС, в котором говорилось: "Положение в нашем обществе характеризуется сегодня активизацией политических партий, борьбой за исходные позиции к предстоящим выборам. В ходе этой борьбы, отличительной чертой которой является отрицание всех достигнутых до сих пор результатов общественного развития и критика компартии, политические движения и партии не достигают эффективности в поисках решения насущных проблем жизни граждан. Политическая борьба по-прежнему оказывает негативное влияние на функционирование хозяйственных и государственных органов и трудовых коллективов. Это ведет к нестабильности и снижению производственных результатов, вызывает обоснованное беспокойство и тревогу людей за свое социальное положение. ЦК КПС обращается ко всем политическим партиям и движениям с призывом не допустить, чтобы формирование плюралистической политической системы, предвыборная борьба достигли такой интенсивности и накала, которые парализуют наше общее стремление к созданию социально справедливого общества"²².

И позже, в марте, на встрече с жителями одного из районов Братиславы, П.Вайо, выступая в качестве депутата и от лица КПС, вновь призвал к консолидации представителей других партий и движений, в частности, ведущих представителей ДП и ОПН, говорил о необходимости конструктивного сотрудничества с обновляющейся КПС. "Давайте, – заметил он, – будем уважать опыт развитых демократий, функционирующих на базе уравновешенного политического спектра, в котором имеет свое неотъемлемое место и левая партия"²³.

Однако деятельность КПС, попытки диалога очень часто наталкиваются на недоверие и враждебность. Коммунисты продолжают создавать впечатлительные консерваторов или, на-

оборот, экстремистов, которых следует бояться²⁴. Действительно, все появляющиеся партии стремятся отмежеваться от прежнего порядка и его носителей и не идут на диалог с КПС. Но, кроме этого, на протяжении всего данного периода нередки и более явные выступления, такие, например, как мартовский митинг в Братиславе, организованный ОПН. На митинге, в частности, выступили советник президента ЧСФР М.Княжко и лидер ОПН, избранный в тот период на сессии СНС первым заместителем председателя словацкого парламента Я.Будай. Говорилось о "закулисных маневрах коммунистов", "махинациях темных сил", "происках приверженцев прежнего тоталитарного режима". "Те, кто в 1968 г. призвал на помощь танки и полмиллионную иностранную армию, - заявил М.Княжко, - теперь всеми силами стремятся найти союзников внутри нашей страны, не гнушаясь никакими средствами". На митинге неоднократно раздавались лозунги антикоммунистического содержания. Вместе с тем на следующий день Координационный комитет ОПН опубликовал заявление, в котором "отмежевался от экстремистских и антикоммунистических выкриков, имевших место на митинге, и от их авторов, т.к. этот дух насилия не имеет ничего общего с ОПН"²⁶.

В апреле, когда возник вопрос о запрещении КПЧ, лидер словацких христианских демократов Ян Чарногурский высказался против, однако обосновал свое мнение следующим образом: "В прошлом КПЧ была тоталитарной партией, навязавшей тоталитарный режим всему обществу. Поддержка и пропаганда такой партии могли бы привести к мысли об уголовном преследовании. Необходимо, однако, осознать, что ныне происходит внутреннее перерождение партии. Она поддерживает процесс демократизации общества. Во главе КПЧ стоят новые люди. Как каждый, так и компартия должна иметь возможность воспользоваться правом прощения. Современная компартия имеет свое место в политической системе Чехословакии, а выборы без нее не были бы свободными, т.к. у избирателей отсутствовала бы альтерна-

тива. В то же время, — подчеркнул Черногурский, — компартия все еще остается верной марксизму-ленинизму, который является вредной идеологией, завезшей Чехословакию в тупик. КПЧ должна принять участие в выборах, но на них должна проигрывать с высоким счетом, иначе реформы в ЧСФР останутся на полпути²⁷.

Практически такую же позицию заняло и руководство ДП, которое в своем органе подчеркивало: "Победа коммунистов — проигрыш трудящихся". Автор статьи, где высказывалось такое мнение, писал далее: "Воледеяние февральских событий в Чехословацкой Республике демократия умерла прежде, чем смогла полностью развиться, а отрицательные последствия насильственного переворота наше общество несло на себе 41 год и несет до сих пор"²⁸. В газете "Люд" по этому поводу говорилось: "Февральский путч вызвал волну репрессий, кульминаровавших в 50-е гг., в которых пострадали тысячи невинных чехов и словаков. Поэтому мы считаем дальнейшее празднование февральских событий аморальным и требуем как можно скорее и полнее выработать правдивый, основанный на изучении фактов, анализ этого периода истории". Эти сюжеты освещаются и в других материалах²⁹.

Отношение к КПС ярко проявилось у ведущих представителей ОПН и ДП во время перевыборов председателя Словацкого Национального Собрания в начале марта 1990 г. По словам И. Дубничка, бывший председатель Рудольф Шустер (находившийся на этом посту после ноябрьских событий 1989 г. и, по мнению того же Дубничка, успешно справлявшийся со своими обязанностями) должен был уйти с поста только потому, что он коммунист. Однако в этом случае авторитет Р. Шустера был так велик, что, несмотря на бурную дискуссию, он был избран вновь. Позже, однако, в конце марта Шустер вышел из рядов КПЧ, мотивировав это следующим образом: "Меня правели к этому личные доводы и напрасное ожидание способности компартии хотя бы частично восстановить свой кредит в обществе"³⁰ "Правде", кратко излагая его заявление, мотивирует этот шаг тем,

что "членство в партии мешало выполнению его обязанностей" и что "нажим оказывался и на членов его семьи", а поэтому ЦК КПС "с пониманием отнесся к этому шагу председателя СНС"³¹.

Период политического развития, рассматриваемый в настоящей статье (ноябрь 1989 - лето 1990 гг.), следует, видимо, определить как переходный. Главными чертами этого периода являются, с одной стороны, организационное оформление и выход на политическую сцену традиционных, вытесненных с нее коммунистами после 1948 г. политических партий. А с другой стороны, - перераспределение инструментов и рычагов власти в республике, переход этих инструментов и рычагов от обладавших ими ранее структур, контролировавшихся коммунистами, в пользу возрождающихся политических субъектов.

Процесс этот происходит удивительно быстро, но простым его назвать никак нельзя. Здесь и нежелание коммунистов расстаться с реальной властью в обществе, и подозрительность в отношении коммунистов именно в этом плане со стороны новых политических сил. Так, в феврале 1990 г., еще на учредительном съезде Христианско-демократического движения Словакии его лидер Ян Чарногурский прямо обвинил КПЧ в стремлении, теперь уже в более или менее завуалированной форме, вновь овладеть обществом и политической сферой³².

В целом можно сказать, что внутренний организационный период становления партий в новом качестве завершился довольно быстро, и уже в феврале 1990 г. некоммунистические партии вышли на политическую арену республики, вступив в процесс борьбы за власть с коммунистами. Прежде всего это проявилось в стремлении ликвидировать монополию компартии Словакии на средства массовой информации. Показателен здесь пример борьбы за фонды на бумагу.

В феврале 1990 г. большинством словацких партий обсуждался ставший особенно актуальным в предвыборный

период вопрос о "справедливом перераспределении бумаги" для газет. По этому вопросу проходила встреча нескольких партий и движений: Демократической партии, Партии свободы, Христианско-демократического движения и движения "Общественность против насилия" с представителями КПС. В ходе встречи отмечалось, что из 7191 тонны бумаги, предназначенной в Словакии для политической печати на год, 6658 тонн имеет КПС ("Правда" и "Уй со" - газета на венгерском языке); "Общественность против насилия" располагала в тот момент бумагой только до конца февраля. Между остальными политическими партиями оставшиеся 160 т газетной бумаги распределялись в то время следующим образом: 147 т - у ДП, 13 - у Партии свободы, Христианско-демократическое движение и все другие партии не имели ничего³³.

Для выхода из создавшегося положения КПС было предложено оставить себе столько бумаги, сколько требуется для уменьшения ежедневной газеты до общеевропейского формата, а также закрыть еженедельники, находившиеся под контролем руководства КПС. Представители КПС отказались. Остальные представители заявили, что "КПС не принимает во внимание ликвидацию своей руководящей роли и что необоснованно сохраняется ее монополия в печати". Вслед за тем участники встречи обратились к правительству с требованием, чтобы расход бумаги на газеты КПС с 1 марта уменьшился, вследствие чего другие политические партии получают уже 40% необходимой бумаги.

После этого вопрос о бумаге еще несколько раз появлялся на страницах газеты "Люд". Для решения всех неотложных вопросов, возникших в периодической печати, в том числе острой проблемы распределения газетной бумаги, главные редакторы газет "Глас люду", "Люд", "Праца", "Правда", "Рольнице новины", "Смена", "Шпорт", "Вечерник" и "Уй со" объявили о создании консультативного органа во главе с главным редактором профсоюзной газеты "Праца" М.Немецком. 1 марта уменьшился формат, а затем

сократился и тираж "Правды" -- органа КПС³⁴.

Таким образом, бурный посленоябрьский предвыборный период характеризовался наступлением плюрализма по всем линиям внутривнутриполитической жизни, кристаллизацией различных, в том числе национальных, интересов, постановкой проблем, к решению которых страна приступила после выборов. Предвыборный социологический опрос среди граждан Словакии, проведенный Институтом общественного мнения при Словацком статистическом управлении в Братиславе, как сообщали корреспонденты ТАСС 30 мая 1990 г., показал, что на конец мая количество избирателей, решивших принять участие в выборах, составляло 83%. Причем 21% потенциальных избирателей собирались голосовать за Христианско-демократический союз*, 17,3% -- за ОПН, 14,8% -- за КПС, 11,4 -- за партию "зеленых", 7% -- за Демократическую партию, 5,1 -- за Словацкую национальную партию.

Результаты самих же парламентских выборов, проходивших 8-9 июня 1990 г., оказались несколько иными, чем ожидалось. В Народную палату Федерального Собрания голоса в Словакии распределились следующим образом: ОПН -- 32,54%; ХДД -- 18,98%; КПЧ (КПС) -- 13,81%; Словацкая национальная партия -- 10,96%; "Сосуществование" (движение меньшинств) -- 8,58; Демократическая партия -- 4,4%; Партия "зеленых" -- 3,2%; социал-демократы -- 1,89%; Партия свободы -- 1,44%³⁵.

Результаты выборов оценивались по-разному. Прессой отмечался неожиданный успех коммунистов, который их руководство рассматривало как создание условий для преобразования КПЧ в современную левую партию. Действительно, выборы, по сравнению с предшествовавшими им прогнозами прессы, показали, что коммунисты продолжают пользоваться доверием достаточно значительной части населения

* Христианско-демократическая уния и Христианско-демократическое движение

(вернее, не просто коммунисты, а обновляющаяся КПЧ). Наиболее сильной, как и ожидалось, оказалась коалиция Гражданского форума и ОПН (в масштабах всей страны), в Словакии — ОПН. Наиболее влиятельным соперником тем и другим и в масштабах страны, и в Словакии выступило Христианско-демократическое движение в целом и отдельные его организации.

В то же время в Словакии быстро выросли ряды приверженцев национальных и националистически ориентированных партий и движений, что свидетельствует об актуализации интересов к этой проблематике. Осторожность в высказывании взглядов на национальную проблематику членов и руководителей ДП, очевидно, привели к перераспределению голосов в пользу Словацкой национальной партии. В итоге выборы не только не успокоили противоречивые общественные процессы в республике, но и в известной степени активизировали общественную борьбу. В частности, нельзя не отметить, что в Словакии усилилась конфронтация между "сепаратистами" в Словацкой национальной партии и сторонниками федерации, все большую остроту стали приобретать разногласия по проблемам, связанным с положением национальных меньшинств.

Примечания

1. L'ud. Bratislava. 2.XII.89
2. Ibidem.
3. Ibidem.
4. Ibid., 5, 9.XII.89.
5. Ibid., 9.XII.89.
6. Ibid., 15.I.90.
7. Ibid., 24.I.90.
8. Ibid., 27.I.(90.
9. Ibid., 11.I.90.
10. Ibid., 15.I.90.
11. Ibid., 19.II.90.

12. Ibidem.
13. Cas. 18.III.90.
14. Pravda. Bratislava. 29.III.90.
15. Ibidem.
16. Cas. 24.IY.90.
17. Cas. 30.IY.90.
18. Ibidem.
19. Pravda, 8.III.90.
20. Cas. 14.III.90.
21. Pravda, 28.II.90.
22. Ibid., 27.II.90.
23. Ibid., 19.III.90.
24. Pravda, 8.III.90.
25. Cas. 7.III.90.
26. Pravda, 8.III.90.
27. Cas. 25.IY.90.
28. L'ud, 15.II.90.
29. Ibid., 22.II.90.
30. Cas. 28.III.90.
31. Pravda, 29.III.90.
32. L'ud, 19.II.90.
33. Ibid., 16.II.90.
34. Pravda, 2.IY.90.
35. Fraca. Br., 10.YI.90.

· А.Б.ВДЕМСКИЙ

ОТ ПРОВАЛА XIV СЪЕЗДА СКО К "ТРЕТЬЕЙ" ЮГОСЛАВИИ?

Конец 1989–1990 г.г. – важный рубеж в жизни югославского общества: существовавший долгое время парткратический режим рухнул. Союз коммунистов Югославии, являвшийся его стержнем, был отнесен на периферию политической арены в результате первых в послевоенной истории страны выборов на многопартийной основе и действий реформаторских сил внутри СКО. Начало нового этапа в истории югославских народов позволяет подвести некоторые итоги. Прошедшие сорок пять лет продемонстрировали безуспешность предпринимавшихся попыток как "этатистского" варианта, так и "самоуправленческой модели" выравнивания экономического, социального и цивилизованного уровней различных регионов, привели к провалу усилий по созданию монолитного государства на коллективистской основе. За это время не были устранены, а наоборот, усилились центробежные тенденции,

которые в условиях возникновения за пределами СФРЮ новых "центров притяжения", оказывающих серьезное воздействие на формирование внутриполитической ситуации и внешнеполитическую ориентацию страны, поставили "титовскую Югославию" перед проблемой трансформации в конфедерацию. Практика не подтвердила марксистский тезис о приоритете классового над национальным. Период "социалистического отстраничества" был в наиболее оптимальной форме использован национальными партийно-государственными олигархиями для становления и укрепления правящих элит при форсированном прохождении периода своего рода "первоначального накопления капитала".

Союз коммунистов Югославии, в соответствии с конституционно закрепленной за ним ролью "ведущей идейной и политической силы"¹ страны, осуществлявший четыре с половиной десятилетия эту роль, стал в глазах общества во многом ответственным за сложившуюся ситуацию. Авторитет коммунистов как правящей партии, катастрофически упал. Результаты социологических исследований, проведенных по заказу Президиума ЦК СКЮ, показали, что лишь 5,5% населения оценивали в конце 1989 г. деятельность компартии "удовлетворительно", 25% - "плохо" и 28% - "средне". К примеру, в Хорватии 34% опрошенных вообще не желали упоминания Союза коммунистов. Центр социологических исследований при ЦК СКЮ отмечал сокращение приема в партию новых членов, многие покидали его ряды; только за второе полугодие 1989 г. из СКЮ вышло 39 тысяч человек. В целом за 1961-1989 гг. численность СКЮ сократилась на 360 тысяч человек. Численность молодых коммунистов снизилась с 675 тысяч в 1980 г. до 319 тысяч в 1989 г. (в два раза) и составила около 15,8%².

В ходе подготовки XIV внеочередного съезда СКЮ в республиканских и краевых организациях по традиции были проведены съезды и конференции, которые наметили программы действий и придали легитимность устоям ли-

дерев партийных номенклатур в ряде решений, одобренных делегатами соответствующих форумов. Наиболее радикальная программа преобразования партии и реформ в обществе была выдвинута на XI съезде СК Словении (декабрь 1989 г.). Руководство словенских коммунистов в большей мере, чем политические структуры остальных отрядов СКЮ, осознавало реальность непосредственной угрозы своему монополю-ному положению со стороны оппозиционных сил в республике. Вместе с тем руководство Словении достаточно длительное время имело опыт диалога с оппозицией. В СК Словении в наиболее адекватной форме осознавали важность происходивших с середины 80-х годов перемен в Западной Европе, неуклонно продолжавшей движение к интеграции 1992 г. В Любляне предчувствовали негативные последствия оформления западноевропейской интеграции для Словении и всей югославской федерации в целом, стремились создать политические предпосылки для начала процесса вхождения Словении (в составе Югославии или иначе) в "единую Европу". Руководство республики Словения вынуждено было предложить нетрадиционные идеи с тем, чтобы выдержать конкуренцию с программой оппозиционных сил и отстаивать их в дискуссиях на федеральном уровне.

В предложенных вниманию делегатов XI съезда программных документах на первый план была выдвинута проблема государственности Словении. Основой всех демократических процессов провозглашался переход к многопартийности. В ходе обсуждения участники съезда поддержали позицию, согласно которой СК Словении – самостоятельная организация в рамках СКЮ, окончательно закрепив тем самым протекавшие длительное время в латентной форме процессы конфедерализации партии. Съезд обязал представителей СК республики на предстоящем съезде СКЮ последовательно выступать за его преобразование "в союз самостоятельных республиканских парторганизаций", подчеркнув, что в противоположном случае решения союзного съезда необязательны для СК Словении как несоответствующие

его программным положением. Сам программный документ, принятый республиканским съездом, был назван "За европейский уровень жизни". Внутреннее содержание основных тенденций политики СК Словения достаточно ярко характеризовали и внешние символы съезда: его эмблемой был избран олимпийский флаг с золотой звездой — цвет "объединенной Европы". Пение "Интернационала" сменялось исполнением "Оды радости" Ф. Шиллера из 9-й симфонии Л. Бетховена³) — гимна Европейского сообщества.

В сходном направлении шли решения и XI съезда СК Хорватии (декабрь 1989 г.): об исключении из партийных документов и Конституции СФРЮ тезиса о ведущей роли СКЮ в югославском обществе; об удалении из Устава СКЮ положения о демократическом централизме как основном принципе организации внутрипартийных отношений⁴; о внесении в партийные документы положения о том, что СКЮ выступает за политический плюрализм внутри и вне Социалистического Союза "с ясными правилами идеологической деятельности", которые будут закреплены в Конституции и правовых документах Югославии⁴.

Аналогичная направленность решений, хотя менее радикальных и последовательных, была характерна и для съездов СК Македонии (ноябрь 1989 г.), СК Боснии и Герцеговины (декабрь 1989 г.) и СК Сербии (декабрь 1989 г.). В этих решениях поддерживались требования демократизации в СКЮ и стране в целом, выражалась солидарность с курсом правительства СФРЮ на рыночную экономику, заявлялось о желательности политического плюрализма, указывалось на необходимость создания эффективной федерации.

Ярким событием политической жизни страны стало внесение в резолюцию XI съезда СК Сербии положения об отказе республиканской парторганизации от монопольного положения в обществе. Тем не менее подходы коммунистов Сербии ко многим проблемам выглядели менее радикально, чем у парт. организаций других республик. Это, видимо,

объяснялось настоятельной потребностью решения ряда специфических задач, стоявших перед партийными структурами СК Сербии. Новое руководство республики было занято устранением последствий скандального раскрытия коррупции в высших сферах, сменой работников госаппарата в Воеводине, Косово. Большую озабоченность вызвала резко обострившаяся проблема создания "этнически чистого" Косова. Выселение славянского населения из края, сопровождавшееся участием манифестациями протеста депутатов сербов и черногорцев Косово в Белграде, все чаще стало связываться с ростом влияния оппозиционных сил в Сербии, которые остро реагировали на этнические эксцессы в Косово как на "национальную трагедию сербов". Все это понуждало сербское руководство к жестким решениям по проблеме косовских беспорядков, а также и в отношении оценок руководящими структурами Хорватии и Словении действий сербских лидеров - по линии Белград - Приштина. Эти обстоятельства смещали акценты в политической линии С.Милошевича, который не проявлял пристального интереса к разработке программы по подключению Сербии к западноевропейской интеграции. Немаловажным для сербского руководства, спешившего с преобразованием республиканской парторганизации, следует считать и то обстоятельство, что выборы в представительные государственные органы были проведены во второй половине 1989 г. СК Сербии сохранял монопольные позиции в республике, заменив прежние кадровые структуры сторонниками нового руководства, и временно не ощущал за спиной горячего дыхания оппозиции.

Но как бы то ни было, а общий настрой на перемены был характерен для всех, это указывало на возможность достижения традиционного предсъездовского консенсуса. С.Шувар, например, не без оснований отмечал достаточно слаженную деятельность в ходе подготовки съезда рабочей группы ЦК СКЮ под собственным руководством⁵. Имелась основа для компромисса и на базе усиления критики национальных бюрократий, прежней номенклатуры в средствах

массовой информации и т.д.

О возможности компромисса свидетельствовало также принятие (разработка и публикация) проекта "Декларации за демократический социализм в Югославии". Текст документа отражал дальнейшую эволюцию СКЮ в сторону программных установок социал-демократического движения. Авторы заявляли о разрыве СКЮ с авторитарным социализмом и необходимости радикальной реформы с целью "создания общественного устройства с характеристиками демократического социализма". В центр преобразования общества ставился человек как суверенный политический субъект. Декларировалось отсутствие любой исторической, государственной или классовой цели, которые могут иметь большее значение, чем достоинство человека.

Ключевым моментом документа было заявление о намерении "бороться за свою легитимность в ходе выборов и при помощи иных, чем прежде, форм непосредственного выражения политической воли граждан", стремлении СКЮ посредством политического плюрализма создать новое качество жизни, новый способ получения власти в ходе свободного волеизъявления населения при ее ограничении "рамками выборного периода". Создатели Декларации намечали свой стратегический курс, исходя из формирующихся новых политических реалий многопартийности.

В документе отстаивалась приверженность СКЮ разнотию самоуправления, было заявлено о необходимости лишения власти политократии, "организованной как партийное государство и государственная партия". Выдвинутый в документе лозунг: "... следует изменить все, иначе завтра может быть поздно для социализма в Югославии" свидетельствовал о решимости авторов пойти на добровольный отказ от власти в интересах сохранения социальных завоеваний. Новый подход просматривался в документе и в отношении форм собственности. Авторы высказывались за равноправие всех ее форм (без конкретного перечисления) в условиях их свободной конкуренции.

Значительное внимание в проекте Декларации уделялось социальной базе СКО, которую, по мнению ее авторов, будут составлять "самые широкие слои населения", прежде всего "рабочие и все наиболее творческие слои в производстве, науке и других областях человеческого творчества". Говорилось, что СКО должен быть открыт для "всех граждан, всех движений и объединений - для индивидуального и коллективного членства тех, кто принимает и желает развивать его социалистическую программную ориентацию". Особо подчеркивалось, что СКО намерен "контактировать с другими политическими субъектами для совместной реализации отдельных программных целей"⁶.

Принятие проекта Декларации в качестве основы для дискуссии на чрезвычайном съезде - последняя значительная попытка сохранить единство СКО посредством внесения изменений в программные документы партии. Некоторая расплывчатость формулировок и многочисленные повторы в тексте свидетельствовали о сложном процессе согласования позиций. Документ иллюстрировал дрейф СКО в двух направлениях: переход с большевистских позиций на платформу социал-демократии и изменении теоретических позиций коммунистов южных регионов Югославии в сторону взглядов руководящих структур Словении и Хорватии, поддерживаемых отдельными руководителями других республиканских парторганизаций. Но попытка внести изменения в идеологию СКО в новых условиях международного развития оказалась недостаточной и запоздала по меньшей мере на несколько лет.

Это хорошо осознавали в Словении, и очередным ультимативным шагом со стороны партруководства республики явилась подготовка платформы действий делегации словенских коммунистов на XIV съезде СКО. В этом документе делегатам съезда предлагалось принять программу "срочных шагов" из восьми пунктов, большая часть которых шла значительно дальше тех позиций, которые составляли основу намечавшегося с таким трудом консенсуса. Некоторые пункты были вы-

двинуты, вероятнее всего, в связи с нарастанием предвыборной борьбы в республике, другие – вытекали из общего понимания ситуации в СКЮ и положения в стране. В частности, выдвигалось требование немедленного принятия закона о свободе политических объединений и закона о выборах в скупщины СФРЮ как промежуточного этапа проведения выборов в Союзную скупщину в апреле 1990 г. при равноправном участии всех политических субъектов, включая и партии, и независимые гражданские списки. Отмечалась необходимость создания югославского демократического форума – организации "круглого стола" с участием всех зарегистрированных групп и партий в целях "формирования совместных позиций о демократических правилах партийной и групповой политической игры и деятельности, направленной к консолидации межнациональных отношений". В числе предложений было заявлено и о необходимости выработки проекта новой Конституции, которая бы учитывала "европейские и мировые критерии демократии, гарантирующие права народов на самоопределение, включая и отделение". В данном проекте должен был бы быть проработан вопрос о национальных меньшинствах в соответствии с высшими стандартами права. Вновь заявлялось о стремлении СК Словении к федерации, имеющей четко разграниченную компетенцию республиканских и центральных властей. Указывалось на "асимметрию как основу утверждения других совместных задач" при утверждении консенсуса в Вече республик и краев Югославии. Формировалось положение о необходимости владения высшими функционерами союзного правительства языками народов СФРЮ, разумного размещения федеральных органов и институтов в республиканских и других центрах территории страны, а также об автономии гражданского общества.

Наиболее радикальным был 8-й пункт платформы, содержащий предложения о реформировании СКЮ в союз политических субъектов, включающий самостоятельные организации в федеральных единицах; изменении названия СКЮ и подготовке программного документа и Устава в соответ

ствии с Законом о свободе политических объединений в Югославии и порядком их регистрации; об отмене на XIV съезде СКЮ уставных положений о демократическом централизме. Платформа провозглашала решимость словенских делегатов дополнить Проект декларации СКЮ в намеченном руководством СК республики направлении и добиваться принятия во всей стране позиций, предложенных в документе XI республиканского съезда "Европа сегодня". Таким образом, словенское руководство планировало побудить весь СКЮ к принятию своей программы действий⁷. Определенные организационные возможности для этого были: после XIV съезда СКЮ его должен был возглавить представитель СК Словении.

Столкновение двух концепций реформ в партии и обществе на съезде СКЮ стало неизбежным. "Радикалы" и "умеренные реформаторы" должны были, выяснив расхождения, определить судьбу своей организации⁸. Предложение СК Хорватии, выдвинутое по инициативе парторганизации Загреба, о переносе сроков проведения съезда поддержки большинства не получило. Все течение в СКЮ осознавали, что отсрочка съезда вызовет негативную реакцию в общественном мнении страны и будет воспринята как признание Союзом коммунистов собственной беспомощности выдвинуть конкретную программу преобразований. Пресса писала в связи с этим, что откладывание сроков проведения съезда может привести к тому, что сама партия во все большей степени будет превращаться в фактор дестабилизации общества.

XIV съезд СКЮ, первоначально задуманный как "внеочередной", в ходе работы по мере обострения дискуссий и углубления кризиса превратился в "чрезвычайный"⁹. Съезд был открыт докладом председателя Президиума ЦК СКЮ М. Панчевского, который назывался СКЮ и общественные реформы". Оценки, высказанные в нем, были предельно резкими. Отмечалось, что экономический, политический, идейный и моральный кризис югославского общества достиг своего апогея и необходимо приступить к эффективному и быстрому преодолению его основных причин¹⁰. Осознание

актуальности глубоких реформ созревало медленно, решения принимались половинчатые, реформам оказывалось завуалированное или открытое сопротивление. В традиционных для коммунистов терминах докладчик указывал на эскалацию негативных явлений в сфере политических отношений, агрессивный выход на сцену национализма, усиление конфронтации между руководствами национальных отрядов СКЮ. Сущность и мотивы эскалации, как было определено в докладе, заключаются "в конфликте между реформаторскими и анти-реформаторскими силами", в борьбе за сохранение или завоевание новых монопольных позиций в экономике и политике, абсолютизации местных интересов, удержании власти отдельных лиц или групп на различных уровнях, особенно на республиканском, стремлении сохранить отношение бюрократического этатизма.

В целом доклад М.Панчевского был посвящен обоснованию основных положений проекта Декларации СКЮ и ряда проектов резолюций съезда. Продолжая линию поиска компромисса между всеми течениями в СКЮ, докладчик сохранил многие радикальные формулировки Декларации. Вместе с тем верхушке партаппарата удалось попытка оказания давления на делегатов с целью внесения в Декларацию корректив в свою пользу. В частности, М.Панчевский заявил о неприемлемости для СКЮ его идентификации исключительно с многопартийной системой классического типа, исходя из того, что политический плюрализм в Югославии "объективно должен основываться на социалистической ориентации, федеративном устройстве и защите основных человеческих и общественных ценностей"¹¹. Не обошлось и без запугивания делегатов съезда тем, что в стране активизировались силы, которые, прикрываясь критикой слабости нынешней системы, стремятся внедрить грубейший нигилизм с целью разрушения важных постулатов и основных завоеваний социализма, раскол единой СФРЮ. Сохранялся и патерналистский подход к трудящимся, то есть отмечалось, что, отказываясь от политической монополии, СКЮ через сущест-

вующие структуры будет бороться за власть тех, кто создает прибавочную стоимость¹².

Обмен мнениями на съезде проходил в трех тематических комиссиях: по экономической реформе, реформе политической системы, преобразованиям в СКЮ. Однако проблемы не удалось загнать в жесткие привычные рамки комиссий - выступавшие не ограничивались заданными темами, а затрагивали, как правило, самый широкий круг проблем. За три дня работы на пленарных заседаниях и в комиссиях при обсуждении Декларации СКЮ как основного документа выступили почти 1000 делегатов. Было внесено в общей сложности 599 общественных замечаний, дополнений, поправок и уточнений. Poleмика перерастала в ожесточенный спор, прежде всего между делегатами от Словении и Сербии¹³.

Основные различия проявились при обсуждении следующих вопросов: "союз союзов" или "единый союз"; демократический централизм или демократически согласованное единство по конкретным программам, проектам и акциям; преимуществе консенсуса или принципа большинства в принятии решений. Существенные расхождения касались также подходов к концепции социализма, конституционного устройства страны и отношения к Европе. Словенская делегация совместно с некоторыми представителями других республиканских делегаций жестко защищала свою платформу действий, не останавливаясь и перед угрозой раскола. Представители СК Словении попытались интенсифицировать работу съезда, взорвать рамки, установленные для обсуждения в комиссиях. Было сделано особое заявление уже в ходе работы комиссий. В нем словенская делегация потребовала немедленного проведения пленарного заседания для обсуждения вносимых в проект Декларации поправок и для голосования о приоритетных политических шагах СКЮ. Ход дебатов в комиссиях оценивался в заявлении как "путь в тупик, который обязательно должен закончиться распадом единой организации"¹⁴.

Работа съезда, позиции, которые заняло его большинст-

во, продемонстрировали неспособность СКЮ к самореформированию и самообновлению. На провал попыток радикальных реформ повлиял и преимущественно аппаратный характер съезда, отсутствие на нем молодежи, традиционная боязнь принимать решения открыто, без привычной подготовки их "болванок" анонимными референтами и консультантами. Наиболее рельефно обреченность СКЮ показал итог голосования 23 января 1990 г. по поправкам к предложениям к проекту "Декларации за демократический социализм в Югославии". Например, поправка о превращении СКЮ в "Союз республиканских организаций, свободно объединяющихся в СКЮ", которая была вынесена от имени делегатов СК Словении, была отклонена 1156 голосами при 169 голосах "за". Съезд оказался психологически не готов к восприятию этой идеи, и отклонение поправки было встречено долго не смолкавшими аплодисментами. Данная тенденция сохранилась и при последующих голосованиях. Предложение о трансформации СКЮ из общественно-политической организации в единую демократическую политическую партию поддержало 28 делегатов; о трансформации СКЮ в демократическую социалистическую партию - 16 делегатов; о превращении СКЮ в социалистическую партию (с тем, чтобы все члены СКЮ высказались по этому поводу в течение срока от 30 дней до одного года) - 9-ю делегатами, а предложение о равноправии коммунистической и социалистической партий поддержало 58 делегатов. Не набрали нужного числа голосов и три поправки П.Лазаревского: о необходимости дополнить вводную часть Декларации, содержащую указание на исторические заслуги СКЮ, абзацем о его исторической ответственности за кризис в обществе (поддержали 135 делегатов); о признании марксизма лишь одним из источников деятельности СКЮ (224 голоса "за"), о внесении в Декларацию тезиса о деполитизации общества, ликвидации парторганизаций на производстве, в органах государственной безопасности, народного образования и средствах массовой информации (поддержало 200 делегатов). Итоги голосования по этим предложениям подтверди-

ли позицию большинства делегатов съезда говорить о реформах, на деле ничего не меняя.

Дальнейшему накалу обстановки способствовало отклонение предложений о возможности свободного объединения федеральных единиц Югославии в рамках Европейского и всего мирового сообщества; в необходимости определения объема прав, которые народы и народности СФРЮ будут реализовывать в Югославии.

До посредней степени отношения между радикальной частью съезда, сгруппировавшейся вокруг словенской делегации, и умеренным крылом, в ходе голосования скатившимся на консервативные позиции, обострило предложение словенца М.Булца внести в Декларацию (в список приоритетных шагов СКЮ) требования о немедленном прекращении экономической блокады Словении со стороны Сербии. "За" проголосовало 755 делегатов, "против" - 589. Предложение не получило необходимых 2/3 голосов (807 делегатов). Обозреватели отметили обидные аплодисменты "меньшинства", которое, в силу регламента голосования, стало "большинством".

Не прошло и предложение хорватской делегации, обеспокоенной бескомпромиссностью большинства, о принятии текста Декларации в предсъездовском варианте с тем, чтобы в скором времени на основе внесенных на съезде предложений провести детальное обсуждение среди членов СКЮ новых Программы и Устава. Но и этот компромисс был упущен: большинство не желало считаться с интересами меньшинства. Последним всплеском перед решительным протестом словенской делегации явилось голосование по проблемам устройства югославской федерации. Две поправки к Декларации, внесенные С.Вучетичем, получили необходимое большинство, подтвердив приверженность большинства делегатов концепции сильного Центра. Формулировка о праве наций на самоопределение вплоть до отделения была дополнена словами "в соответствии с Конституцией СФРЮ", что утверждало приоритет федерации в этом вопросе (поддержан-

но 916 делегатов), а также принято положение ("за" - 956 голосов) о том, что в "рамках совместно утвержденного права Федерации имеет полный государственно-правовой суверенитет"¹⁵.

Голосование по дополнениям к Декларации явилось кульминацией съезда, ясно показав "линию раздела" среди делегатов. Раскол, принимая во внимание мандат словенской делегации, стал неизбежен. Лидер коммунистов Словении Ц.Рибичич подчеркнул, что ни одно из предложений представителей его делегации не было принято. Это не обеспечило "автономию, самостоятельность и равноправие республиканских организаций в переходный период до принятия новых Программы и Устава" - малочисленная словенская делегация не может противостоять большинству. После общей критики Декларации СКЮ как обманувшей ожидания "реформистски ориентированных левых партий в соцстранах и не отвечающей программным определениям демократических и социалистически ориентированных сил в Югославии и ее отдельных регионах" Ц.Рибичич заявил об уходе словенской делегации из зала заседаний¹⁶. Чуть позже, в менее эмоциональной обстановке пресс-конференции руководства делегации Й.Смоле пророчески предрек: "Я не сожалею о нашем уходе - через полгода СКЮ будет занимать сегодняшние позиции СК Словении"¹⁷.

Уход словенской делегации стал детонатором распада всего СКЮ. Вслед за ~~этим~~ съезд покинуло большинство делегатов СК Хорватии, заявивших о необходимости перерыва для обсуждения создавшейся ситуации. Довести раскол до логического конца, оформив его организационно, попытались делегации СК Черногории и Сербии (включая парторганизации Воеводины и Косово). Сразу после ухода словенцев было внесено предложение ~~верифицировать~~ верифицировать оставшихся делегатов, установить новый кворум и продолжить работу с целью сохранения единого СКЮ, проведения выборов в ЦК и определения направлений дальнейшей работы. Однако попытка реализовать это предложение утром 23 января была сорвана отка-

зом делегатов от парторганизаций Боснии и Герцеговины, Македонии, а также организации СКЮ в ЮНА. Принятое в итоге решение о продолжении съезда через двадцать дней выполнено не было.

Несомненно, что раскол, оформившийся на XIV съезде СКЮ, подтвердил неизбежность укрепления нарождающейся в Югославии многопартийной системы. Сами новые партии и движения, находившиеся в тот период в стадии формирования и привлечения в свои ряды сторонников, достаточно спокойно оценили итоги съезда¹⁸. Его финал стал, по их мнению, закономерным следствием изжившей себя идеологии и политики коммунистов, руководство которых давно оторвалось от реальной жизни своих народов. Оценки были вынесены предельно жесткие, но совершенно объективные. Следует привести яркую характеристику ситуации, данную М. Николичем — представителем Инициативы по созданию Социал-демократической партии Югославии: "Долголетняя негативная селекция ведущих кадров коммунистической партии привела к такому руководству, которое не только не в состоянии руководить страной, но и не понимает в какое время оно живет... не умеет подстроиться к новым обстоятельствам. Конечно, раскол демонстрирует значительные различия между "реформистами"... , которые слишком поздно и недостаточно радикально пытаются выиграть время в ходе трансформации в "социалистическую" партию реформистской ориентации, и остальными (во главе с сербскими коммунистами), которые и дальше настаивают на старых приемах и критериях. Но, в сущности, различия не так уж велики, так как и часть сил "реформистской ориентации" только мимикрируют, пытаются так все изменить, чтобы все осталось по-старому. Трудно поверить, что люди, так долго наслаждавшиеся абсолютной политической монополией без всякой моральной ответственности или демократического контроля, душившие любую форму оппозиции, сегодня с искренней любовью к демократии и плюрализму приступили к демонтажу системы, которую сами создали"¹⁹. При всей

резкости оценок новые движения отдавали предпочтение действиям "реформаторов": "все же лучше иметь дело с "пожалтевшими" за одну ночь коммунистами, пытающимися продемонстрировать нечто новое, чем с теми, кто твердит о неизменности своих позиций, а на деле представляет ... антидемократический гибрид сталинизма и национализма"²⁰.

Раскол, который произошел на XIV съезде СКО, следует отнести к прогрессивным явлениям, связанным со становлением в стране многопартийной системы и развитием гражданского общества. Весь опыт послевоенного развития Югославии как многонациональной федерации с однопартийной коммунистической системой свидетельствует, что путь объединения страны на монопартийной основе, некогда эффективный в условиях военного времени, исчерпал себя окончательно: третье поколение граждан "второй Югославии" не желает однопартийного режима, по своему характеру способного существовать лишь в экстремальных обстоятельствах. Существовавший монолог олигархии с обществом, за счет которого правящие слои согласовывали свои противоречия в преддверии съездов СКО, в конечном итоге лишь обострил межнациональные противоречия.

По возвращении делегации в Любляну пленум ЦК СК Словении одобрил действия своих представителей на съезде в Белграде, отметив их соответствие принятым на республиканском уровне решениями. 4 февраля был оформлен выход республиканской организации из состава СКО: на конференции СК Словении было заявлено о его преобразовании в самостоятельную политическую организацию с собственными Программой и Уставом и новым названием: СК - Партия демократического обновления. Сходные изменения произошли и в СК Хорватии - публикация его предвыборной платформы в середине февраля показала, что хорватские коммунисты повторяют "словенский путь" к самостоятельной республиканской организации²¹. Название партии было дополнено - Союз коммунистов Хорватии - Партия демократических пре-

образований, а ее руководство выдвинуло требование созыва XV съезда на обновленных программных основах.

На прежних позициях продолжения работы XIV съезда остались организации СК Сербии и Черногории, а также коммунисты в ЮНА. В их рядах пользовалась популярностью идея поиска и организации союзников в Хорватии и Словении, оппозиционных курсу реформистов в этих республиках с целью сохранения общегославского Союза коммунистов. В свою очередь Президиум ЦК СКЮ пытался отыскать способ примирения различных течений в целях сохранения единого СКЮ. Подготовленный его рабочей группой в конце марта 1990 г. документ, сутью которого стал тезис о необходимости создания "союза" или "коалиции" национальных республиканских партий с предоставлением им широкой, почти полной самостоятельности был отражением этих устремлений. В такой организации СК Словении предлагался автономный статус, подразумевавший возвращение в СКЮ на общих основаниях или же сотрудничество как с самостоятельной партией по проблемам, представляющим общий интерес. Таким образом, центристские силы в СКЮ под давлением обстоятельств совершили очередной шаг в направлении преобразования партии на общегославском уровне, но и этот шаг был сделан поздно. К этому времени большая часть организаций СК Македонии и СК Боснии и Герцеговины избрали "словенско-хорватский" путь преобразования СКЮ, заявив о необходимости формирования коалиции прогрессивных партий и движений левого направления.

Вслед за этим серьезные коррективы в судьбу СКЮ и во всю политическую жизнь страны в целом внесли первые в послевоенной истории парламентские выборы в Словении и Хорватии, в ходе которых представители "реформированных" союзов коммунистов потерпели сокрушительное поражение. В Словении в результате выборов в Общественно-политическое вече Скупщины республики 55% голосов избирателей получил блок Демократической оппозиции Словении (ДЕМОС), что дало ему 47 из 80 мест. Реформаторы-комму-

ности в ходе выборов получили пост председателя Президиума Словении (их кандидат М.Кучан набрал 58,36% голосов, тогда как кандидат от блока ДЕМОС Й.Пучник — 41,46%), но лишились права на формирование правительства и места председателя Скупщины республики, а М.Кучан на время избрания его Президентом вышел из состава Союза коммунистов. Не менее убедительное поражение потерпели на выборах и коммунисты Хорватии. Из 356 мест в Саборе (парламенте республики) 185 получили представители Хорватского демократического содружества (ХДС), тогда как СК Хорватии — Партия демократических преобразований совместно с Союзом социалистов Хорватии завоевали 57 мест (у коммунистов — 48 мест)²². Таким образом развал процветавшего сорок пять лет политического режима стал реальностью.

События, связанные с развалом СКЮ в начале 1990 г., и итоги свободных выборов в Словении и Хорватии были тесно и непосредственно связаны с процессом углубляющейся политической дифференциации югославского общества, характерной чертой которой стала консолидация оппозиционных коммунистам сил и дробление "левых" в югославском обществе. В результате значительных усилий и компромиссов аппаратным силам СКЮ удалось созвать заключительное заседание XIV съезда, состоявшееся в конце мая 1990 г. Однако в его работе отказались участвовать делегации из Словении и Хорватии, а в день его открытия — Македонии. Участники заключительного заседания приняли краткое Заявление, в котором сформулировали первоочередные задачи, связанные с реформой СКЮ, превращении его в современную общегославскую политическую партию, выступающую за реформу, демократию и идею социализма применительно к особенностям югославского федеративного содружества. Съезд принял решение о созыве съезда обновления СКЮ в конце сентября 1990 г. и избрал Комитет по его подготовке.

Однако ситуация, складывавшаяся в стране и характеризующаяся подъемом не только национального самосознания в республиках, но и национализма, объективно уско-

рила процесс автономизации республиканских парторганизаций. Вслед за СК Хорватии и Словении тенденции к превращению союзов коммунистов в независимые национальные партии усилились и в других республиках. Самый радикальный шаг сделал СК Сербии, который, объединившись с ССТН республики, на учредительном съезде 16-17 июля 1990г. был преобразован в Социалистическую партию Сербии. Руководство "сербских реформаторов", учитывая уроки парламентских выборов в Словении и Хорватии, выдвинуло новые программные цели: демократический социализм, единая Сербия, ее дальнейшее материальное и духовное процветание. Был принят ряд решений и для перехода к новой организационной структуре в центре и на местах. Эти меры наряду с использованием озабоченности сербского общества событиями в Косово позволили партии С.Милошевича одержать победу на республиканских выборах в декабре.

Наряду с этими процессами происходило выделение из СКЮ группировок "истинных, ортодоксальных" коммунистов. В конце июня 1990 г. состоялось учредительное собрание "Нового коммунистического движения в Югославии", которое выступает за создание "добровольной организации рабочего класса, крестьянства и интеллигенции, опирающейся на основы научного социализма Маркса, Энгельса и Ленина", и против "распродажи социализма".

Таким образом, развитие Югославии в истекшем году продемонстрировало пример бескровного и относительно безболезненного перехода от системы коммунистического единовластия в многонациональной стране к обществу политического многообразия, в котором сторонники коммунистических идей превращаются в оппозиционную парламентскую партию в ряду многих партий и движений. Опыт Югославии пока что не подтверждает мрачных прогнозов консервативных политиков и идеологов о том, что в многонациональной стране становление плюралистической системы происходит исключительно по национальному принципу и с высокой степенью вероятности ведет к кровавой граж-

данской войне и распаду Федерации. Включение рыночных механизмов и альтернативная процедура парламентских выборов омалчивают остроту ситуации, а успешная деятельность союзного правительства и поддерживающих его политических сил, сгруппировавшихся по призыву премьер-министра страны А. Марковича в новый политический блок – Союз реформаторских сил Югославии, может дать стране необходимую политическую и экономическую стабильность.

Хотя, конечно, оптимизм здесь получается весьма умеренным. Слишком пестрой и тревожной выглядит политическая ситуация в нынешней Югославии. "Демократический прилив", – пишет в статье о югославских переменах директор информационного центра в Вашингтоне "Хорватский демократический проект" Макс Приморац, – высвободил десятилетиями подавлявшиеся националистические настроения, которые сеют страх среди национальных меньшинств каждой из республик. Несовпадение государственных и этнических границ разжигает старые конфликты. Демократические институты, которые могли бы приглушить или снять эту напряженность, находятся либо в зачаточном состоянии, либо их нет вообще. И напряженность усиливает демагоги, стремящиеся создать для себя базы власти в народе²². В четырех республиках – Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговине, Македонии победили в 1990 г. на выборах некоμμунистические продемократические (если не националистические) силы, партии, а в Сербии убедительную победу на многопартийных выборах в декабре одержал руководитель бывшего Союза коммунистов Сербии Слободан Милошевич. Его контроль над партийно-государственным аппаратом республики, а также над армией и безопасностью дает немалую власть прокоммунистическому руководству Сербии – возможность противостоять некоμμунистическим и антикоммунистическим силам средствами военного насилия. А подобное противостояние таит в себе угрозу срыва в неконтролируемую нестабильность.

Примечания

1. Конституция Социалистической Федеративной Республики Югославия. Вводный раздел. Основные принципы. УШ.// В кн.: Конституция СФРЮ. Белград: Борба, 1974. - С. 84.
2. Komunist. Broj 1702. - 1 januar 1990. - S.14.
3. Новое время № 4 1990. - С. 30; Komunist. Broj 1702. - S.11 - 12.
4. Vijestnik. 15.02.1989. - S.11; Komunist. Broj 1702. - S.4
5. Danas. Broj 406. 28 studenoga 1989. - S.13.
6. Komunist broj 1701 22 децембар 1989. - С. 8-9.
7. Борба 20 јануара 1990.
8. Справедливым представляется замечание обозревателя "Известий" А.Е.Бовина, что "эта "умеренность" гораздо радикальнее, чем "радикальность" межрегиональной депутатской группы (Известия № 21 20 января 1990. Московский вечерний выпуск).
9. Яркой иллюстрацией этого стали публикации в "Правде" 20 января, где на той же странице в приветственный ЦК КПСС, направленном югославским коммунистам, XIV съезд был назван "внеочередным", а в репортаже корреспондентом из Белграда - "чрезвычайным".
10. Небезынтересно отметить, что этот абзац был опущен редакцией органа ЦК КПСС газеты "Правда" при изложении доклада. См.: Правда 21 января 1990.
11. Цитаты из доклада М.Панчевского приводятся по изложению в газете "Борба" от 20 января 1990 года.
12. Там же.
13. В целом можно принять формулировку репортажа в "Правде" о том, что "произошло лобовое столкновение двух различных концепций, касающихся дальнейшего развития как СФРЮ, так и СКЮ. Сторонники первой (словенская делегация. - А.Е.) делают ставку на нацию и государство, вторая (делегация СК Сербии. - А.Е.) - на Югославию и ее единство" (Правда, 23 января 1990).
14. Borba, 22 januar 1990. - S.1.
15. Ibid. 24 januar 1990. - S.5.
16. Там же.
17. Там же.
18. Danas. Broj 415. 30 siječnja 1990. - S.14 - 17.
19. Isto.
20. Isto.
21. Политика 18 фебруар 1990.
22. The Washington Times. January 25, 1991.

ПРОЦЕСС РАСПАДА СОЦИАЛИЗМА В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ В ОЦЕНКАХ ЗАПАДА (ЖУРНАЛ "ТАЙМ" О СОБЫТИЯХ ЯНВАРЯ-ДЕКАБРЯ 1989 г.)

Величайшее по значению политическое событие 1989 г. – установление некоммунистических правительств и появление нового типа взаимосвязей между странами Восточной Европы – нашло широкое отражение в публикациях журнала "Тайм", одного из ведущих еженедельников США*. Публикуемые в нем статьи – сплав совместной работы аналитиков, публицистов и журналистов – обладают значительным прогностическим потенциалом, который строится на базе широкого исторического, экономического и политического анализа. Достаточно часто "Тайм" предсказывает то, что должно произойти, оставляя при этом место для сомнений, альтернативности и т.д. Анализ материалов, посвященных событиям в Восточной (в ранее принятой терминологии Центральной и Юго-Восточной) Европе – тому подтверждение. В то же время "Тайм" ориентирован и на определенную пропагандистскую стратегию, осуществляемую не "лобовыми ударами".

В статье взяты для анализа 110 публикаций, помещенных в журнале на протяжении всего 1989 г., начиная многостраничными материалами и заканчивая заметками о событиях, людях и социально-политических изменениях в странах региона. Распределение публикаций по месяцам позволяет уяснить "динамику отражения" вслед за динамикой событий, концентрацию внимания на той или иной стране региона.

* "Time" (выходит в США с 1923 г.) наряду с еженедельниками "Newsweek" и "U.S. News and World Report" – одно из авторитетнейших изданий, которое ставит целью осветить наиболее значимые события жизни Америки и остального мира.

В табл. № I представлено распределение статей по месяцам и странам.

Табл. № I.

Статьи журнала "Тайм" по проблематике стран
Восточной Европы (1989 г., январь-декабрь)

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	
Общерегиональные	I	I	I	-	I	I	2	I	-	2	5	5	20
Албания	I	-	-	-	-	I	-	-	-	-	-	-	2
Болгария	I	-	-	-	-	I	-	-	-	-	-	-	2
Венгрия	I	I	I	I	2	I	-	-	2	2	I	-	12
ГДР	-	-	-	2	-	-	-	I	2	10	6	3	24
Польша	-	2	2	2	I	I	2	6	3	I	2	I	23
Румыния	I	-	-	I	-	-	-	-	I	-	-	I	4
Чехословакия	-	-	I	-	I	-	-	-	I	I	I	7	12
Югославия	I	I	3	I	I	-	I	2	-	I	-	I	12
ВСЕГО	6	5	8	7	6	4	5	10	9	16	15	19	110

Из приведенного хорошо видно, что если в начале года "Тайм" сравнительно немного писал о регионе как таковом и предпочитал помещать статьи по странам, то по мере нарастания революционных процессов внимание специалистов концентрировалось на характеристике региона, то есть речь во все большей степени шла не только о событиях в отдельных государствах, но и о коренных социальных преобразованиях в регионе в целом.

Под рубрику "общерегиональные проблемы" в таблицу попадают материалы и по тому, что ранее именовалось "социалистическим лагерем" во всем мире, и по европейским странам социализма плюс СССР, и только по первым 8 странам Восточной Европы. Кроме того, анализ восточноевропейской

проблематики происходит в контексте общеевропейской и мировой. В статьях этой рубрики содержится много общих суждений о судьбах социализма, которые предсказываются с известной осторожностью. Журнал не связывает себя окончательными оценками, и то, что некоторые из них в исторической перспективе могут оказаться недостаточно точными, не отменяет необходимости анализа эго публикаций.

Начинается анализ проблем Восточной Европы в журнале с обсуждения перспектив общеевропейской встречи по безопасности и сотрудничеству; при этом отмечено, что конкретные решения увязываются в один пакет – разоружение будет происходить наравне с обеспечением прав человека. В статье "Повторные мысли о 1992" ставится проблема интеграции Западной, а в перспективе – и Восточной Европы с учетом того, что "Советы в эру Горбачева не рассматриваются больше как угроза. Восточная же Европа обращается на Запад за помощью, потребовавшейся после 40 лет изоляции и отсталости"¹. Тема о возможности союза всех европейских государств (общеевропейского дома) постоянно звучала на протяжении 1989 г.

Статья "Открытое или закрытое" характеризует растущую дифференциацию коммунистов в странах региона. Деятельность Солидарности признается коммунистами Польши, констатирует журнал, а на 230 миль южнее от Варшавы, в Праге коммунистами же разгоняется 8-тысячная мирная демонстрация, так и не освобожден Гавел, несмотря на подписанное 652 деятелями культуры письмо Адамецу. При этом в экономическом плане уровень жизни в Чехословакии в 2 раза выше, чем в Польше. По модели первой строится политический процесс в Болгарии, Восточной Германии и Румынии, по модели второй – в Венгрии². Каких-то резких изменений здесь журнал не прогнозирует, придерживаясь, присущих ему объективистских установок, но все же даже в начале 1989 г. подводит читателя к выводу о возможности коренных социальных потрясений в регионе.

Тема противопоставления моделей продолжается и в

мартовской публикации "Испытание плюрализма", повторяющей с изложением новых фактов февральскую статью, но и констатирующей, что "близкая к конфликтной ситуация при этом не уничтожает надежд на благоприятный исход"³. Статья "Давайте считать в обратном направлении" ставит проблему реинтеграции НАТО и "Варшавского блока" в свете переговоров Бейкера и Шеварднадзе. "Варшавский блок", считает журнал, перестает быть инструментом советского доминирования⁴. Отсюда возможность сугубо политических решений многих проблем в странах региона, но и возможность конфликтов между ними.

В ведущей статье "Борьба основателей" дается сопоставление импульса реформ сверху (СССР) и снизу (Китай). Восточноевропейские же страны, в частности Польша, считаются побуждаемыми к реформам и сверху, и снизу. В любом случае здесь, равно как и в Венгрии, имеет место "революция против коммунизма"⁵.

Крайне мало материалов по региону в целом в апрелиионе. В июле достаточно полно освещается поездка Д.Буша в Восточную Европу. В частности, в статье "От патронов к партнерству" констатируется значимость изменения отношений Восток (где меньшую роль играет СССР) - Запад (соответственно - США)⁶. Здесь же опубликована статья о проблемах СЭВ. В ней говорится о кризисе этого "внешнеторгового союза", приводятся мнения экономистов о его увеличивающейся неэффективности, особенно на фоне формирующегося общеевропейского рынка. "Учрежденный Иосифом Сталиным в 1949 г., СЭВ был советским ответом на послевоенный план Маршалла и, позже, на создание в 1957 г. Европейского экономического сообщества". Руководящий принцип СЭВ, согласно журналу, - свести к минимуму конкуренцию между отраслями промышленности Членов организации, - возможно, и хорош по замыслу, но не работает. Так, Венгрии была отведена роль основного производителя пластмасс, в то время как Чехословакия специализировалась на тяжелом машиностроении, а Восточная Германия -

на станкостроении. Сейчас Венгрия и Польша связывают свои экономические планы с развитием торговли с Западом. Выводы о перспективах СЭВ достаточно осторожны -- при том, что в статье приводятся мнения экономистов Польши, Венгрии, Англии и даже СССР о его полной беспомощности в решении новых задач. Он может и должен стать чем-то иным, и в частности ориентированным не на "переводные рубли", а твердую, в том числе западную валюту⁷. Конечно, дальнейшее развитие событий показало несостоятельность структуры СЭВ, что не снимает, однако, проблемы интеграции рынка в регионе. Решать ее предстоит с опорой на твердую валюту, которую "Тайм" не идентифицирует только с западной.

Статья "Римляне вторгаются" -- пример публикации на восточноевропейскую тематику с учетом СССР. В ней говорится о назначении 4 новых епископов в "советском блоке"... (сегодня звучит почти как анахронизм), включая Белоруссию и Чехословакию; характеризуются возможности изменения в свете предполагаемой встречи Горбачева и Иоанна Павла II⁸. В статье "Не отмеченные на карте отмели" повествуется о разнородных, но движущихся в одном направлении событиях: 40-минутный разговор Горбачева с М. Раковским, 3-тысячная демонстрация в память о вторжении 1968 г. в Прагу, увеличение числа беженцев из ГДР, другие события. Все эти события, согласно журналу, содержат семена радикальных политических преобразований. "Экстраординарно? Да. Несжданно? Едва ли". Растут взаимные обвинения: чехи и румыны упрекают поляков за экономический хаос, поляки чехов -- за нарушение прав человека, венгры румын -- за нарушение прав меньшинств. Разговор же с Раковским показал, что Горбачев предпочитает "неизведанное будущее проигранному прошлому", резюмирует журнал⁹, чтобы через месяц поставить проблему судеб социализма в регионе кардинально.

Статья и цикл сопутствующих материалов под названием "Москва разрешает Восточной Европе идти своим путем"

– ключевой пункт по проблематике региона. Рассмотрим ее подробнее. Не является ли позиция Горбачева уловкой? – ставит вопрос журнал, характеризуя его заявления о возможности самостоятельных решений народами судеб стран Восточной Европы. И отвечает: "Нет, он действительно таков". Просто советский лидер допускает, что мир различен, а страны вольны выбирать подходящие им пути развития. Как на это реагирует Запад? Русские столетиями стремились к захвату территорий, и национальная безопасность связывалась ими с контролем над соседями. Эта легализация экспансионизма в XX веке прикрывалась миссионерским марксизмом. "Тем самым поиск Советами безопасности оборачивался небезопасностью для других. Это в свою очередь порождало небезопасность для самих Советов"¹⁰. Взаимная подозрительность поясняет многое в особенностях холодной войны, гонки вооружений, конфронтации... Сегодня подобные явления или их аналоги губельны для человечества.

Многие устаревшие и опасные для судеб мира структуры начал резко менять Горбачев. Именно вследствие этого "1989 год будет вспоминаться фактически как год, когда Восточная Европа не просто менялась, а закончила свое существование в том виде, в каком мы ее знали в течение 4 десятилетий... Советское доминирование над регионом может быть когда-то рассмотрено как заключенная в скобки пауза (1945–1989), которая оставила экономические шрамы, но имела мало постоянного влияния на культуру и историю Центральной Европы"¹¹. Наблюдения за происходящими здесь событиями, появление лозунгов "Русские, убирайтесь домой!", полное осуждение вторжения в Афганистан, поиск новых путей к переговорам позволили Д.Бушу заключить: "Мы являемся свидетелями беспрецедентной трансформации коммунистических наций в плюралистические демократии с рыночной экономикой". По какой же модели будут развиваться отношения со странами региона? "Финляндизация"? Возможно, причем не только в

отношениях с Польшей и Венгрией. Невмешательство в дела Польши и Румынии говорит, что Горбачев искренен, когда предоставляет право выбора народам. Таким выводом завершается эта ключевая статья по выделенной проблематике.

Журнал приводит интересный календарь событий 1989 г., концентрируя в нем главные политические события в регионе. Следует при этом отметить, что многие из этих событий комментировались в предшествовавших номерах "Тайма". 11 января - появление независимых партий в Венгрии; 6 февраля - "круглый стол" партии и оппозиции в Польше; 5 апреля - легализация Солидарности и свободные выборы; 2 мая - ликвидация жесткого контроля на границе Венгрии с Австрией; 8 мая - отставка Кадара; 17 мая - официальное признание римско-католической церкви в Польше; 30 мая - реинициация И.Надя; 4 июня - победа Солидарности на выборах; 25 июня - создание коалиционного правительства в Польше; середина августа - беженцы из ГДР в посольствах ФРГ в Чехословакии и Венгрии; 19 августа - Мазовецкий - премьер-министр Польши; 10 сентября - конфликт ГДР и Венгрии из-за беженцев; 12 сентября - манифест Нового Форума в ГДР; 3-4 октября - стычки эмигрантов с полицией ГДР; 7 октября - правящая партия Венгрии отказывается от коммунизма; 7-8 октября - марши протеста в Берлине, Лейпциге и Дрездене; 18 октября - появление Ф.Кренца; 23 октября - ВНР становится Венгерской Республикой (ВР); 25 октября - официальный отказ от "доктрины Брежнева" Горбачева в Финляндии. "Идеологические землетрясения поколебали Советскую империю", - резюмирует "Тайм"¹².

На страницах журнала появляются материалы, в которых ставится вопрос о возможных изменениях общественного строя в восточноевропейском регионе, хотя и больше в плане предположений, чем утверждений. Многие структуры будут разрушены, но прежде чем ломать старые структуры, следует посмотреть, есть ли материал для новых, говорит чехословацкий эксперт К.Добудак. И потом - "душе

свободы" пробирается к советским республикам... И для них, и для Европы в целом наиболее существенным является вопрос: "Может ли демократизация политики сбить приближение экономики к уровню стран третьего мира?" Какие бы ни были в связи с этим проблемы ни возникали, ясно одно: необходим пересмотр самих устоев социализма там, где сохраняется ориентация на него. С учетом необходимости пересмотра самоубийственной для человечества гонки вооружений. И это может произойти, констатирует "Тайм", характеризуя кардинальные изменения позиций Горбачева в данной ключевой статье по тематике региона, затрагивающей при этом проблемы не только общеевропейского, но даже и мирового развития. Кроме того ее выводы касаются не только 1989 года...

В дальнейших ноябрьских номерах повествуется о единстве экологических действий "голубых" (защитников Дуная) и "зеленых" в странах региона¹³, о конкретных формах помощи Запада, в частности о побуждении американского бизнеса и университетов проводить обучения, интернатуру и оказывать техническую помощь предпринимателям, особенно частным, на Востоке¹⁴; исторические reminiscences о берлинской "стене" и ее влиянии на судьбы Европы. "Стена позора 1961-1989", но и средство поддержания стабильности в Европе, недопущения перехода холодной войны в "горячую"¹⁵ - так, обходясь без эйфории, пишет журнал об одном из ключевых мест общеевропейской политики.

Более детальным темам - при сохранении глобального плана оценок изменений и сдержанности перспектив - посвящены и материалы декабрьских номеров. Вновь звучащий призыв - уже к молодым бизнесменам - оказать помощь реформам (статья "Идите на Восток, молодые люди")¹⁶; процессы нестабильности в странах региона, включая СССР¹⁷; панельная дискуссия о будущем Восточной Европы¹⁸. В заключительном номере ставится логическая точка во взгляде на будущее Восточной Европы. Здесь отмечается, в частности, что США стремятся держать под контролем со-

бытия в регионе, но не любой ценой (в финансовом, политическом, военном и других аспектах). "Путь к свободе и демократии требует большого напряжения и реформы не могут наступить сразу же"¹⁹. Сдержанность в предвидении только благоприятных или только неблагоприятных изменений присуща большинству материалов о регионе. Как показало время, она была более чем уместна. Следует еще раз подчеркнуть, что материалы о странах Восточной Европы чередовались с материалами об СССР примерно через номер; многие касались "общесоциалистической" проблематики в целом (от Кубы до Китая), или только 8 (или меньше) стран региона.

Перейдем к обзору материалов по странам. Естественно, жизнь обогнала и самые смелые предположения, но сдержанность оценок журнала не теряет в цене. Тем самым наш анализ представляет интерес не только в плане оценок прошлого. И то, что журнал избегает чрезмерно оптимистических оценок происходящих событий, указывает на возможность различных вариантов их развития, свидетельствует о глубинности проведенного анализа. Можно даже утверждать, что некоторые его прогнозы сохраняют свою актуальность и значимость едва ли не на десятилетие вперед (к примеру, о роли менталитета в перспективах экономического развития Венгрии, нарастании этнических конфликтов в Югославии при невозможности разрушить устоявшуюся федеральную структуру страны, о кризисе Солидарности и т.п.).

Коренные социальные преобразования в странах региона побудили журнал обратить внимание на "прячущуюся в прошлом" Албанию. Эта 3-миллионная страна характеризуется высочайшими в Европе темпами прироста населения (на две трети сельскохозяйственного) и 3-х процентным экономическим ростом. 30 лет "постоянства в ортодоксии", ксенофобия, пустые прилавки, плохие дороги, устаревшая промышленность — и все это под лозунгами "Слава бессмертному труду товарища Энвера Ходжи". Албанское руко-

водство характеризует "почти параноидальное стремление отделиться от остального мира", боязнь утратить идеологическую чистоту, сдержанность в контактах с Грецией, Италией и ФРГ, вражда к религии. Но молодежь, заключает журнал, изменит ситуацию; ее тяготение к Западу сдержать трудно²⁰. Месяцем ранее журнал упоминал об амнистиях в Албании. Отсюда - осторожный оптимизм журнала в плане возможных контактов страны с миром, социальных изменений в ней.

Болгарии в "Тайме" посвящены всего две статьи - о культурной активности болгарских цыган²¹ и о турецкой миграции²². В последней отмечается, что в стране "преступно даже говорить по-турецки", о стремлении ассимилировать 1,5 миллионное исламское меньшинство, о выезде тысяч болгар в Турцию - все это противоречит декларируемой поддержке политики перестройки и гласности, констатирует журнал. Совсем нечасто упоминается Болгария (равно как Румыния и Югославия) в статьях по общей проблематике региона²³.

Несколько активнее освещается положение в Венгрии. И анализ по этой стране глубже, чем по другим, но объясняется это характером самих событий в ней. Авторы статей журнала склоняются к мнению, что основой для радикальных изменений в экономике Венгрии могут послужить глубинные сдвиги в политической и идеологической сферах, в частности вопрос о переоценке событий 1956 года.

Касаясь экономических проблем, журнал указывает: конечно, 16 млрд. долларов долга Западу, 20% инфляция, 50% находящихся на или ниже прожиточного минимума - проблемы. Но "венгерский революционный ревизионизм", оживившийся после отставки Кадара, довершит "радикальные политические эксперименты", что явится основой и для оживления экономики²⁴. В целом информация о Венгрии представлена в позитивном ключе. При этом отмечается: в то время как в других странах "восточного блока" лишь говорится о демократизации, в Венгрии она осущест-

вляется. Это и закон о праве формирования политических партий (приводится мнение К.Гросса о том, что его надо было принять еще 20 лет тому назад), и большая свобода слова, собраний и т.д.²⁵

Политический радикализм вносят венгры и в отношения между странами, утверждает журнал, говоря о выступлениях венгерской прессы против задержания Б.Гавела, нарушений прав человека в Румынии и т.д.²⁶ Следует заметить, оценивая тональность этого и других материалов по стране, что журнал в 1989 г. следил за ней с наибольшей — если можно так выразиться — симпатией.

Тема майских публикаций — резкие изменения внутри страны. "Падение становится неуклонным" — так озаглавлена статья от 1 мая²⁷. В Венгрии происходит распад и оппозиции, и партии. Демократический форум насчитывает 13 тыс. человек, ВСРП потеряла 100 тыс. человек, но многие возвращаются в коммунистическую партию. Сформировалась реформистская группа, во главе которой "наиболее популярная фигура" — И.Пожагаи. Все это свидетельствует о радикализации политической жизни, выразившейся и в отставке 76-летнего Кадара. Даже после 30-летнего властвования в условиях гласности ("все труднее и труднее уходить вовремя и под барабанный бой")²⁸ Эта харизматическая фигура оказалась вытесненной с авансцены власти, комментирует журнал эту отставку, как бы намекая на возможность подобного сценария развития событий и в других странах.

Еще один рывок к политической открытости — июль 1989 г. Его признаки: перезахоронение И.Надя, лицензии на 100 новых периодических изданий, новые формы дебатов, расширение сферы свободного рынка, разрушение границы с Австрией, появление десятки политических партий... "Фестиваль свободы продолжается!" — с восторгом утверждает журнал²⁹.

В сентябрьских статьях журнал пишет о "транзите свободы": предоставление Венгрией возможности гражданам ГДР

перебраться в ФРГ; страна, вопреки внешнеполитическому давлению, "придерживается влоших принципов и прав человека"³⁰. В номере журнала за 23 октября – материал о превращении ВСРП в социалистическую партию; здесь же утверждается, что И.Пожгаи – "достаточно сильная фигура, чтобы стать президентом"³¹ и приводится интервью с ним, озаглавленное: "Мы будем воспринимать то, что скажут люди"³². Пожгаи замечает, что до 1968 г. он сам писал о 1956 г. как о контрреволюции и лишь затем стал последовательным реформатором.

К тематике майских публикаций возвращает статья 6 ноября – об отходе от марксизма в Венгрии. В ней говорится о выпуске администраторов из первой школы бизнеса на Востоке. Ее учащиеся были ориентированы на изменение менталитета народа, чтобы ему легче было связываться с Западом. Школа финансируется из частных источников, много помогают американцы. "После четырех десятилетий флегматичного коммунистического правления венграм не достает энтузиазма для такого поворота". Очень интенсивными и непривычными явились методы обучения³³. Но дело, по сравнению с другими странами, движется быстро.

Из 22 публикаций о Германии 5 приходятся на первые 9 месяцев года, остальные 13 – на 3 месяца, что некоторым образом отражает динамику политической жизни страны. "Едва закодированный сигнал" – статья под таким названием об отставке работника разведслужб ГДР М.Вольфа за его антисталинистские взгляды, по "Тайму", признак обострения борьбы за свободу и демократию в стране³⁴. И в следующем номере – заметка о попытке бегства гражданина ГДР в Западный Берлин представляет собой как бы движение сейсмографа о будущем "великом исходе"³⁵. В августе информация об этом "исходе" дана под названием "Растущее отчаяние"³⁶, а с сентября открываются (и освещаются) дебаты об объединении и "периоде непредсказуемых возможностей". На 5 страницах журнала (а это чрезвычайно много для 50–60 страничного издания, где говорится все и обо

всем) приводится сравнение ГДР и ФРГ, опубликованы карты и таблицы, составляются прогнозы о "единой Германии"³⁷. Публикации о ГДР – и мелкие, и крупные – свидетельство огромной информационной емкости статей журнала, умения безболезненно составлять прогнозы, не отрицая факторов, которые "не нравятся"; свидетельство способности аналитиков, публицистов и журналистов, работающих вместе, идти на шаг вперед перед событиями.

Один из сентябрьских номеров журнала открывается статьей, название которой напечатано на обложке – знак суперактуальности темы – "Великий исход" (теме посвящены снова целых 5 страниц, с 14 по 19)³⁸. Она начинает лавину октябрьских публикаций: 9 – больше ни о какой стране за один месяц так много не публиковалось. Придет-ся ограничиться их названиями: "Европа выиграет от объединения Германии"; "Закройте ворота – откройте ворота"; "Мы были абсолютно не готовы" (к исходу и дебатам о единстве); "Первые свободные выборы в Восточной Германии"; "Унылая годовщина" (40-летия ГДР); "Лови момент" (выезда из ГДР); "Прислушайтесь" (лидеры ГДР к диссидентам); "Объединенная Германия", "Торговля местами" (Э.Кренца); "Кабинетные реформисты" (так характеризуются Х.Модров, М.Вольф, В.Фогель, Г.Кант)³⁹. Ключевая статья по германской проблематике – "Если не так долго, то когда..."⁴⁰.

Тысячи немцев едут на Запад, но Кренц все еще пытается спасти социалистическое государство, предотвратить волну сближения с Бонном. И Новый форум пока не требует прямой отмены социализма, выступая за свободные выборы, отказ от полицейского государства, экономическое обновление на основе компетентности и экологичности. И все же виден конец "одного из наиболее монолитных и авторитарных коммунистических режимов". Не следует забывать, отмечает журнал, что СССР не в большей степени может контролировать ГДР, чем США ФРГ. Их объединение – ключевое для будущего слово. В заметке "После стены" подчер-

живается, что Запад столь же мало заинтересован в падении берлинской стены, как и Восток. В числе одной из возможных причин он называет боязнь конкуренции⁴¹. Симптоматичная осторожность оценок...

В ноябрьских материалах журнала высказываются суждения о возможных проблемах, которые могут возникнуть на пути "идущих немцев": они стремятся к консьюмеризму (потребительство), а не к свободе, но не смогут соответственно работать⁴². В то же время публикуется статья о развале стены и уходе в отставку Кренца⁴³. И здесь же некоторая растерянность: "А лучше ли одна Германия вместо двух?" с резюме в виде изречения французского писателя Ф.Мориака: "Я очень люблю Германию и даже счастлив оттого, что их две"⁴⁴. "Стена оставила свой психологический след в стране", а скорейшее объединение вряд ли оптимальное решение проблемы – таково суждение журнала⁴⁵.

Публикации о ГДР в ноябре – декабре выходят с симптоматичными названиями: "Снимая мундиры и изгоняя козлов отпущения" (о перераспределении политической власти в ГДР); "А сейчас – Восточная Германия"; "Коль занимает пункт А"; "Ломая колесницу Джаггернаута" – представляют собой небольшую информацию, несмотря на весомость происходивших событий⁴⁶. Но на первый план к этому времени вышли события в Чехословакии.

Материалы о Польше всегда находились в центре внимания журнала. Вот и в 1989 г. лишь ГДР "обогнала" Польшу по количеству материалов. При этом "пик" публикаций приходится на сентябрь–октябрь. В центре внимания – переговоры правительства с Солидарностью. В атмосфере "разрушенной страны" правительство стремится найти компромисс с Солидарностью, признавая необходимость разделить ответственность за будущее, содержащее возможность и экономических поражений". Политическая реабилитация Солидарности – главное событие начала года, значимость которого не отменяет большое число забастовок⁴⁷.

"Впервые коммунистическое правительство пошло добро-

вольны на то, чтобы разделить большую часть власти с оппозицией?" "Дело оделано" – так оценивает журнал соглашение правительства с оппозицией⁴⁸. В ответ на него Запад пообещал Польше экономическую помощь, "и все большее число польков ищут решение своих проблем на Западе"⁴⁹. Продолжается тема в статье "Давайте познакомимся, вторая часть" – о встрече Ярузельского и Валенсы. "Но сколько должны заплатить за реформы Соединенные Штаты?". Не следует переоценивать способность Польши производить реформы в стиле Запада, предупреждает журнал. Неумение распорядиться десятками миллионов долларов с Запада просматривается уже сейчас⁵⁰. Это касается, к примеру, поддержки в 100 млн долларов Гданьской верфи со стороны американской миллионерши Б.Пясецкой-Джонсон⁵¹. Важны не только ресурсы, но и умение их распределять, осуществлять технологические рынки. А это достигается не сразу, резюмирует журнал.

Материал "Привилегии на лыжных склонах" описывает дорогой и малокомфортабельный лыжный курорт в Бескидах⁵². Этот материал содержит сомнения "Тайма" в скором решении социальных проблем, в налаживании нормальной жизни в стране. В статье о выборах в Польше "Унижение для партии" выражается убеждение, что Солидарность использует победу со спокойствием и реализмом. В ней подчеркивается, что это первые демократические выборы с 1947 г., и приводятся слова Л.Валенсы: "Слишком рано для поздравлений", ибо увеличивается ответственность. Победа над коммунистами – демократический триумф народа и поиск решений у победивших, выработка экономической программы борьбы с нуждой и безработицей. Уже сейчас в рамках Солидарности появились правые и левые фракции. То же наблюдается и в партии⁵³. Ситуация хлипкой – о перевесом в один голос – победы Ярузельского описывается в заметке "Со шкурой в зубах"⁵⁴.

Статья "Более свободный – но и неустойчивый порядок" характеризует "политический паралич компартий в Польше

и в Венгрии", а также борьбу, которая началась с 1947 г., когда стало ясно, что Польская крестьянская партия победила на выборах в Польше, а партия мелких хозяев победила в Венгрии. Посыпались аресты. Но 42 года спустя история повторяется. Отмечается, что Венгрия открыла границу с Австрией, но закрыла с Румынией.

В июле на страницах журнала появляется первая попытка соединить общей темой события в двух странах: "Польша и Венгрия отказываются от основных принципов, которые Ленин искажил после Маркса, а Сталин - после Ленина: жестко централизованной экономики, однопартийной политической системы и давления на свободу личности. Люди выбирают своих представителей впервые. Они читают независимые газеты и начинают свой собственный бизнес"⁵⁵. Статья - не только о Польше, и не только о Венгрии. Она - о грядущих изменениях во всех странах региона. Августовские материалы посвящены перипетиям политической борьбы в Польше, особенно трудной на фоне экономических неурядиц (название одной из них - "Торги партнеров" - очень репрезентативно)⁵⁶.

"Народ нетерпелив" - так озаглавлено интервью с Т.Мазреведким, который, кстати, утверждает на страницах журнала: "Я не думаю, что коммунизм исчезнет, но я убежден, что он будет претерпевать изменения". Но журнал констатирует ситуацию "недостатка четкого видения" в США судебнекоммунистического правительства. В любом случае Солидарность ожидает тяжелые времена⁵⁷.

Статья "Из Польши - с любовью" повествует о связях американских поляков со своими земляками на Востоке. Эта помощь весьма значительна и будет нарастать⁵⁸. "Делайте дела в Польше" - приглашает и один из заключительных номеров журнала, подчеркивая трудность, но и неизбежность вхождения страны в рыночную экономику: кредитов здесь недостаточно, нужно и повышение компетентности; технология же отстает от американской на десятки лет. Но жалеть средства и ресурсы не следует, ведь если рыночная эконо-

мика победит в Польше, то окажется, что она сможет улучшить перспективы Востока в целом, оптимистически завершает журнал польскую тему⁵⁹.

Румынии 1989 г. – не его конца! – посвящены 4 публикации; это меньше, чем в предшествующие годы или по сравнению, например, с журналом "Ньюсуик"; их тематика узка, но симптоматична. Уже в самом начале 1989 г. говорится о том, что из 2,2 млн венгров в Румынии 35 тысяч убежали от тиранического режима; допускается возможность конфликта между Венгрией и "неосталинистским диктатором" Чаушеску⁶⁰. Жизнь в Румынии подобна пребыванию в концлагере – так говорится в докладе бывшего чиновника Министерства иностранных дел Д.Мазилу комиссии ООН по правам человека. Журнал признает оправедливость такого заключения (например, статья "Записки из подполья")⁶¹. Журнал пишет о росте оппозиционных настроений по отношению к Чаушеску, этому "секулярному богу", отмечая, что ранее он выступал за реформы, теперь же – "не терпит Горбачева" и "угрожает росткам демократии и частного предпринимательства, манифестируя силы сталинизма во всем блоке"⁶². Наконец, заметка "Большой прыжок" рассказывает о бегстве в Америку гимнастки Нади Команечи.

В 1988 г. – "кбилейном" по отношению к 1968 г. – Чехословакии было посвящено немало публикаций, как видно из небольшой исторической дистанции, достаточно объективных и прогнозируемых реальные изменения⁶³. Однако страна оказалась "забытой" журналом вплоть до декабря 1989 г. В большинстве статей речь идет о В.Гавеле, затрагиваются и другие, но менее существенные проблемы.

Итак, II месяцев – 5 материалов по Чехословакии, декабрь – 7. И – резкое отличие в то-альности. Если в последнем ноябрьском номере выражаются сомнения в том, что массовая демонстрация в Праге – начало перемен, то в первом декабрьском в статье "И снова Прага" – дается развернутый репортаж (как ранее о ГДР) о здравницах А.Дубчеку, шествиях со свечами возле памятника св. Вацлаву, о

демонстрациях, о Гражданском форуме, о грядущих политических переменах⁶⁴. На авансцену выходят А.Дубчек, В.Гавел и молодежь; опасения насильственного сдерживания событий сведены к минимуму – на Востоке развиваются процессы демократизации и гласности⁶⁵. В откликах на события в ГДР и Чехословакии опубликовано такое суждение: "Кто сказал, что теория домино – вздор?". И в дальнейшем допускается возможность вовлечения остальных стран в процесс падения "коммунистических режимов".

"Тайм" отмечает, что правительство ЧССР осуществляло одни реформы (экономические); народ же требовал других (политических). И при участии В.Гавела, равно как и всего Гражданского форума, события происходят как при ускоренной съемке. В плане экономики звучат призывы создать полностью открытую ориентированную на рынок экономику. При этом 59-летний директор Института прогнозирования В.Комарек отмечает полную некомпетентность в экономике и ратует за власть экспертов. В плане политики – осуществить плюрализм (хотя и здесь не обходится без проблем. Ряд лидеров Гражданского форума заявляет, что – студенты – дети коммунистов, они не сидели по тюрьмам, а хотят власти и т.п.)⁶⁶. В статье "Совесть Праги" журнал подробно повествует о В.Гавеле – "изысканном и остроумном народном герое", особо отмечается его непоколебимость в борьбе с ложью и нежелание покинуть страну в трудные времена, за что пришлось заплатить 4 годами тюрьмы⁶⁷.

Очередной материал – об отставке Якеша, в котором подчеркивается: Горбачев рекомендовал 67-летнему лидеру партии осудить события 1968 г., но тот не послушался⁶⁸. Реабилитация 460 им же осужденных коммунистов, замена Политбюро – 1968 (кроме себя самого) помогли мало. Это тем более симптоматично, по свидетельству журнала, что Г.Смирнов в Москве предупреждал Фойтика: на Мальте коренным образом изменятся оценки событий того времени, произойдет отказ от "доктрины Брежнева". Обсуждаются

позиции Урбанека, Штроугала, Адамца, подчеркивается умеренность позиций последнего. Заметна "перекличка" данных материалов "Тайма" с материалами 1988 г.

Статья "С революцией" рассказывает об уходе 63-летнего Адамца, слухах о предстоящей отставке 76-летнего Гусака. Появилась угроза, отмечает журнал, что коммунисты станут "небольшим меньшинством" - партийные билеты сдаются очень уж интенсивно. Отмечается позиция невмешательства армии⁶⁹. "Настали и здесь возбуждающие времена" - так озаглавлено письмо сотрудника журнала о пребывании в Праге⁷⁰. И заканчивает номер чехословацкая тематика статьей "В Град! В Град!", где говорится о движении в поддержку кандидатуры В.Гаведа на пост президента. На авансцену политической жизни поднялся и Румл, повысивший тираж газеты "Лидове новины" с 10 до 500 тыс. экземпляров. "Сидевшие в тюрьме приходят к власти", заключает журнал⁷¹.

Среди материалов о Югославии можно выделить две фундаментальные статьи, появившиеся в начале года и ряд информативных - в его течение. В одной из них журнал сообщает об избрании С.Микулича премьер-министром. Характеризуя экономическое положение страны, журнал пишет о том, что количество забастовок достигло в 1988 г. 1200, инфляция - 500%-1000%, усилились национальные трения. Выход - в реформах. "Микулич приветствует экономическую реорганизацию в существенно капиталистическом направлении, однако его программе оказывают сопротивление престарелые бюрократы и партийные пуристы (ревнителы чисток)" - констатирует журнал⁷².

В другой статье (ее название: "Тито умер дважды") речь идет о бессилии партии, об угрозе гражданской войны, о конфликте со Словенией, о 15% безработных. Предсказывается углубление кризисов, которые отодвинули Югославию от общеевропейского единства⁷³. В данной статье и в дальнейшем журнал постоянно обращается к фигуре Милошевича, аттестуя его как неосталиниста и

сербского националиста.

Темы мартовских публикаций – вблески в Косово и Словении (статья "Приближаясь вплотную к гражданской войне"), заявление вдовы Тито о нехватке одежды; культ личности сербского босса и восхваление его книги "Год решений" (статья "Анналы самоподдержки")⁷⁴. Кровь на улицах Приштины – столицы Косово – первая с 1945 г.⁷⁵ В следующие два месяца о Югославии не пишется ничего, хотя события не отличались здесь приемлемым уровнем стабильности. В июльском номере – снова обличения Милошевича и его национальной политики⁷⁶. "Любите меня, я либерал" – такая автохарактеристика Милошевича, считает журнал, в августовской статье, неправомерна, а его курс на реформы необоснован⁷⁷. Но все же сдвиги на рынке страны происходят: частник вытесняет Маркса (статья "Чудо по большой цене")⁷⁸.

"Новые гарантии, старые проблемы" – таково название октябрьской статьи, где подробно характеризуется статус Словении – наиболее развитой республики в федерации (2,1 млн человек из 23,6 млн; Сербия – 8,1 млн населения). Национализм отодвигает решение множества проблем, начиная экономическими и кончая экологическими, констатирует "Тайм"⁷⁹. Заключительная статья по Югославии носит острое название: "Снова пороховой погреб Европы" с намеком на события 1914 г.⁸⁰

Материалы журнала настолько красноречивы, что можно ограничиться предельно общими выводами.

1. "Тайм" пристально в течение всего года следил за событиями в Восточной Европе, иногда упреждая их ход своими нестрогими, сдержанными, а порой амбивалентными (двойственными), но глубоко обоснованными прогнозами.

2. Динамика публикаций по странам отражает динамику коренных социальных изменений в них. Описательных материалов журнал почти не дает; все – отклики на события.

3. По многим параметрам журнал "обгонял" дублицистскую и прогностическую ученых стран как Востока, так и Запада.

отличаясь при этом предельной осторожностью и взвешенностью оценок.

4. Характеризуя коренные социально-политические изменения как в странах, так и в регионе в целом, "Тайм" не преуменьшал их сложности и избегал окончательных выводов; в частности он не придерживался позиции о беспроблемной "благотворности" вовлечения их в социальный контекст капитализма.

5. Не стремится дать окончательные ответы журнал и о судьбах социализма. Это касается материалов 1989 года. Пока ход событий может скорректировать оценки журнала как слишком сдержанные. Но окончательные суждения о судьбах социализма, на наш взгляд, рано провозносить и два года спустя. Это - присущий журналу стиль подачи материала. Проблема часто ставится в заглавии; например "Революция против коммунизма", окончательных же выводов обычно нет - проблема остается открытой. Крайне негативистские или апологетические по тону суждения обычно приводятся в письмах, откликах, интервью; собственно аналитические статьи находятся в "золотой середине".

Знакомство с материалами журнала "Тайм" безусловно значимо для изучения проблематики стран региона и перспектив их развития, а выдвигаемые в них тезисы и выводы служат важным побудительным средством размышления и анализа непростого вопроса об их исторических судьбах. Можно даже сказать, что предельно осторожные и взвешенные суждения "Тайма" куда уместнее эйфорических упований на все, что угодно, лишь бы оно было "несоциализмом", равно как и безосновательных надежд, что социализм где "самосбалансируется".

Таковы позиции журнала в материалах по ключевым для судеб стран Восточной Европы событиям 1989 г.

Примечания

1. Time. 1989. January 23. P. 14.

2. Ibid. February 6. PP. 30, 31.
3. Ibid. March 6. PP. 22, 23.
4. Ibid. March 20. P. 20.
5. Ibid. June 5. PP. 8-11.
6. Ibid. July 24. P. 21.
7. Ibidem. Маложение статьи ом.: "За рубежом". 1989.
- № 40. С. 6.
8. Time. 1989. August 7. P. 49.
9. Ibid. September 4. PP. 8-10.
10. Ibid. November 6. P. 10.
11. Ibid. P. 13.
12. Ibid. P. 14.
13. Ibid. November 13. P. 63; ом. также Ibid. May 29.
14. Ibid. November 6. P. 13. ом. также: Ibid. October 9.
- P. 15; November 27. PP. 28, 30.
15. Ibid. November 20. P. 19.
16. Ibid. December 4. P. 45.
17. Ibid. December 18. PP. 10-14.
18. Ibidem. PP. 18-20.
19. Ibid. December 25. PP. 5, 23.
20. Ibid. December 4. P. 25.
21. Ibid. January 2. P. 63.
22. Ibid. June 26. P. 11.
23. Лишь в заключительном февральском выпуске журнала за 1990 г. помещена статья с осторожным названием "Попытка болгарского прыжка" - о появлении на политической авансцене Луканова - "представителя нового поколения аппаратчиков". Согласно "Тайму", это лишь начало изменений.
24. Time. 1989. February 20. P. 14.
25. Ibid. January 23. P. 18.
26. Ibid. March 13. P. 17.
27. Ibid. May 1. P. 11.
28. Ibid. May 22. P. 12.
29. Ibid. June 26. PP. 9, 10.
30. Ibid. September 18. P. 17; September 25. P. 17.
31. Ibid. October 23. P. 12.
32. Ibid. October 25. P. 13.
33. Ibid. November 6. P. 15.
34. Ibid. April 17. P. 16.
35. Ibid. April 24. P. 18.
36. Ibid. August 21. P. 16.
37. Ibid. September 11. PP. 10-15.
38. Ibid. September 25. PP. 14-19.
39. Ibid. October 2. P. 5, 13; October 9. P. 12; October 16. P. 8, 12-17; October 23. PP. 6, 10, 11; October 30. PP. 32, 33, 34.
40. Ibid. October 9. PP. 18-20.
41. Ibid. October 13. P. 20.
42. Ibid. November 20. P. 8.
43. Ibid. PP. 12-19.
44. Ibid. PP. 22-23.
45. Ibid. November 27. PP. 15-17.

46. Ibid. December 4. P. 15; December 11. P. 5, 19; December 18. P. 4.
47. Ibid. February 20. P. 15.
48. Ibid. April 17. PP. 12-14.
49. Ibidem.
50. Ibid. May 1. P. 10.
51. Ibid. June 12. P. 15.
52. Ibid. March 27. P. 62.
53. Ibid. June 19. PP. 21-23.
54. Ibid. July 31. P. 13.
55. Ibid. July 10. PP. 12-14.
56. Ibid. August 21. P. 16.
57. Ibid. September 4. P. 9; September 11. P. 16; September 18. P. 4.
58. Ibid. November 27. P. 31.
59. Ibid. December 18. P. 43.
60. Ibid. January 9. P. 11.
61. Ibid. September 11. P. 19.
62. Ibid. April 3. PP. 26-27.
63. См.: Задорожник Э. И. Взгляд на Чехословакию. 1988-ноябрь 1989 г. (по материалам контент-анализа публикаций журнала "Тайм" // Светское славяноведение .1990. № 3. С. 79-90.
64. Time. December 4. PP. 10-15.
65. Ibid. November 11. P. 5.
66. Ibid. December 11. PP. 15-17.
67. Ibid. P. 17.
68. Ibid. P. 18.
69. Ibid. P. 15.
70. Ibid. December 25. P. 1.
71. Ibid. P. 14.
72. Ibid. January 16. P. 21.
73. Ibid. February 13. P. 24.
74. Ibid. March 3. P. 15; March 13. P. 49; March 27. P. 15.
75. Ibid. April 10. P. 18.
76. Ibid. July 10. P. 11.
77. Ibid. August 7. P. 13.
78. Ibid. August 28. P. 7.
79. Ibid. November 9. P. 13.
80. Ibid. December 11. P. 23.

РЕВОЛЮЦИИ ОБНОВЛЕНИЯ ИЛИ ДРУГОЕ ОБЩЕСТВО?

Происшедшие в конце 1989 г. народные революции в странах Центральной и Восточной Европы положили начало смене общественного строя в этом регионе. Административно-командная система управления, удерживавшаяся на плаву всеисилием партийного государства коммунистов, которое опиралось наряду со всем прочим на присутствие войск Советской армии и деятельность органов КГБ СССР в этих странах, стала отступать, открыв путь изменениям. Страны, входившие в так называемое социалистическое содружество или, точнее, в советский блок, встали на путь возвращения (и приобщения) к общемировому цивилизационному процессу.

Революции 1989 г. разоблачили самую живучую, в течение десятилетий навязывавшуюся населению стран советского блока догму о законности власти компартий. События показали, что их власть в этих странах в основном удерживалась с помощью аппарата насилия, а не была результатом волеизъявления народа. Сохранению коммунистического единства способствовало оболванчивание масс посредством монополии на информацию. Как только правящие компартии лишились опоры на государство и его органы (армию, службу безопасности, суды, прокуратуру и милицию) и отступила угроза введения в действие расквартированных в Центральной и Восточной Европе советских войск, казавшая ранее непреступным монолитом система власти, разьединившись с факторами (инструментами) силового давления на народ, сразу стала напоминать собой воздушный шар с проткнутой оболочкой.

Историческая реальность заключается в том, что корни этих народных революций уходят во вторую половину

40-х гг., когда после разгрома германского нацизма и его сателлитов и изгнания коллаборационистских сил фашистского толка народ восточноевропейских стран выразил твердую волю на самостоятельное демократическое развитие своих обществ. Это стремление захватило тогда практически все слои. Крестьяне надеялись трудиться на себя на своей собственной земле. Интеллигенция рассчитывала свободно развивать и применять свои творческие способности, знания и умение. Малкособственнические слои в городе, служащие, люди с инициативной жилкой в характере — на возможность осуществления предпринимательской деятельности или же на достойную, гарантированную со стороны государства оплату труда. И, может быть, самые радужные надежды на послевоенное время возлагал рабочий класс восточноевропейских стран, так как освобождение от фашизма пришло из рук победоносной армии первого в мире Советского социалистического государства. Обманутыми в своих чаяниях оказались все, ибо пришедшие к власти руководящие слои компартий с помощью созданных ими разветвленных аппаратов принуждения в первую очередь заботились об укреплении собственной власти, а не о демократическом, эффективном развитии общества. Добиться этой цели они смогли на известное время подавлением сверху национального самосознания самых широких слоев населения, духа самостоятельного свободного развития, путем его замены так называемым классовым сознанием, нагнетанием атмосферы непрерывной борьбы с внутренними и внешними врагами.

Но подавление свободы обернулось затуханием творческого потенциала наций и, как следствие, постепенным, но неуклонным замедлением экономического и технического развития восточноевропейских стран, все нарастающим отставанием их от мирового уровня культуры и жизненного стандарта.

На почве осознания, прежде всего в среде интеллигенции, этой закономерной и абсолютно неизбежной обрат-

непропорциональной зависимости между укреплением коммунистического единовластия и ухудшением положения общества не могли не появиться ростки сопротивления. Оно носило импульсивный, неровный характер, что в общем-то было обусловлено самой историей восточноевропейской интеллигенции в середине XX века. На ее долю в этот период выпали едва ли не самые тяжкие испытания. На протяжении сравнительно короткого исторического отрезка времени интеллигенция рассматриваемых стран по меньшей мере дважды пережила шокосое состояние. Первый раз это случилось во время фашистской оккупации, а второй — в 1944–1949 гг. Был, правда, и третий — судебные процессы Т.Костова в Болгарии, К.Дзодзи в Албании, Л.Райка в Венгрии, Р.Сланского в Чехословакии и др., но они представляли собой логическое завершение второго.

Будучи по своему образу жизни и полжению в наименее стабильном состоянии по сравнению с другими жизнеспособными социальными группами (никаких средств к существованию, кроме знаний и умения, а эти последние достигаются очень интенсивным напряжением личностных сил и материальных затрат, в то время как применить их можно в основном только на службе у государства, в свободных профессиях и в сфере предпринимательства), интеллигенция к тому же была еще и тем социальным слоем, который наиболее глубоко понимал и ясно себе представлял, что национальные государства в этом регионе Европы скатываются в бездну военных действий, не успев оправиться до конца от последствий Первой мировой войны. Обретя свое законное место в социальной структуре общества (высокостатусное, уважаемое), национальная интеллигенция в конце 30-х гг. с нарастающим беспокойством, но по сути беспомощно наблюдала за тем, как крепнет угроза ее положению, так как хорошо понимала, что война прежде всего ударит по социальному статусу носителей интеллектуальной жизни. Понимала и не молчала, но, подобно Кассандре, не смогла в этом убедить другие слои общества.

Когда пришла война, то уже первые ее события показали, что интеллигенция из уважаемого привилегированного слоя, из элиты нации, общества почти в одночасье превратилась в людей второго сорта, а кое-где и в минимум социальную группу, обреченную на физическое уничтожение (Польша). Разные элементы этого слоя повели себя по-разному. Часть приняла навязывавшиеся силой условия оккупационных властей и коллаборационистских правительств. Часть ушла во внутреннюю духовную эмиграцию, обеспечивая себе наемной работой минимум материальных условий в целях физического выживания. Иные ушли в движение Сопротивления и т.д. Так или иначе, но в большинстве восточноевропейских стран интеллигенция как более или менее качественно однородный, единый социальный слой носителей национальной культуры и национального самосознания перестала существовать в привычном для нее образе жизни, со всеми вытекающими отсюда следствиями для самого этого слоя и для каждой нации в целом. И абсолютное большинство жило в страстном и томительном ожидании конца этого кошмара. Избавления от фашизма интеллигенция ждала как второго пришествия Христа, полагая, что с падением диктаторского режима она начнет свое существование с той точки развития, на которую вышла перед Второй мировой войной. Поэтому, когда наступил крах фашизма и пришла "новая власть" (выражение Г.Димитрова), представители интеллигенции в большинстве своем восприняли ее с большими надеждами и даже с воодушевлением, рассчитывали помогать этой власти в деле возрождения национальной культуры, восстановления утраченных за годы войны духовных ценностей, подъема экономики, надеясь, что коммунисты с пониманием отнесутся к повесенным интеллигенцией потерям, утратам, проявят уважение к ее образу жизни.

Но события стали развиваться совершенно иначе. От интеллигенции, в особенности от творческой ее части, "новая власть" потребовала полного подчинения, более того — безоговорочного обслуживания интересов правящего слоя в

лице партгосаппарата, закамуфлированных под якобы единственные и подлинные национальные интересы. Продиктовано это было тем, что коммунисты не только не желали ни с кем делиться даже видимостью власти, они хотели большего — чтобы интеллигенция силой своего таланта и способностей обосновала легитимность "новой власти", хвалила и превозносила ее, убеждала народ в том, что ему нужна именно эта власть и именно в такой форме ее организации, доказывала, что все действия коммунистических правительств осуществляются во имя "выших" национальных интересов и целей (Расчет был правильный, так как в XX веке во всех странах народ больше доверяет своей интеллигенции, чем властям). В очиненной в недрах партгосаппарата и усиленно внедряемой в общественное сознание теории так называемого "единства" партии и народа интеллигенции отводилась роль наёмницы, сослуживающей за весьма скромную плату эту теорию. В награду за верную службу власть имущие соглашались допустить некоторую часть интеллигенции к общественному пирогу. Но поскольку старая интеллигенция отказалась принять иудины сербыренники, в целях ее психологического слома коммунистическая партюкратия восточноевропейских стран пошла на развязывание кровавых судебных процессов по типу тех, что были в Советской России, а потом в СССР в 20-30 гг., начиная с процесса над правыми эсерами. Наряду с этой костоломной работой началось создание интеллигенции нового поколения, послушной властям и работодателям. Это был второй шок, пережив который интеллигенция должна была, по логике вещей, уже окончательно сойти с исторической арены как самостоятельная социальная группа (олой), после чего партюкратии уже ничто не должно было угрожать.

Дальнейшие события показали, однако, что жестокие репрессии не сломили интеллигенцию, и именно она выступила катализатором событий 1953 г. в ГДР, 1956 г. в Венгрии и Польше, 1968 г. в Чехословакии, 1970-1971 гг. в Югославии и в 1980-1989 гг. снова в Польше.

В среде западных историков и политологов имеет хождение точка зрения, согласно которой все годы коммунистического правления "народ безмолвствовал", а значит — приняв формы и суть этого правления. И только, дескать, некая часть интеллигенции, кстати, очень небольшая, участвовала в диссидентском правозащитном движении, нацеленном против коммунистической диктатуры и беззакония. Нельзя с такой точкой зрения согласиться, даже если при этом добавляют ставшую афористичной фразу Гегеля о том, что каждый народ достоин своего правительства, так как "все действительное разумно". Не все здесь так просто, как иногда видится из зарубежья, и эту сложность хорошо сумел выразить Н.Эйдельман. Как передало "Радио Свобода", незадолго до своей смерти, будучи в Париже (1989 г.), в ответ на вопрос, почему же люди в СССР столь долго, десятилетиями молчали и не протестовали против правящего режима компартии, он сказал: "Если бы народ действительно молчал и не выражал протест, разве правящему слою коммунистов понадобилось бы держать под ружьем огромную армию и иметь такую разветвленную, колоссальных размеров систему служб безопасности?"

В восточноевропейских странах люди протестовали чаще, чем в СССР. И это объясняется многими причинами, в том числе и тем, что они подвергались давлению только с конца 40-х годов, а народы СССР — с конца 1917-го. Но сейчас мы уже знаем, что протесты были и в СССР, и с самого начала, и подавлялись они гораздо более жестоко: расстрел рабочей демонстрации в поддержку Учредительного собрания в январе 1918-го, расстрел рабочей демонстрации в Новочеркасске в 1962-ом году, известны и другие жестокости советского коммунистического режима и во времена Ленина-Сталина, и в период хрущевско-брежневского безвременья, и даже в благословенный период "перестройки". То есть протесты были везде и везде они подавлялись. Но нигде это не снимало противоречий между народом и властью. Проблема не разрешалась, а загонялась вглубь.

Качество сопротивления с годами и десятилетиями претерпевало изменения: протные взрывы эмоций все чаще превращались в осознанное противодействие начальству, противоречие между народом и властью неумолимо трансформировалось в категорию общенационального кризиса во всех странах советской системы. На этом последнем следовало бы, пожалуй, остановиться более подробно.

Все коммунистические правящие режимы в Европе оледует рассматривать в рамках единой системы, а именно: советской. Даже Югославия по сути своей из этой системы не выпадает тоже. Следует ясно сказать, по крайней мере самим себе, что и так называемый "выбор" пути общественного развития в любой восточноевропейской стране, и "схождение" с этого пути инспирировалось не в столицах этих стран, а в главном городе Советского Союза. В первом случае причины крылись в военной и политической мощи СССР, а во втором — в ее угасании.

Если же говорить об этом комплексе факторов в целом, то революции в восточноевропейские страны должны были прийти еще в 60-е годы, так как именно в эти годы в СССР наступил кризис большевистской системы власти. Совершенно правильно в то время отметили это западнцы, прежде всего американские, советологи. Именно к этому времени некомпетентное управление обществом в СССР исчерпало все ресурсы, доставшиеся большевикам в наследство от Российской империи. Управленческие ошибки стратегического характера (коллективизация на селе, индустриализация в городе в тех формах, в каких она была осуществлена, введение госплановской системы организации народного хозяйства и др.) к этому моменту поставили страну на грань целой цепи отраслевых кризисов и подвели к распаду всей системы управления обществом. Одновременно с этим руководство КПСС сделало, так сказать, завершающий мазок на своем произведении по организации внешней формы существования советского типа социализма. М. Джи-лас в марте 1969 г. имел все основания написать: "Окку-

пация Чехословакии завершила трансформацию Советской России из мировой идеологической силы в мировую империалистическую державу", "кризис сталинизма стал кризисом марксизма", добавив при этом, что "кризис и сомнения охватили даже правящую партийную бюрократию"¹.

Крах системы тогда однако не произошло. Именно к этому времени были открыты новые месторождения нефти и газа в Сибири, под которые руководство Брежнева вначале взяло кредиты на Западе, а потом стало продавать ценнейшее минеральное сырье в огромных количествах, бросив эти свалившиеся с неба "нефтедоллары" на поддержание жизнеспособности дряхлеющей партийно-государственной системы. Эти же невозполняемые ресурсы были употреблены и на то, чтобы удержать у власти в восточноевропейских странах квислинговские, послушные Кремлю режимы (продажа по весьма низким ценам нефти и газа Софии, Варшаве, Берлину, Праге и т.д.). Приблизительно в этот период Э.Бжезинский написал, что, несмотря на кризис, советские руководители "сознательно стремятся предохранить свою общественную структуру от эрозии, стремятся сохранить её ... изолированной от широкого общественного мнения"².

И все же именно в это время сопротивление режиму из восточноевропейских стран стало проникать в СССР, и здесь, во главе его тоже встала интеллигенция. В силу более длительного по времени и более жесткого, чем в восточноевропейских странах, подавления духа свободы, а также более успешного разделения населения как единого целого на отдельные, плохо связанные между собой в информативном плане социальные группы, лишения народа связи с зарубежом ("железный занавес") процесс сопротивления режиму в СССР разворачивался в более медленном темпе, а география его была ограничена в основном крупными городами, чаще всего столицами республик. В ряде случаев, не имея возможности принять чисто политические формы, а иногда и не умея это делать, он принимал форму возрождения национального самосознания, хотя по сути своей

оставался сопротивлением тоталитаризму большевистско-советской системы. В целом же и в СССР, и в восточноевропейских странах это был единый, взаимосвязанный между собой процесс. Мощное воздействие на развитие этого процесса оказало выдвижение во главу его исторической фигуры академика А.Д.Сахарова, авторитет которого был признан и в восточноевропейских странах, и на Западе. Восточноевропейские события оказывали заметное влияние на диссидентское движение в СССР (См. повесть погибшего в 1986 г. от голодовки в Чистопольской тюрьме А.Марченко "Живи как все" с предисловием к ней А.Д.Сахарова. - "Знамя", М., 1989, № 12, с. 8-76). Но самое сильное воздействие на советскую общественность оказало вторжение в Чехословакию в августе 1968 г. Коррозия общественного сознания стала проникать на самые верхние этажи режима.

Подобная оттяжка на два десятилетия краха тоталитарных режимов - время повсеместной коррозии не только самих этих режимов, но и углублявшегося кризиса общества в целом. С одной стороны, десятилетия бесконтрольного правления, опоры только на силу (включая сюда и абсолютную монополию на средства массовой информации) привели к вырождению самих компартий, их правящего аппарата. Последний потерял способность к самообновлению на принципах новой крови, потерял даже инстинкт самосохранения. С другой стороны, советский тип социализма во всех без исключения странах в одном отношении проявил себя одинаково: многие годы направленной обратной селекции управленческих кадров (пусть некомпетентные и неспособные, но послушные) привели к тому, что во всех восточноевропейских странах, как и в СССР, в среде лояльных властям лиц не оказалось ни талантливых политических лидеров, ни способных и образованных предпринимателей, менеджеров, не говоря уже о самих коммунистических партиях. Разрушенная, распадающаяся на отдельные фрагменты экономика и пустыня Сахара в кадровом отношении. Надо сказать, что к 1989 г. не в лучшем положе-

жении оказалась и оппозиция. Коммунистические партক্রаты весьма бдительно следили за тем, чтобы способные и образованные руководители выбрасывались не только из их собственной ореды, но и, тем паче, из противного лагеря тоже.

В одну этих причин в одних странах (Болгария, СССР) коммунистические власти сильно запоздали с реформами, в других (ГДР, Чехословакия, Румыния) — не хотели идти на реформы вовсе, а там, где все же, припертые к стене, с этими реформами к народу вышли (Венгрия, Польша), тотчас же утратили инициативу и вынуждены были перейти в оппозицию.

Основным фактором крушения коммунистических режимов в 1989 г. был, конечно, экономический. С 60-х гг. экономика стран так называемого реального социализма, включая СССР, развивалась (если можно здесь употребить это слово) в условиях кризиса. А когда в 1989 г. сырьевые и топливные инъекции из СССР стали уменьшаться, кризисные явления резко обострились и политические режимы просто рухнули. Причем все страны оказались в одинаковом положении. Не явилась исключением даже ГДР, чья репутация на Западе котировалась довольно высоко. Английский историк Р. Конквист писал по этому случаю так: "Нажетося, до вчерашнего дня мы на Западе полагали, что ГДР в самом деле добилась больших успехов во всех областях, что ее население очень хорошо воспринимает существующий строй, что ее руководители, хотя и были консерваторами, тем не менее сумели, придерживаясь марксизма, пойти далеко вперед. Но вот выясняется, что экономика страны просто-напросто развалилась, а ее лидеры были бандой тряпителей"³.

Был еще и другой фактор, о котором уже шла выше речь. Коммунистические режимы, отказавшись сотрудничать с интеллигенцией, потеряли тем самым связь со всеми другими социальными группами общества. Они исчерпали потенциал доверия даже тех из этих групп, которые всег-

да были социальной базой коммунистов – маргинальные, депенизированные слои города и деревни (по марксистско-ленинской терминологии, пролетариат).

Характерна чисто психологическая реакция партократии на утерю власти и влияния в собственном народе. Когда запас внутривластной стабильности был исчерпан до конца и надежда оставалась только на внешнюю военную силу, последовало не осмысление причин такого положения, а апелляция к Москве. Будучи законнорожденными детьми большевизма, прямыми или косвенными выходцами из московских коминтерновских аудиторий и гостиниц, правители этих стран приняли попытку напугать горбачевское руководство криками о "гибели социализма", хотя на самом деле речь шла пока всего лишь об угрозе их собственному начальствующему положению. Но Кремль сам был вынужден все больше отходить от коминтерновских догм, так как события в СССР уже не позволяли более за них держаться. Когда же выяснилось, что этой внешней поддерживающей опоры более нет, реакция отторжения прогнивших коммунистических режимов от своих народов вступила в свою финальную фазу. Катастрофа этих режимов привела к тому, что смена общественного строя в восточноевропейских странах стала фактом. Что же идет на смену? И идет ли?

Так или иначе, но капитанский мостик опустел, и в командирскую рубку устремились новые политические силы, которые набирали инерцию в ходе самого движения. Инерция оказалась очень сильной. На сегодняшний день очевидно, что эти новые политические силы не всегда умеют владеть ею. А многие и не считают нужным делать это. Вино победы над противником, который еще вчера казался несокрушимым монолитом, – очень хмельное вино. Оно кружит даже весьма крепкие головы. Торжествующие победу нередко не знают, что с этой победой нужно делать. Они не знают, не умеют организовать нормальное функционирование общественной жизни. Именно этим обстоятельством можно, видимо, объяснить тот почти повсеместный факт, что, заняв место преж-

них властных структур, оплошавшие уже через несколько месяцев скатываются к тем методам управленческой деятельности, которые отличали и коммунистов.

В ряде случаев пришедшая к власти оппозиция просто неверно оценила политическую ситуацию в стране, то есть ненависть широких слоев населения к конкретным атрибутам прежних режимов (партийные комитеты, органы службы безопасности и т.д.) она приняла за признак того, что массы хотят немедленного разрушения всех прежних механизмов организации общества. На деле же люди выказали недоверие лишь тому, что не дает обществу функционировать в нормальном, демократическом режиме. Достаточно скоро выяснилось, что люди ждут не столько немедленного и тотального разрушения прежних организационных структур, сколько скорейшей стабилизации общества на основе, позволяющей каждому его члену иметь возможность осуществить свои цели. Симптомы этого явления можно наблюдать и в восточноевропейских странах, и в Советском Союзе. Хотелось бы сослаться в этой связи на публикацию социологических данных Центра по исследованию общественного мнения АОН при ЦК КПСС. Сравнивая итоги выборов в местные и республиканские Советы в марте 1990 г., затем дополнительные в мае и социологические исследования лета того же года, руководитель этого Центра Ж.Тощенко приходит к выводу, что в общественном сознании в СССР наметился достаточно заметный сдвиг от крайностей в политических позициях к центризму, то есть народ выказал, что он хочет стабильности, благополучия, здравого смысла, гарантий устойчивости своего положения. "Этот сдвиг в общественном сознании, — пишет автор, — весьма показателен. Пока речь шла о чем-то таком, что прямо не касалось каждого, многие склонны были слушать и даже поддерживать самые крайние точки зрения. Ведь когда говорили о том, что в общественных коллизиях может пропасть государство, партия, другие институты, то это впечатляло, но по большому счету не очень волновало людей, — мол, смогу прожить и без них. Но когда до каж-

дого стало доходить осознание возможной социальной катастрофы, в разломах которой могут исчезнуть его собственное спокойствие, благополучие близких и родных, то здравый смысл стал диктовать иную направленность взглядов"⁴. Думается, в выводах московского социолога достаточно точно отображено то, что в настоящее время происходит. И, по всей вероятности, еще будет происходить в СССР и в восточноевропейских странах.

В связи с этим вопрос о том, носит ли разложение общества в упомянутых странах необратимый для социализма характер, не выглядит риторическим. Знакомство с точками зрения на этот счет выявляет весьма противоречивую картину. В большинстве случаев между суждениями пролегает довольно заметная граница в зависимости от того, где тот или иной эксперт живет. Если на Западе, то ответ в большинстве случаев однозначен. Так, Э.Бжезинский считает, что именно XX век похоронит коммунизм, так как он представляет собой "политическое и интеллектуальное отклонение от нормального пути исторического развития", "историческую трагедию"⁵. Редактор лондонского "Экономиста" Клайв Крук в номере от 28 апреля 1990 г. полагает, что уже через 15 лет в Большой Европе (Западной и Восточной) не останется и следов от социализма в его коммунистическом обличье. В лучшем случае некоторые западные обществоведы предупреждают, что хоронить коммунизм еще рано и считают его идеал уже мертвым было бы заблуждением.

Эксперты из бывшего социалистического содружества более сдержанны в своих оценках. Разброс мнений здесь значительно шире: от растерянности и неопределенности до утверждений, что социализму как идее ничто не угрожает. Так, бывший первый секретарь ЦК КПРП, прекратившей свое существование в начале прошлого года, М.Раковский полагает, что "Восточная Европа в ближайшем десятилетии останется регионом, в котором придется иметь дело с мозаикой политических систем"⁶. Р.Петкович, главный редактор югославского журнала "Международная политика", пишет, что

"социализм не должен превратиться в капитализм только потому, что пробует использовать капиталистический опыт... Реформы в странах Восточной Европы развернуты с целью обновления социализма... Нам надо во всех социалистических странах не забывать о проведении глубоких реформ, особенно реформ в сфере экономики. Реформ, которыми мы должны ответить на вызов XXI века"⁷. Советский политолог Л.Шевцова по видимости сформулированных фраз идет вроде бы дальше своих восточноевропейских коллег, когда говорит, что формирующаяся в Восточной Европе общественную систему "вряд ли будет корректным назвать демократическим социализмом... Но и капитализмом формирующееся общество назвать нельзя" и "речь однако не идет о каком-то третьем пути общественного прогресса, но о национальных и конкретно-исторических формах осуществления его общих универсальных принципов"⁸.

В этом последнем случае налицо явная растерянность, характерная для абсолютного большинства советских авторов. По инерции послушно вслед за М.С.Горбачевым повторяют слова о том, что нужно стремиться к так называемому "демократическому социализму", они не могут, так как никто, включая руководство КПСС, расшифровать этот лозунг не в состоянии. Не проясняет его содержания и Программное заявление XXV съезда "К гуманному, демократическому социализму"⁹. Капитализмом назвать грядущее общество советские авторы тоже не могут, так как этому противится все их ученое существо, воспитанное на постулатах марксизма-ленинизма. По этой второй причине обществоведы СССР не могут даже помыслить и о каком-то третьем пути. Вот и получилось, что когда изменившиеся обстоятельства поставили перед доктором исторических наук Л.Шевцовой вопрос: "что день грядущий мне готовит?", то высококвалифицированный эксперт сумел лишь развести руками - это будет и не социализм, и не капитализм, и не третий путь. Каким же будет этот путь? Ответа нет...

Ответа, однако, нет и у западных экспертов. Нельзя

же, в самом деле, принимать за ответ убежденность, что коммунизм умер (З.Бжезинский), или что за 200 лет история завершила свой круг и вернулась в деле общественного устройства к либерально-демократическим позициям (Ф.Фукуяма). Кстати сказать, даже З.Бжезинский, утверждая, что наступила "кончина коммунизма", все же добавляет в качестве оговорки, что речь идет о "той его модификации, которая стала известна в нашем столетии"¹⁰.

Фактически же каждая сторона, формулируя свои оценки и пытаясь дать прогноз, испытывает сильнейшее, определяющее влияние той среды, в которой она живет. Здесь "мертвый хватает живого". Как представляется, эта ограниченность не позволяет понять, что речь идет (должна идти) не о конце развития одного определенного социально-политического качества, а о переходном периоде. Но не о переходном периоде бывшего социалистического лагеря только (лагерь уже фактически распался, а лагерники разбежались), а о переходном периоде всей современной цивилизации в единстве двух ее бывших глобальных половин, на которые в XX веке Октябрьский переворот 1917 г. разделил весь мир. Очевидно, следует понять, что переходный период переживают все общества: и восточные, и западные, и те, которые ориентируются на общечеловеческие ценности, и те, которые держали в виде идеала сугубо классовую социалистическую идею. То есть все переходят от биполярной модели цивилизации XX века к иной модели, которую можно назвать пока общо и условно цивилизацией XXI века. Никто, ни одна страна не останется в прежнем виде и в прежнем качестве. И никто не вернется на 200 лет назад к либеральной идее Эдмунда Бёрка. На Земле еще никому не удавалось дважды войти в одну и ту же реку. Грустная формула Френсиса Фукуямы о "конце истории"¹¹ не более, чем еще одна утопия. Нас ожидает, по всей вероятности, не "конец истории", а начало новой истории, истории XXI века.

Вслед за этими словами читатель вправе ожидать формулирования хотя бы приблизительных ориентиров обществен-

ной системы XXI века. Эта система, конечно же, не будет единой в своей характеристике и уже тем более одинаковой для всех экономико-географических и национальных регионов. Но какие-то отправные принципы могут быть общими. Думается, непонимание этого явления и обуславливает теоретическую беспомощность с точки зрения вычленения целей и задач переходного периода.

Эту беспомощность реформаторов и оппозиции в целом в СССР и восточноевропейских странах можно, видимо, объяснить тем обстоятельством, о котором уже шла речь выше. Руководство правящих компартий долгими десятилетиями бдительно следило не только за тем, чтобы на противной стороне не появлялось признанных народом политических лидеров, но не менее бдительно – и за тем, чтобы в стане оппозиции, даже не существующей реально, а потенциальной, не выросло теоретиков, исследователей, которые могли бы объективно оценить развитие общества под руководством коммунистов и, придя к отрицательным выводам, начать разрабатывать альтернативные варианты. Эффективным средством борьбы против появления независимых теоретических кадров было не просто физическое их уничтожение или устранение из общественной жизни, науки и т.д., но и материальное, финансовое, социально-статусное поощрение таких обществоведов, которые бы занимались обоснованием легитимности коммунистического единовластия, его исторической оправданности, занимались бы восхвалением власть предержащих. Для достижения этих целей устранялась старая интеллигенция, как о том уже говорилось выше, и возвращалась новая, послушная, кормящаяся из рук властей. В результате руководство компартий, утверждавшее, что именно оно развивает науку и осуществляет историческое предвидение, в критический момент не сумело выдвинуть ничего, кроме пустого лозунга о так называемом "демократическом социализме", не зная, какое содержание в него может быть вложено. Тот же М.Раковский, сходя с политической сцены, заметил, что у левых сил "есть буду-

шее при условии, если они довольно быстро смогут найти ответ на вопрос, как "они представляют себе строй демократического социализма"⁶, признавая тем самым, что у руководства ЮРП такие представления отсутствовали.

Не лучше обстоят дела и в стане экспертов из западных стран. Десятилетиями реально-социалистическая часть мира навязывала теоретическим силам западных стран одностороннюю идеологическую схему защиты их общественных порядков. Западные советологи чаще всего не отдают себе отчет в том, что, смотрясь, как в зеркало, в свое отражение в социалистическом мире, они ведь во многом видели в этом зеркале западный мир, свои недостатки, только в преувеличенном виде. Защищая западную демократию от идей коммунизма, они это делали столь же агрессивно, сколь были таковыми официальные коммунистические идеологи, прежде всего советские. Обе стороны были агрессивно-односторонними. А будучи таковыми, не могли не перенимать отдельных черт друг у друга и становиться в чем-то похожими. Так, Запад перенимал из практического опыта "реального социализма" те элементы общественного устройства, которые вполне успешно приживались и в жизни западных демократий. Вот и Э.Бжезинский в своем "Великом провале" пишет, что Запад взял от марксизма все, что было действительно плодотворным и конструктивным, и ассимилировал это позитивное¹². Данное обстоятельство, а также развитие техники коммуникаций, в особенности после Второй мировой войны, понимаемой широко (средства связи, перемещение идей НТП, товарных потоков и денег), привели к тому, что физически человеческая цивилизация, политически двухполюсная, биполярная, на деле стала приобретать достаточно много общих черт. И сейчас уже ни одна страна, ни одно общество не может развиваться автономно от других, не испытывая на себе их воздействия и не влияя, в свою очередь, на них (как не может и автономно, не оказывая разлагающего воздействия на других, распадаться, разваливаться). А если так, то понятной становится и теоретическая растерянность обществоведов Запада и Востока:

Ведь оценки — то сжидутся практически на одной и той же методологии.

Учитывая то несомненное и очевидное обстоятельство, что экономический крах восточноевропейских стран и СССР (за которым, буде он действительно произойдет, последует и политический коллапс) не останется автономным, а потащит за собой в пропасть и экономику западных государств, что также не останется без последствий в сфере политических и социальных процессов, следует высказать не такое уж оригинальное убеждение, что поиск ориентиров конца переходного периода для всей мировой цивилизации должен сегодня идти в обеих частях бывшего биполярного мира. В этом поиске у западных ученых есть, конечно, преимущество. Во-первых, западная наука никогда не нарушала логики преемственности, и в конечном итоге утвердилась в признании абсолютной ценности такой организационной структуры, какой является гражданское общество. Во-вторых, она имеет исследовательский опыт возвращения в нормальное состояние гражданского общества таких прежде тоталитарных стран, какими были некоторое время Германия, Япония, Италия, Испания (а разве не перед схожими проблемами перехода стоят сейчас страны бывшего социалистического лагеря?).

Много ценных идей заключено в послевоенном политическом опыте западноевропейской социал-демократии. Судя по всему, теоретики этой последней хорошо понимают, что если обществоведческая мысль стран бывшего социалистического содружества будет принуждена в одиночку преодолевать лабиринты переходного периода, то переход может растянуться на очень длительный исторический период, слишком длительный, чтобы не затронуть в негативном плане жизненные интересы западных демократий. Значит и здесь есть поле для совместных действий. В последнее время, правда, в СССР и восточноевропейских странах появились исследователи, которые спешат (именно спешат) объявить опыт западноевропейской социал-демократии не имеющим ценности, высказывают суждение, что социал-демократизм в Восточной Евр

пе не имеет никаких шансов на существование, так как, по словам А.С.Ципко, "все эти страны идут от коммунизма к неоконсерватизму, неолиберализму, минуя социал-демократию"¹³.

Думается, спешить со столь определенными выводами не стоит. Во всяком случае следует помнить о том, что приставки "нео-" к понятиям "либерализма" и "консерватизма" не отменяют того факта, что эти политико-идеологические течения в XX веке не так уж мало идей общественно-организационного характера взяли и у социал-демократии, и у социализма марксистско-ленинского толка. Трудно представить себе, что сейчас, на крутом переломе своей истории СССР и восточноевропейские страны легкомысленно выбросят за борот то, что у них же и родилось и что прошло проверку временем на Западе. Может, конечно, статься, что какие-то экстремистски настроенные элементы, в общей сумятице сегодняшних будней политической жизни (а такие есть и в СССР, и в Польше, Чехословакии, Болгарии) сумеют прорваться к власти и сделают попытку сразу утвердить те организационные принципы, о которых пишет А.Ципко. Такое не ново, такое уже бывало. Об этом еще Ф.М.Достоевский в "Бесах" предупреждал. "В смутное время колебания или перехода - писал он, - всегда и везде появляются разные людшки. Я не про тех так называемых "передовых" говорю, которые всегда спешат прежде всех (главная забота) и хотя очень часто с глупейшею, но все же с определенной более или менее целью, Нет, я говорю лишь про сволочь. Во всякое переходное время подымается эта сволочь, которая есть в каждом обществе, и уже не только безо всякой цели, но даже не имея и признака мысли, а лишь выражая собою изо всех сил беспокойство и нетерпение. Между тем эта сволочь, сама не зная того, почти всегда подпадает под команду той малой кучки "передовых", которые действуют с определенной целью, и та направляет весь этот сор куда ей угодно, если только сама не состоит из совершенных идиотов, что, впрочем, тоже случается"¹⁴.

Как видим, ничто не ново в этом мире, еще в 1872 г. Ф.М. Достоевский описал то, что мы можем наблюдать и сегодня. Можно однако с уверенностью сказать, что даже если кое-кто из "спешащих" прорвется к власти в странах бывшего социалистического содружества, пребывание их у её кормила будет носить кратковременный характер. И не в том дело, что дважды на протяжении одного века еще ни одна нация, ни один народ не сваливались в одну и ту же пропасть, а в том, что историческое развитие наций и народов происходит много медленнее и постепеннее, нежели этого хотелось бы скорым на руку политическим деятелям немедленного реформаторского действия. У исследователей есть время для нащупывания бродов в переходном потоке. Но это время все же ограничено. Поэтому усилия теоретиков Запада и Востока в поисках адекватных времени и условиям организационных моделей развития восточноевропейских обществ и СССР желательно бы в интересах тех и других объединить и сообща искать формы жизнеспособности того, от чего в XXI веке будет зависеть жизнь людей и на Востоке, и на Западе.

Примечания

1. Djjilas M. There'll be many different Communism in 1984:— The New York Times Magazine. 1969, March 23, p. 134.
2. Brzezinski Z., Huntington S.P. Political Power USA/USSR. New York, 1964, p. 424.
3. "Известия". М., 1990, 18 мая.
4. "Известия". М., 1990, 1 ноября.
5. Brzezinski Z. The Grand Failure. The Birth and Death of Communism in the Twentieth Century. New York, 1989, p. 1; 231.
6. "Известия". М., 1990, 27 июня.
7. "Правда". М., 1989, 11 ноября.
8. Шевцова Л.Ф. Куда идет Восточная Европа?— "Мировая экономика и международные отношения". М., 1990, № 4, с. 15.
9. См. "Материалы XXVIII съезда КПСС", М., 1990, с. 77-97.
10. "Правда". М., 1989, 9 ноября.
11. См. Фукуяма Ф. Конец истории? — Страна и мир.

- Мюнхен, 1990, № 1, с. 89-91.
12. Brzezinski Z. The Grand Failure..., p.257-258.
13. Ципко А. Судьба социалистической идеи. - "Московские новости". М., 1990, № 24, 17 июня.
14. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Т. 10. М., 1974, с. 354.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Конец 80-х годов был отмечен событиями, которые не вносказательно, без всяких кавычек можно назвать эпохальными, имеющими поистине всемирно-историческое значение. Речь идет о крахе тоталитарно-репрессивных коммунистических режимов в восточноевропейских странах, сметенных в ноябре-декабре 1989 г. революционной волной. Крах этих режимов положил начало глубинным преобразованиям в общественно-политической, социально-экономической и культурно-идеологической сферах жизнедеятельности стран Центральной и Юго-Восточной Европы, преобразованиям, которые в своей совокупности подводят черту целой эпохе в европейском и всем мировом развитии. Эпохе, связанной с расчетами на торжество марксизма-ленинизма, на победу нового общественного строя в международном масштабе. С помощью этого самого нового строя или диктатуры пролетариата марксисты-ленинцы намеревались вывести трудящиеся массы "из бездн страданий, мучений, голода, одичания к светлому будущему коммунистического общества, всеобщего благосостояния и прочного мира"¹.

Нигде и ничего из этих намерений не получилось по причине прежде всего ложности стержневой идеи, а именно идеи о том, что прийти к "светлому будущему" можно только посредством революционного, т.е. непреклонного и беспощадного, насилия. Первая из так называемых партий нового типа - большевистская, все ее вожди были неумными апологетами революционного насилия, красного террора, классовой непримиримости и священной ненависти пролетариата и его политического авангарда к каждому, встающему на их благородном социалистическом пути. "Мы загляли социализм у себя

и во всем мире, — горделиво заявлял Ленин. — Кто хоть сколько-нибудь мешает этой борьбе, с тем мы боремся без пощады. Кто не с нами, тот — против нас"².

Вдохновенные певцы классового противоборства, уничтожения частной собственности, эксплуатации и угнетения в любых его формах многое сумели разворошить и разрушить до самого основания; сумели и кое-чего достичь при помощи насилия и невиданной в истории мистификации народных масс. Не совсем эфемерными были такие, например, понятия, характеризовавшие уходящую эпоху, как "коммунистическое движение", "мировая система социализма", "социалистическое содружество", "реальный социализм" и т.п. Определенную действительность они отражали. Но в том-то и вся суть, что в качестве скреплявших все это обручей выступали прежде всего насилие и ложь или, деликатнее, расхождение между словом коммунистов и их делами. Какое-то время обольщивать народные массы, держать их в страхе, в охранно-репрессивной узде удавалось, но это время отнюдь не беспредельно. Теперь вот ему приходит конец, грядет совсем иная эпоха, застрельщиками которой выступают сторонники демократии, а не мирового коммунизма.

К числу исходных объективных причин, предопределивших неостратимое разложение и гибель в конце 80-х годов тоталитарных марксистско-ленинских режимов, должен быть отнесен уже сам факт возникновения этих режимов. Что здесь имеется в виду? Прежде всего вся та система общественных, в т.ч. международных, межгосударственных, отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе, которая ведет свою родословную от победы СССР над нацистской Германией и ее сателлитами и от обусловленного этой победой советского военно-политического доминирования в регионе. Точно так же как вся система отношений в Западной Европе ведет свою родословную от аналогичных прав США, Великобритании и Франции и их безусловного военно-политического доминирования в этой части континента.

Авторы сборника придерживаются мнения, что Советский Союз и шедшие за ним политические силы, в первую очередь восточноевропейские коммунисты, никакой другой системы, отличной от той, которую создали, построить не могли. Ведь все они ориентировались на реализованную в СССР коминтерновскую леваго-экстремистскую тоталитарную модель (в противоположность фашистской право-экстремистской модели антикоминтерновского толка, характерной для победенных во второй мировой войне стран и весьма, кстати, близкой по форме и содержанию к своему коммунистическому антиподу). И вновь стоит заметить, что вчерашние союзники СССР по антигитлеровской коалиции тоже воспользовались правом победителей, чтобы по своему образу и подобию воссоздать и укрепить в западной части континента систему общественных, в т.ч. международных, межгосударственных, отношений, т.е. систему парламентарно-демократическую, опирающуюся на многоукладную рыночную экономику.

Следовательно, речь идет о том, как воспользовались своим правом победителей доминировавшие в восточной и западной частях Европы военно-политические силы, какие они создали или воссоздали общественные системы, т.е. приспособленные ли только к обстановке противоположности, противостояния и противоборства, или могущие функционировать в иных условиях. Жизнь показала, что западноевропейская правовая демократическая система настроена на более широкий спектр отношений, чем лишь конфронтация и противоборство, а вот восточноевропейская полицейская система советского типа смогла просуществовать ровно столько, сколько сохранялась в Европе и во всем мире обстановка противостояния, "холодной войны".

К концу 80-х годов международная обстановка радикально изменилась: ушли в прошлое противоборство Востока и Запада, "холодная война". Венские договоренности (январь 1989 г.) и Парижская хартия для новой Европы (ноябрь 1990 г.) подвели черту под положением победителей и победенных во второй мировой войне, под послевоенной эрой

конфронтации и раскола европейского континента. Тот элемент идеологизации, который многое определял в государственной и всей общественной жизни восточноевропейских стран, включая и сферу их взаимоотношений с Советским Союзом, потерял всякое значение. Это — принципиальный сдвиг, который меняет всю иерархию ценностей. Тем более, что политическая ориентация сил, являвшихся субъектами упомянутых взаимоотношений, — не столь ныне однонаправленна, как это было в истекшие четыре с лишним десятилетия коммунистического правления.

Разумеется, нельзя обрасывать со счетов, что компартии кое-где еще у государственного кормила (например, в КНДР, КНР, СРВ, СССР, на Кубе), но это ничего не меняет в общей тенденции их сокрушительного поражения. Понадобится еще немало времени, чтобы глубоко и всесторонне осмыслить причины и следствия этого всемирно-исторического поражения коммунистического крыла международного рабочего движения, поражения не только сталинизма, но и ленинизма. Настоящие очерки революционных антикоммунистических преобразований в восточноевропейских странах — шаги в направлении такого осмысления. Это, в общем-то, лишь первые шаги, и потому разговор часто сбивается на описательность, хронику событий 1989—1990 годов. Хотя важно и это, ибо специальных справочных изданий по указанным событиям не имеется, да и вообще наша пресса пишет о них избирательно и не всегда объективно.

Западные ученые тут более оперативны, "за бугром" вышли уже книги о восточноевропейском переломе. Но это, конечно, не резон, чтобы сидеть сложа руки. Свой взгляд, так сказать, изнутри того, что раньше именовалось социалистическим миром, тоже важен, и, быть может, для всех нас даже более важен, чем взгляд стороннего западного наблюдателя.

В написании очерков приняли участие сотрудники Института славяноведения и балканистики АН СССР, Института научной информации по общественным наукам АН СССР. Кроме

того, представлялось интересным рассказать о позициях западных авторов, и это сделано путем обзора в одной из статей соответствующих публикаций в американском журнале "Тайм". Насколько удалось раскрыть заявленную тему - судить читателям.

Примечания

1. Ленин В.И. Полн.собр.соч., т.36, с.78.
2. Ленин В.И. Полн.собр.соч., т.38, с.289.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
НОВОПАШИН Д.С. У "разбитого корыта" или о причинах краха социалистического эксперимента в Центральной и Восточной Европе	3
ВОЛОКИТИНА Т.В. Болгария: "нежная революция" или поиски "новой модели социализма"	39
ЖЕЛИЦКИ Б.Й. Трагедия ВСРП	70
ШАНШИЕВА Л.Н. ГДР - 1989: хроника падения тоталитарного режима	118
ПАВЛОВСКИЙ И.В. Фактор национального самосознания.	134
МИРОШНИКОВ В.В. Закат польского коммунизма (По поводу XI съезда ПОРП - I конгресса Социал-демократии Польской Республики)	147
ЛЫКОШИНА Л.С. Польский кризис 80-х годов и общественное сознание	179
КАЛАШНИКОВА Н.Д. Румыния - 1989: конец "золотой эпохи"	190
ЩЕРБАКОВА Д.А. Начало "нежной революции" в ЧСФР (осень 1989 г.)	237
ХАРЦИЕВА Г.Ю. Политическая картина в Словакии после ноябрьских событий	249
ЕДЕМСКИЙ А.Б. От провала XIV съезда СКОУ к "третьей" Югославии?	269
ЗАДОРОВНИК Э.Г. Процесс распада социализма в оценках Запада (журнал "Тайм" о событиях января-декабря 1989 г.)	290
КУЗНЕЧЕВСКИЙ В.Д. Революция обновления или другое общество?	313
ПОСЛЕСЛОВИЕ	333

Утверждено к печати
Институтом славяноведения и балканистики АН СССР

Подписано в печать 13.05.91. Формат 14 x 20
18 печ.л. 17,6 уч.-изд.л. Тираж 300 экз.

Заказ № 1112

Цена 6р 50 коп

Типография ВИА имени В.В.Куйбышева

